

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 4 (52)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / PHILOSOPHICAL JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жукоцкая А. В. главный редактор	начальник департамента философии и социальных наук, профессор Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Черненко С. В. зам. главного редактора	заместитель начальника департамента, профессор Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат философских наук, доцент
Осмоловская С. М. ответственный секретарь	доцент, кандидат социологических наук, доцент Института гуманитарных наук МГПУ
Ананишин В. М.	доктор социологических наук, профессор департамента философии и социальных наук МГПУ
Кожевников С. Б.	профессор, доктор философских наук, профессор Института гуманитарных наук МГПУ
Бирич И. А.	профессор, доктор философских наук, доцент Института гуманитарных наук МГПУ
Мамедова Н. М.	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
Мапельман В. М.	профессор, доктор философских наук, профессор Института гуманитарных наук МГПУ
Хилханов Д. Л.	профессор, доктор социологических наук, профессор Института гуманитарных наук МГПУ
Оганисян А. О.	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук
Чжан Байчунь	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2078-9238

© ГАОУ ВО МГПУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера 7

Социальная философия

Ермоленко Г. А., Кожевников С. Б. Политическое сознание
и гражданская идентичность 8

Ковалев А. А. Преодоление угрозы духовного воздействия
на российский национальный менталитет как фактор обеспечения
безопасности 17

Рекешева Ф. М. Особенности развития современной
русской элитологической науки (астраханская школа
исследования) 31

История идей и современность

Бессонов Б. Н., Бирич И. А. Развитие народной философии
в русском устном народном творчестве 42

Философия науки

Корчажкина О. М. Шаги за горизонт или движение к пропасти? 53

Черненко С. В. Наука и общество в условиях медиатизации 72

Змазнева О. А. Язык обмана: схема сценария и причины
вовлечения жертв в ситуации телефонного мошенничества 81

Рецензии

- Бессонов Б. Н., Кондратьев В. М.** Рецензия на:
Гай Стэндинг. «Прекариат: новый опасный класс».
(М.: АД Маргинем Пресс, музей современного искусства
«Гараж», 2020. 368 с.)..... 90

Исследования молодых ученых

- Жулев В. В.** К вопросу о возрождении политики
в средневековой Европе 105
- Требования к оформлению статей..... 118

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue 7

Social Philosophy

Ermolenko G. A., Kozhevnikov S. B. Political consciousness
and civic identity 8

Kovalev A. A. Overcoming the threat of spiritual influence
on the Russian national mentality as a factor of ensuring security 17

Rekesheva F. M. Features of the development of modern
Russian Elitist science (astrakhan school of research)..... 31

History of Ideas and Modernity

Bessonov B. N., Birich I. A. The development of folk philosophy
in Russian oral folk art 42

Philosophy of Science

Korchazhkina O. M. Steps over the horizon or moving towards
the abyss?..... 53

Chernenkaya S. V. Science and society in the context of mediatization..... 72

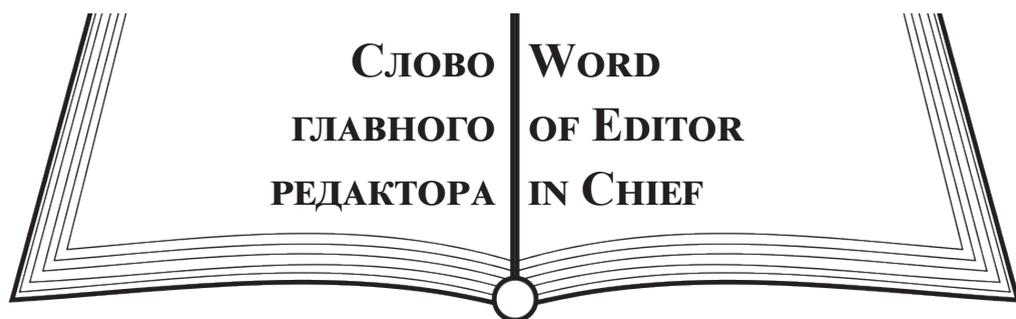
Zmazneva O. A. The language of deception: the scheme of the scenario
and the reasons for the involment of victims in a situation of telephone
fraud 81

Reviews

- Bessonov B. N., Kondratiev V. M.* Review of:
Guy Standing. Precariat: the new dangerous class.
(Moscow: AD Marginem Press, museum of contemporary art
«Garage», 2020. 368 p.) 90

Research by Young Scientists'

- Zhulev V. V.* On the issue of the revival of politics in medieval Europe.... 105
- Requirements for Style Articles 118

Задачи номера

Социальная и политическая философия всегда была и остается на самом острие проблем, волнующих человека и общество. Что такое политическое сознание? Каковы его атрибуты? Как этот феномен связан с языком, системой ценностей, ментальностью этноса и нации? Какова роль символов в политическом дискурсе? Насколько каждая культура защищена от экспансии другой культуры? Мы уже привыкли к тому, что за современной философской проблематикой усматривается практическая, прагматическая составляющая, расставляющая акценты и детерминирующая не только сознание, но и поведение индивидов. Политическое поведение — это не только избирательная активность. В итоге приходится признать, что в современном обществе политическая культура, политическое сознание выступают детерминантой политической социализации, определяют специфику гражданского самосознания, формируют основы не только политической идентичности граждан.

В тесной связи с этой проблемой находится и проблема взаимозависимости языковой картины мира и мен-

тальных особенностей нации, этноса, народа. Вечный вопрос: как сохранить свою национальную, этническую, конфессиональную и иную идентичность в условиях постоянной и быстрой трансформации современного общества? Современное общество отправляет в наш адрес массу вызовов, которые требуют порой нестандартного подхода к их оценке и поиску ответов на них. Порой эти вызовы лежат в сфере обыденного сознания и обыденных практик людей. Например, как справиться или по крайней мере минимизировать ущерб от манипулятивных техник, обрушившихся на наше сознание не только из сферы массмедиа, но и из сетевого общения? Возможно ли поставить пределы мифотворчеству в обыденном и научном познании и как это сделать? Насколько важны сегодня навыки критического мышления, когнитивной гибкости для демаркации науки и псевдонауки? Философские размышления по всем этим актуальным проблемам содержат в себе не только теоретический, но и прагматический потенциал, который будет способствовать в итоге выбору субъектом адекватной стратегии поведения.

Научно-исследовательская статья

УДК 323

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-8-16

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Г. А. Ермоленко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
gaermolenko@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7615-2516>

С. Б. Кожевников

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
kozhevnikovsb@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Аннотация. В статье анализируется феномен политического сознания как важнейший фактор общественной жизни человека. Рассматривается структура политического сознания, основные элементы политического сознания. Политическое сознание изучается в контексте культуры, исследуются связи политических институтов и культуры, языка, системы ценностей. Особое внимание уделено изучению природы политического символа, рассматриваются особенности политического символа, приводятся примеры политических символов, показывается их сакральное значение. Политическое сознание трактуется как выражение политического дискурса. Политический дискурс определяет облик политической культуры, ее содержание и доминанты. Особенности политической социализации определяют специфику гражданского самосознания, формируют основы политической идентичности граждан. Авторы приходят к выводу, что политическая культура и политическое сознание играют решающую роль в формировании гражданского самосознания.

Ключевые слова: политическое сознание, политический символ, язык, политический дискурс, гражданство

Для цитирования: Ермоленко Г. А., Кожевников С. Б. Политическое сознание и гражданская идентичность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 8–16. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-8-16

Scientific research article

UDC 323

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-8-16

POLITICAL CONSCIOUSNESS AND CIVIC IDENTITY

Galina A. Ermolenko

HSE University,

Moscow, Russia,

gaermolenko@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7615-2516>

Sergey B. Kozhevnikov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

kozhevnikovsb@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Abstract. The article analyzes the phenomenon of political consciousness as the most important factor in human social life. The structure of political consciousness, the main elements of political consciousness are considered. Political consciousness is studied in the context of culture, the connections of political institutions and culture, language, and value systems are explored. Special attention is paid to the study of the nature of the political symbol, the features of the political symbol are considered, examples of political symbols are given, their sacred meaning is shown. Political consciousness is interpreted as an expression of political discourse. Political discourse defines the shape of political culture, its content and dominants. The peculiarities of political socialization determine the specifics of civic consciousness, form the foundations of political identity of citizens. The authors conclude that political culture and political consciousness play a crucial role in the formation of civic consciousness.

Keywords: political consciousness, political symbol, language, political discourse, citizenship

For citation: Ermolenko, G. A., & Kozhevnikov, S. B. (2024). Political consciousness and civic identity. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (52), 8–16. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2024-452-8-16>

Постановка проблемы

Политическое сознание является важнейшим элементом общественной жизни человека. При этом оно в значительной степени обусловлено спецификой *политического дискурса*, свойственного той или иной политической культуре. Поэтому язык политического сознания оказывает значительное влияние на формирование гражданской идентичности

человека. Будучи выражением культуры, язык транслирует ее ценности и идеалы. Семантика политического языка регламентирует процессы формирования и трансляции политических компетенций граждан, способствует развитию их патриотических чувств, навыков совместного решения вопросов публичного значения. Таким образом, язык представляет собой важнейший фактор формирования и социального функционирования политического сознания. Языковая картина мира определяет ментальные особенности общественной жизни человека, регламентирует происходящие в историческом измерении трансформации политической культуры.

Методология исследования.

Понятие политического символа

Ситуации использования перформативных выражений в политическом дискурсе в значительной мере детерминируются прагматическими аспектами функционирования языка. Язык в имплицитной форме содержит картину мира, в рамках которой действия социальных акторов обретают политический смысл. Таким образом, политические дискурсивные практики опираются на конкретный историко-культурный материал и реализуют символические ресурсы языковой картины мира.

История и культура выступают символическим пространством, обеспечивающим смысловую связность политическим репрезентациям, свойственным политическому сознанию определенного сообщества. В качестве подобных репрезентаций выступают также знаки принадлежности к социальной общности, символическому культурному универсуму, различные способы легитимации гражданского дискурса, связанные с характером политических традиций и политического самосознания, свойственного политической культуре того или иного народа.

Символ — это основной элемент культурной реальности, репрезентирующий ее ментальную конституцию. В символическом универсуме культуры находят выражение важнейшие ценности, с которыми человек соприкасается в процессе производства социального порядка. Поэтому религиозные и политические символы сообщают культуре сакральное измерение, обеспечивают связь человека с миром трансцендентных целей, которые не могут быть реализованы посредством индивидуальных действий, а предполагают формы представления индивидуальной воли религиозными и политическими институтами. Важнейшим из таких институтов является государство.

Таким образом, политические институты представляют собой своеобразные манифестации языковой картины мира, выраженные посредством государственной символики, знаками геральдики и другими атрибутами принадлежности к политической реальности. Язык связывает воедино различные аспекты символической реальности культуры.

В основе политического сознания лежит чувство принадлежности к единой политической общности, единому культурному пространству, обусловленному исторической преемственностью и солидарностью поколений, единству исторической судьбы. Идею политической сплоченности граждан как представителей большой социальной группы воплощают политические символы государства: герб, флаг и гимн. В пространстве политического языка исторические события обретают символический характер, переходят на метафизический уровень и продолжают существовать в особом модусе политического бытия. В таком случае для гражданского сознания государственный флаг может быть «островком Родины» даже далеко за ее пределами.

Политический символ указывает на особое значение объекта политического сознания — это своеобразный мостик в мышлении, объединяющий субъект действия и его результат, это мысль, взятая в единстве с репрезентируемой в ней объективной действительностью. Символизация дополняет и интегрирует чувственный и рациональный опыт в единое смысловое поле культуры, внося в реальность физического мира уникальные следы человеческого присутствия, объединяя различные контексты человеческого опыта взаимодействия с ним.

Символ (*др.-греч.* σύμβολον — совместное бросание, условный знак, сигнал) формирует своеобразный орнамент культуры, задает ее общую палитру, создает целостное пронизанное человеческим присутствием историческое бытие, в частности символическим содержанием в культуре часто наделяется образ родного дома. Между тем в повседневной речи встречаются значения, противоречащие изначальному смыслу этого слова. Например, когда мы обозначаем какое-либо действие как чисто символическое, то предполагаем, что оно будет иметь характер чего-то симулятивного, несерьезного, формального и неискреннего. Это затрудняет понимание той важнейшей роли, которую играет символ в культуре, а также необходимой связи символических порядков культуры с политическими традициями и идеалами.

Игнорирование символической составляющей культуры может привести к своеобразному эффекту политической аномии, когда человек, сталкиваясь с политическими реалиями, не знает, с чем их соотнести, в какую часть символического универсума культуры их поместить. Опыт, вырванный из культурно-исторического контекста, рассыпается на бессвязные образы прошлого и настоящего. В такой ситуации один образ может без сожаления меняться на другой, выражая всеобщее безразличие, конформизм и социальную апатию. Анализ символической природы политического сознания вносит важный вклад в обнаружение связей политического сознания с экзистенциальным измерением человеческого бытия, позволяет объединить политические идеалы с политическим действием, исторической практикой.

Х. Ортега-и-Гассет в эссе «Размышления о Дон Кихоте», используя известную историю «рыцаря печального образа», характеризовал фундаментальную потребность в символизации как неизбежное проявление человеческой

воли к культуре: «Куда следует поместить Дон Кихота — с той или с другой стороны? Мы не можем однозначно отнести его ни к одному из двух противоположных миров. Дон Кихот — линия пересечения, грань, где сходятся оба мира. Если нам скажут, что Дон Кихот принадлежит всецело реальности, мы не станем особенно возражать. Однако сразу же придется признать, что и неукротимая воля Дон Кихота должна составлять неотъемлемую часть этой реальности. ... Вот почему с такой удивительной легкостью он переходит из унылого зала таверны в мир сказки. Природа его погранична, как, согласно Платону, человеческая природа в целом» [1, с. 131].

Л. Витгенштейн настаивал на том, что наши представления о реальности в конечном счете формируются поэтическим воображением: «как я нахожу “правильное” слово? Как выбираю среди слов? Без сомнения, иногда я будто сравниваю их по оттенкам аромата: это слишком..., то чересчур..., а вот это подходит» [1, с. 320]. Изучая природу гражданского чувства, мы, в свою очередь, обнаруживаем в нем связь с эпическими сюжетами древней истории, обычаями и традициями, музыкальные и поэтические образы прошлого, выражающие уникальный художественный опыт национальной культуры. Эти элементы духовной культуры формируют особый опыт коллективного переживания, уникальное чувство сопричастности к значимым событиям, лежащим в основе коллективной политической идентичности. Поэтому вопрос о политической природе государства — это не в последнюю очередь вопрос об истоках формирования гражданского самосознания.

Современное политическое сознание

Для современного политического сознания характерна связь с эгалитарными убеждениями, которые находят выражение в феноменах массовой культуры с ее консюмеристскими запросами, формирующимися в обществе массового потребления. Поэтому современное политическое сознание неизбежно связано с практиками мифотворчества. В обществе массового потребления социальное мифотворчество становится важным модусом политического сознания, что проявляется в преимущественно утилитаристских установках большинства политически активных социальных акторов.

Массовая культура зарождается в эпоху Нового времени и связана прежде всего с процессами секуляризации, индустриализации, урбанизации. В конечном счете эти процессы приводят к нигилистической переоценке ценностей на рубеже XIX–XX веков. В XX веке массовая культура становится едва ли не главным фактором инкультурации и индоктринации, формируя специфическую психологию массового человека. В таком качестве массовая культура становится универсальным культурным кодом, характеризующим систему представлений, свойственную современному обыденному сознанию. Потребительская же культура по своему функционалу гораздо шире. В отличие

от массовой, она функционирует не только в области обыденного и массового сознания, но и затрагивает специализированные сферы деятельности, опираясь при этом на принципы экономической рациональности. В этом смысле потребительская культура развивается и функционирует преимущественно в экономическом сегменте жизни общества.

Феномен идеологии

Важнейшим проявлением социального функционирования политического сознания является феномен идеологии. При этом идеология не только представляет собой центральный элемент в структуре политического сознания, но и определяет особенности мышления как социального явления в той степени, в какой оно обусловлено историческим и социально-культурным опытом человека. «Идеология как система любых идей, а не только политических, как интерпретация бытия, была, есть и будет имплицитно встроена в социальную ткань любого общества» [3, с. 8]. В кинематографической антиутопии «Клуб Зеро» (2023) режиссера Джессики Хаузнер главная героиня мисс Новак ведет в элитной школе занятия по осознанному питанию. Новый школьный предмет призван изменить отношение к общепризнанным культурным практикам путем манипуляции чувством голода, которое полностью ставится в зависимость от сознания. Целью изменения отношения к питанию декларируется стремление внести вклад в решение глобальных проблем современности: продовольственной и экологической.

Согласно убеждениям мисс Новак, потребность в пище не является естественной потребностью человеческого организма, а спровоцирована современным обществом потреблением. Ограничения в пище вводятся ею для преодоления негативных последствий общества потребления в целях противодействия антигуманным интересам производителей продуктов питания. Мы узнаем, что речь идет о пресловутых транснациональных корпорациях, деформирующих природу человека в эгоистическом стремлении к получению прибыли. Для противодействия хищническим устремлениям компаний необходимо отказаться от пищи животного происхождения, сократить объем питания, а затем и вовсе перейти на самовоспроизводство организма, запустив тем самым процесс его самоочистения.

Новая пищевая идеология мисс Новак входит в явное противоречие с привычными для общества представлениями о здоровом питании, формируя при этом условия для реализации некоего альтернативного образа жизни. Однако внедрение альтернативных культурных практик на первом этапе опирается на институциональную поддержку и осуществляется при активном участии администрации школы. Посещение занятий мисс Новак является обязательным, а ученику, отказывающемуся следовать рекомендациям мисс Новак,

угрожают неаттестацией. В результате давления других учащихся в группе он также становится приверженцем практики осознанного питания.

Курс мисс Новак изначально вводился по инициативе родительского комитета школы. По общему убеждению представителей администрации школы и родительской общественности, осознанное питание должно было способствовать формированию у школьников здорового образа жизни. Однако с течением времени выясняется, что, разделяя убеждения мисс Новак, следуя ее предписаниям, ученики разрывают привычные связи с обществом. Они вступают в конфликты со своим ближайшим окружением, отказываются от доверительных отношений с родителями, которые, заподозрив неладное, бьют тревогу в связи с отказом детей от пищи.

В итоге пищевая идеология приводит к созданию новой символической реальности: системы идеалов, ценностей, ритуальных практик. Господствующая в группе дисциплина духа и тела создает сплоченную социальную единицу, члены которой объединены общими сакральными практиками и едиными представлениями о враждебной действительности. Сначала школьники тщательно оберегают свое сакральное пространство, скрывают от ближайшего окружения свои истинные намерения, симулируя прием пищи. Но затем переходят к явным формам протеста, вступают в противоборство с близкими и в какой-то момент попросту исчезают.

Что же случилось с новоиспеченными последователями мисс Новак? Школьники вместе со своим преподавателем перемещаются в символическую реальность, созданную политическим воображением самой мисс Новак. Метафорическими средствами режиссеру удалось показать переворот, произошедший в сознании адептов этой новой ментальной практики. Они вошли в новую реальность, оказались персонажами картины, висевшей дома у одной из учениц. Эта картина в качестве образа параллельной альтернативной реальности сопровождает зрителей на протяжении всего фильма. Анализ кинематографического исследования, проведенного Д. Хаузнер, позволяет сделать вывод, что само общество является продуктом культуры, а социальные отношения выстраиваются на основе совместного использования символических конструкций. В основе социальной сплоченности лежит повседневная жизнь человека, окруженного символическими реалиями, которые он принимает в качестве незыблемого основания своего существования. Принятие новых культурных практик, нового образа жизни в действительности происходит при помощи тех же самых институциональных регламентов, которые санкционируют привычные и устоявшиеся формы социальных отношений. Деятельное участие в принятии новых символических регуляций в культуре зачастую осуществляется через различные формы подражания и конформизма, когда уже, по сути, новые культурные практики сохраняют видимость следования привычным поведенческим образцам.

Выводы

Гражданская идентичность. Общепринятые культурные практики основаны на ценностях, являющихся основанием для принятия человеком тех или иных убеждений, отказ же от них фактически означал бы для него выход из сообщества. Изучение процессов индоктринации, освоения новых культурных практик, позволяет понять, насколько пребывание человека в символическом пространстве культуры связано с воздействием на его сознание идеологических систем, транслирующих политические ценности, убеждения и интересы.

Итак, траектория формирования политического сознания определяется особенностями политической культуры. Для возникновения у индивида гражданского самосознания, политической (гражданской) идентичности недостаточно лишь принадлежности к определенной этнической группе. Политическое сознание формируется в пространстве политического дискурса, а политический дискурс, в свою очередь, легитимируется культурными практиками, затрагивающими вопросы языка, религии, образования, науки, искусства.

Список источников

1. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 587 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 349 с.
3. Идеология: Социальная теория и практика: монография / ред. А. В. Жукоцкая. М.: Социальный проект, 2017. 208 с.

References

1. Ortega-y-Gasset, H. (1991). *Aesthetics. Philosophy of culture*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
2. Wittgenstein, L. (2018). *Philosophical Investigations*. Moscow: AST. (In Russian).
3. Zhukotskaya, A. V. (2017). *Ideology: Social Theory and Practice*. Moscow: Social`ny` projekt. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Ермоленко Галина Алексеевна — доктор философских наук, профессор школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Galina A. Ermolenko — Doctor of Philosophy, Professor of the School of Historical Sciences, Faculty of Humanities, HSE University, Moscow, Russia.

gaermolenko@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7615-2516>

Кожевников Сергей Борисович — доктор философских наук, профессор департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Sergey B. Kozhevnikov — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

kozhevnikovsb@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научно-теоретическая статья

УДК 130

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-17-30

ПРЕОДОЛЕНИЕ УГРОЗЫ ДУХОВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Ковалев А. А.

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС,

Санкт-Петербург, Россия,

kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Аннотация. В статье рассматриваются конкретные мероприятия и инициативы, направленные на предотвращение негативных последствий угрозы духовно-нравственного воздействия на российский национальный менталитет. В частности, речь идет об угрозе разрушения моральных и культурных норм, религиозных устоев, института брака и семейных ценностей. В качестве основных методов исследования выступают историко-генетический и сетевой. Результаты проведенного исследования базируются на том, что защита национального менталитета рассматривается как ключевое направление реализации охранной функции современной России. При этом отмечается, что российскому народу в этом процессе отводится роль не стороннего наблюдателя, а активного преобразующего субъекта. Отдельно представлена и раскрыта роль ряда субъектов государственной власти и общественных организаций в вопросах преодоления рассматриваемой духовно-нравственной угрозы.

Ключевые слова: моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности, инициативы, субъект обеспечения безопасности

Для цитирования: Ковалев А. А. Преодоление угрозы духовного воздействия на российский национальный менталитет как фактор обеспечения безопасности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 17–30. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-17-30

Scientific and theoretical article

UDC 130

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-17-30

OVERCOMING THE THREAT OF SPIRITUAL INFLUENCE ON THE RUSSIAN NATIONAL MENTALITY AS A FACTOR OF ENSURING SECURITY

Kovalev A. A.

Northwestern Institute of Management — branch of RANEPА,

St. Petersburg, Russia,

kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Abstract. The article discusses specific measures and initiatives aimed at preventing the negative consequences of the threat of spiritual and moral impact on the Russian national mentality. In particular, we are talking about the threat of the destruction of moral and cultural norms, religious foundations, the institution of marriage and family values. The main research methods are historical-genetic and network. The results of the conducted research are based on the fact that the protection of the national mentality is considered as a key direction in the implementation of the security function of modern Russia. At the same time, it is noted that the Russian people in this process are assigned the role not of an outside observer, but of an active transformative actor. The role of a number of subjects of state power and public organizations in overcoming the considered spiritual and moral threat is presented and disclosed separately.

Keywords: moral and cultural norms, religious principles, institution of marriage, family values, initiatives, security subject

For citation: Kovalev, A. A. (2024). Overcoming the threat of spiritual influence on the Russian national mentality as a factor of ensuring security. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (52), 17–30. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2024-452-17-30>

Введение

Современный мир сталкивается с новыми видами угроз, в которых начинает преобладать антропологический фактор. Человек и его безопасность для современного государства становятся приоритетными во всей системе национальной безопасности. Современная Россия на официальном уровне признала, что высшей ценностью для государства является человек, народ, а человекоориентированность стала ключевой стратегией дальнейшего развития.

Именно поэтому в контексте смены философской парадигмы сохранение и защита национального менталитета и его духовной составляющей как ядра жизни нации становится первостепенной задачей как для государства, так и для общества в России. Духовная составляющая национального менталитета весьма многообразна, поэтому в качестве предмета настоящего исследования

была выбрана та сфера, которая испытывает на себе наибольшее давление и нуждается в усиленной защите. Речь идет об угрозе разрушения культурных и моральных норм, религиозных устоев, института семьи и семейных ценностей. При этом основной акцент в исследовании сделан не на конкретизации рассматриваемой угрозы, а на поиске и разработке эффективных мер по ее преодолению.

В качестве ключевых выступили историко-генетический и сетевой методы. Так, благодаря историко-генетическому методу удалось представить и рассмотреть национальный менталитет как основу жизнедеятельности российского народа, а его духовную составляющую — как наиболее нуждающийся в защите государства и общества элемент. А обращение к сетевой парадигме позволило обратить внимание на значимость совместного общественно-государственного подхода к вопросу преодоления угрозы разрушения культурных и моральных норм, религиозных устоев, института семьи и семейных ценностей.

Обсуждение и результаты

В последнее десятилетие тема национального менталитета все чаще упоминается в контексте национальной безопасности России. Важность их соотношения признана на официальном уровне, в том числе и на правовом. В настоящее время не существует единого и сколько-нибудь целостного определения национального менталитета, который является предметом междисциплинарных исследований. С позиции философского подхода и в рамках настоящего исследования под национальным менталитетом следует понимать «совокупность присущих той или национальной общности стабильных иррациональных и рациональных коллективных представлений об окружающем мире и о себе, специфический склад чувств и мышления, поведенческих установок, ценностных ориентаций, предрассудков, мнений и верований» [Трофимов, 2016, с. 65].

Менталитет — это нематериальный продукт жизнедеятельности нации, формирующийся на протяжении длительного времени. При этом его основные характеристики можно осмыслить и облечь в какую-либо понятную форму с помощью изучения национального языка, культуры, искусства, типичных реакций представителей нации в тех или иных ситуациях и прочих атрибутов народа.

Для России во все времена духовность имела серьезную значимость и воспринималась (а таковой и была) как важная сторона российского национального менталитета. С начала 1990-х годов эта его сакральная особенность, делающая уникальным и таким жизнеспособным его нацию-носителя, начала выхолащиваться и высмеиваться усилившимся влиянием процесса вестернизации (навязывания другим культурам образцов сознания и поведения по западному типу). По справедливому мнению Н. В. Харсеевой и Ю. В. Копенкиной, «навязывание ценностей приводит к столкновению заимствованных стереотипов и существующих ментальных моделей, в результате чего происходит

социально-психологическая и духовно-нравственная фрустрация» [Харсеева, Копенкина, 2016, с. 78]. И уже сейчас видны негативные последствия, к которым привели эти процессы.

Итак, духовные ценности представляют собой основу российского национального менталитета. Под ними следует понимать «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹.

Тем самым под духовно-нравственным воздействием следует понимать деструктивное влияние на российский национальный менталитет с целью деформации или уничтожения духовно-нравственных ценностей. Такая деятельность приобретает характер угрозы, под которой следует подразумевать высокую вероятность причинения вреда и/или ущерба в рассматриваемой сфере.

Угрозы российскому национальному менталитету через духовно-нравственное воздействие весьма многообразны. В настоящем исследовании будет рассмотрена угроза разрушения моральных и культурных норм, религиозных устоев, семейных ценностей, института брака и способы ее преодоления. Данная угроза ведет к деструктивным социальным, политическим, культурным последствиям, провоцирующим возникновение и прогрессирование аномии российского общества, которая делает неопределенным не только настоящее и будущее, но и прошлое нации.

Особое внимание в настоящем исследовании будет уделено поиску и раскрытию путей и способов преодоления рассматриваемой угрозы российскому национальному менталитету. Так, приведенные далее мероприятия направлены на преодоление последствий аномии российского общества, то есть на защиту норм культуры и морали, религиозных устоев, а также семьи и брака, которые в совокупности являются неотъемлемыми элементами национального менталитета России в рамках общей системы национальной безопасности государства и общества. Важно отметить, что данные мероприятия должны проводиться в условиях общественно-государственного сотрудничества, однако большая ответственность в данном вопросе лежит именно на государстве как на полномочном институте организации и контроля.

По справедливому мнению В. Д. Исаева, «реальное пространство цивилизации и культуры выворачивается наизнанку пространствами квазикультуры и квазицивилизации» [Исаев, 2019, с. 13]. Философ убежден, что преодоление этого процесса возможно только в том случае, если перестать навязывать объективному ходу вещей субъективную волю. Выходом из сложившейся ситуации

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

может стать возведение духовно-нравственных ценностей в императив сфер образования и воспитания.

Действительно, основная работа с этими угрозами должна проводиться в среде детей и молодежи, а также их окружения. Речь идет о семье, учебных заведениях, интернет-пространстве и т. д. А комплекс мероприятий по этим направлениям должен быть единым, нацеленным на подготовку развитой личности с устойчивыми идеологическими представлениями, способной в кризисных ситуациях придерживаться идеологических ориентиров, заложенных в семье, школе, российском обществе.

Важно понимать, что любая работа в данном направлении не способна полностью ликвидировать угрозу или устранить возникшие от нее негативные последствия. Поэтому все предложенные и рассмотренные мероприятия имеют целью только минимизацию влияния угроз на национальный менталитет и деструктивных результатов такого влияния.

Традиционными каналами ретрансляции национального менталитета являются семья, школа, социальная среда, СМИ, религиозные институты, а также неуклонно усиливающий свое влияние на современное общество интернет (прежде всего социальные сети, мессенджеры и видеохостинги).

В качестве предложения, направленного против разрушения базовых моральных, культурных норм и ценностей, можно назвать создание новой образовательной модели, отвечающей вызовам времени и основанной на национальных ценностях. То есть именно образование в вопросах минимизации последствий данных угроз имеет первостепенное значение. Так, президент России В. В. Путин на Валдайском форуме в октябре 2021 года отметил, что России необходим переход от капитализма к умеренному консерватизму². Это означает, что перед современной Россией поставлена задача сформировать собственную культурную модель умеренного (разумного) консерватизма, основа которой — российские традиционные духовно-нравственные ценности [Сидоренко, 2021, с. 4].

Стоит подчеркнуть, что речь в данном случае не идет о пропаганде среди молодежи или об идеологизации и политизации образования. Речь идет о системном формировании у учащихся национального самосознания, которое включает в себя участие в общественной жизни и гражданско-патриотических мероприятиях, экологическое воспитание, углубленное изучение истории страны, привитие патриотических ценностей, развитие и практическое подкрепление моральных качеств и т. д. Например, важным нововведением в 2022 году стало проведение занятий «Разговоры о важном», которые проводятся с 1 сентября по понедельникам в российских школах и колледжах. Также нужно активнее привлекать учащихся к субботникам (экологическое воспитание

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальные сетевые ресурсы Президента России. 21.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 06.08.2024).

на практике), к волонтерству (привитие навыка заботы о пожилых людях, о животных — обо всех нуждающихся); учить работать с архивами (например, чтобы составить свое генеалогическое древо); проводить регулярные уроки памяти (об истинных героях Великой Отечественной войны), кибербезопасности, информационной и правовой безопасности; вводить уроки семейной психологии и многое др. Воспитание (а не тотальные запреты) осознанности в детях позволит им вырасти ответственными представителями своего народа и государства [Данилюк, 2009, с. 15].

В основу воспитательного процесса должны быть заложены патриотизм и любовь к своему Отечеству. Их практическую реализацию могут обеспечить темы о духовных общечеловеческих ценностях (истине, добре и красоте), дискуссии о границах добра и зла, о смыслах войны и мира, свободы, необходимости и долга, о героизме и безволии, о подвиге и предательстве, преступлении и наказании, о жертве и жертвенности, о лени и труде, разрушении, созидании и творчестве, о силе воли и совести, о смысле жизни и вере в Бога, религии и атеизме, о гуманизме и трансгуманизме.

Важная задача по работе с детьми и подростками возложена на учителя, профессия которого должна приобрести авторитет и популярность в современном обществе. И к самим учителям на основании этого должны предъявляться высокие требования. В первую очередь это касается интеллектуальных и моральных способностей педагога. Также высокие требования должны предъявляться и к образованию учителя (наличие классического педагогического образования обязательно), который сам бы являлся оплотом истинности моральных и культурных норм, религиозных устоев и семейных ценностей (ядра российского национального менталитета), транслируемых ученикам. А чтобы предъявлять подобные требования к учителю, его заработную плату, так же как и саму профессию, необходимо довести до уровня престижной.

То есть здесь важны: 1) тщательная подготовка педагогических кадров; 2) формирование необходимого профессионального педагогического менталитета; 3) качественный отбор в педагогическую профессию; 4) пересмотр всей системы подготовки кадров. Учителя должны быть вовлечены сами и вовлекать своих учеников в процесс формирования субъектно-объектных отношений, где человек — не просто объект охраны от угроз, но и активный «субъект обеспечения своей личной, семейной, национальной безопасности» [Павловская, 2022, с. 61]. Также следует обеспечить педагогам условия работы, позволяющие им полностью выполнять свои прямые обязанности, не растрачивая силы и время на мониторинги, отчеты и другую бюрократическую деятельность, которая помогает министерским чиновникам демонстрировать свою нужность, но выхолащивает саму суть учительского труда.

Особое место среди мероприятий по укреплению национального менталитета от современных угроз является работа с интернет-пространством. Стоит отметить, что правовое вмешательство со стороны государства в национальное интернет-пространство представляется единственно верным способом мини-

мизации данной угрозы для национального менталитета. Российского опыта в данном вопросе пока еще недостаточно, поэтому наше государство вполне может обращаться к более продолжительному и эффективному опыту других стран, например Китая, который взял курс на повышение уровня онлайн-компетентности несовершеннолетних с целью предотвращения утраты ими моральных качеств (например, с помощью проведения ежегодной национальной кибернедели) [Остроушко, Букалеров, Букалеров, 2018, с. 57–58]. То есть Китай добивается повышения уровня кибербезопасности не запретами, а работой с цифровой культурой граждан [Горян, 2021, с. 115].

Важно осознавать, что в настоящее время в среде детей и молодежи (наиболее активных интернет-пользователей) преобладает не соответствующий элементам российского национального менталитета контингент лидеров общественного мнения, активно распространяющих свои взгляды в Сети. Иначе говоря, кумиры современной молодежи не способствуют укреплению моральных и культурных норм, а также религиозных и семейных ценностей; напротив, они активно их дискредитируют. Поэтому целесообразной здесь могла бы стать попытка государства договориться (и на финансовом, и на мировоззренческом уровне) с популярными в детской, подростковой и молодежной среде блогерами и видеоблогерами на тему онлайн-продвижения в модном стиле традиционных для народов России моральных и культурных норм, религиозных устоев и семейных ценностей. Причем речь идет о традициях и ценностях не только этнических русских, но и татар, башкир, чувашей, чеченцев, якутов и других коренных народов нашей страны. Однако довольно сложно спрогнозировать вероятность успеха таких попыток по причине набирающей силу кланово-капиталистической России.

Серьезную опасность для национального менталитета представляет пропаганда ложных ценностей в области культуры, морали, религии, семьи и брака, а увеличивает ее масштаб и деструктивность ее результатов именно интернет. Поэтому среди мероприятий по противодействию данной сочетанной угрозы стоит назвать: 1) законодательное закрепление комплекса мер противодействия, ежегодное планирование мер борьбы с деструктивной пропагандой в СМИ и социальных сетях, ведение реестра недостоверной информации; 2) разработку проекта суверенного интернета для преодоления зависимости от внешнего влияния; 3) мониторинг, выявление и купирование латентных и нелатентных источников негативного пропагандистского воздействия; 4) систематическое изучение угроз и выработку научно обоснованного подхода к противодействию данным угрозам. В качестве субъектов, которые могут исполнить названные инициативы, могут выступить федеральные органы исполнительной власти, ответственные за осуществление государственного управления в области информационных технологий и связи, научное сообщество, а также гражданское общество.

Среди конкретных мер по противостоянию негативному пропагандистскому воздействию извне следует отметить проведение семинаров, круглых

столов, мастер-классов и других образовательных мероприятий, направленных на серьезную профессиональную подготовку учителей, лидеров общественного мнения и религиозных деятелей.

В вопросах защиты религиозных устоев нашего государства важной вехой стало внесение поправок в статью 148 УК РФ³ в 2013 году после скандала, спровоцированного акцией группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя. Отныне оскорбление чувств верующих может быть признано уголовным преступлением. При этом видные российские юристы считают данные нововведения излишними и непродуманными⁴, так как они, во-первых, могут носить устрашающий характер в борьбе государства с инакомыслием; во-вторых, дублируют статьи о хулиганстве; в-третьих, не содержат однозначного юридического разъяснения категории «оскорбление чувств», а это прямой путь к злоупотреблениям.

Действительно, возникают объективные сомнения, можно ли защитить религиозные устои как часть национального менталитета России только карательными мерами. Очевидно, что это невозможно. В данном случае планомерное воспитание, привитие, постепенное и ненавязчивое внедрение в практическую жизнь естественных религиозных норм и устоев будут иметь более устойчивые и надежные результаты в долгосрочной перспективе.

Повышения уровня религиозного сознания у россиян можно добиться путем преодоления угроз расшатывания религиозных устоев [Лапунова, 2021, с. 135–136] посредством:

- ограничения трансляций ТВ-программ и передач, сериалов, интернет-контента, пропагандирующих околорелигиозные и псевдорелигиозные практики, магию и пр.;

- введения в российских школах уроков религиозного воспитания (на добровольной и альтернативной основах), то есть необходимо ввести в образовательные программы курс об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации [Мещерякова, 2020];

- стимулирования представителей традиционных для России конфессий к активной просветительской деятельности через учебные и лечебные заведения, телевидение, интернет-сообщества;

- трансляции образа сановников, соответствующего пропагандируемым ими ценностям, чтобы вместо активного обсуждения, например часов и их стоимости, как это неоднократно происходило с патриархом Кириллом, внимать речам говорящего;

- активизации социального служения, например путем трансляции принятых властью рациональных решений (о вакцинации, ношении масок и пр.) [Слобожникова, 2022, с. 34];

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/ (дата обращения: 09.08.2024).

⁴ Что нужно знать о 148-й статье УК РФ // Коммерсантъ. 11.05.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3294094> (дата обращения: 09.08.2024).

– организации массового распространения толкований религиозных текстов (идей, целей) во избежание искажения смысла религии экстремистскими организациями;

– признания православия религией, органичной национальной идее России, основанной на духовно-нравственных ценностях [Морозов, 2019]⁵.

К мероприятиям по укреплению национального менталитета в области защиты института брака и семейных ценностей можно отнести, в частности, господдержку молодых семей; сексуальное просвещение без ложного ханжества, честный и открытый разговор с детьми и подростками на данную тему (этот аспект воспитания необходимо осуществлять как в школе, так и в семье); развитие системы охраны здоровья матери и ребенка, совершенствование профилактических мероприятий в части охраны здоровья детей и подростков, в том числе психического; повышение социальной значимости института семьи и пропагандирование такой значимости на широкую аудиторию; развитие государственной поддержки семей, имеющих детей, малообеспеченных и социально неблагополучных семей, поддержки отцовства, материнства и детства; предоставление доступной досуговой среды для семей с детьми; введение дополнительных мер государственной поддержки, стимулирующих повышение демографических показателей.

Также важно понимать, что семья — это частная сфера человеческой жизнедеятельности, поэтому государство, не оставляя его без внимания, все же должно проявлять сдержанную активность в урегулировании семейных вопросов. Особенную аккуратность и целесообразность (участие в том или ином вопросе только по общественному запросу) государство должно проявлять при урегулировании межличностных отношений, нахождении баланса между общественным и частным (личным) и по ряду других проблем, объективно возможных в семейной жизни. Так, одной из самых животрепещущих в современной России последних нескольких лет стала ухудшающаяся демографическая обстановка в стране. В настоящее время практически отсутствуют здоровые и сколько-нибудь жизнеспособные инициативы по урегулированию этого кризиса, в основном предлагаются только запретительные и ограничивающие меры. А сама форма подачи информации инициаторами порой граничит с правонарушениями, и такой риторики, безусловно, следует избегать. Нередко подобный необдуманный и резкий подход вызывает общественное сопротивление⁶. Решением подобных вопросов, по нашему мнению, станет только длительный конструктивный диалог (общество – власть), а также комп-

⁵ Филиппов А. В. Православие в системе стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник адъюнкта. 2019. № 4 (6). URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/180-pravoslavie-v-sisteme-strategii-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 14.08.2024).

⁶ Опрос на тему: «Таблетки против беременности в свободной продаже: за и против» // ВЦИОМ. Новости. 04.09.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tabletki-protiv-beremennosti-v-svobodnoi-prodazhe-za-i-protiv>.

лексный подход с учетом мнения экспертов из разных областей (медицины, психологии, социологии и т. д.).

Семья как первичный институт социализации человека играет важнейшую роль в преодолении угроз, негативно влияющих на духовно-нравственные ценности [Гатиятуллин, Биктагирова, 2017]. Используя технические возможности XXI века, необходимо популяризовать позитивный опыт сложившейся модели родительско-детских отношений в российских семьях (например, с помощью таких масштабных проектов, как конкурс «Это у нас семейное»), сделать доступными услуги семейных и детских психологов, скоординировать работу учебного заведения и семьи, сделать популярными и доступными курсы молодых родителей (например, при детских поликлиниках, где должна быть доступной помощь психолога; или с помощью школ, в которых осуществляется педагогическое просвещение родителей [Науменко, Шаврыгина, 2019, с. 194] и т. д.

Итак, как уже было отмечено, государство играет первостепенную роль в процессе преодоления негативного воздействия на российский национальный менталитет угрозы разрушения базовых моральных и культурных норм, религиозных устоев, института брака, семейных ценностей. Поэтому целесообразно в рамках настоящего исследования выделить те властные субъекты, которые в рамках своих компетенций и полномочий могут достичь поставленной цели. Среди них:

– *Совет Федерации РФ* может инициировать и поддерживать законы, которые укрепляют институт брака и семьи, поддерживают традиционные семейные ценности и культурные нормы (например, законы, направленные на поддержку многодетных семей, социальную поддержку семей в сложных жизненных ситуациях, или законы, регулирующие деятельность СМИ с целью предотвращения распространения информации, подрывающей моральные устои общества); координировать разработку и внедрение региональных программ, направленных на укрепление культурных и религиозных традиций, поддержку семьи и брака (например, образовательных программ, культурных мероприятий и социальных проектов, которые защищают и популяризируют традиционные ценности); контролировать, как на практике исполняются законы, направленные на защиту моральных и культурных норм, а также на поддержку института семьи и брака (например, с помощью проведения парламентских слушаний, направления запросов информации у федеральных органов исполнительной власти и осуществления анализа выполнения государственных программ в этой сфере);

– *Государственная дума РФ совместно с парламентскими партиями* может разрабатывать и принимать законы, направленные на защиту культурных и религиозных устоев. Такие законы могут вводить ответственность за действия, подрывающие традиционные ценности, ограничивать распространение контента, который разрушает моральные нормы (например, в интернете или СМИ) и т. д. Также нижняя палата парламента может формировать рабочие группы

и проводить парламентские слушания с участием экспертов и общественных организаций с целью обсуждения угроз ментальной безопасности. Такие группы могут предложить конкретные законодательные инициативы или поправки в действующие законы. При этом Госдума может выступать в качестве организатора или партнера различных культурных, образовательных и религиозных мероприятий, которые направлены на укрепление общественных ценностей и норм (например, организовывать круглые столы, конференции, фестивали, направленные на поддержку и продвижение традиционных ценностей). Она также может активно сотрудничать с экспертами в области философии, социологии, культурологии, религиоведения и права, для разработки рекомендаций и стратегий по укреплению моральных и культурных основ общества. Пожалуй, самой результативной инициативой по минимизации рассматриваемой угрозы в области духовных ценностей будет общение депутатов со своими избирателями. С его помощью до Госдумы будет доходить актуальная информация о потребностях и ожиданиях населения для выработки наиболее целесообразных и нужных решений;

– *Общественная палата РФ и институты гражданского общества* могут инициировать создание общественных кодексов и стандартов поведения, которые будут способствовать укреплению моральных и культурных норм и которые могут быть рекомендованы для использования в образовательных учреждениях, на предприятиях и в общественных организациях. Важно отметить, что Общественная палата РФ и институты гражданского общества играют определяющую роль, когда речь заходит о формировании общественного мнения и трансляции потребностей общества во власть. Так, мониторинг уровня морально-нравственного развития позволит следить за поддержанием его высокого уровня и быстрого реагирования в случае его деградации с целью поддержания культурных и семейных традиций, моральных норм, религиозных устоев. Немаловажная роль отводится популяризации и поддержке традиционных ценностей и культурных норм, которые проводятся институтами гражданского общества посредством организации круглых столов, конференций, публичных дискуссий, лекций, работы со СМИ. Все эти мероприятия направлены на донесение до населения полезной и нужной информации, позволяющей преодолеть угрозу разрушения моральных и культурных норм, института брака, семейных ценностей и религиозных устоев. Таким образом, ключевая роль Общественной палаты заключается в том, чтобы налаживать конструктивный диалог между государственными органами власти и обществом.

Заключение

Канадский философ М. Маклюэн справедливо отмечал: «...чтобы быть эффективным в современном мире информации, необходимо активизировать в сознании людей систему национальных культурных приоритетов и адаптиро-

вать культурные традиции к новым средствам коммуникации» [Маклюэн, 2003, с. 394]. Именно поэтому все предложенные мероприятия должны проводиться комплексно, так как религия, мораль, культура, школа, семья и безопасный интернет — это взаимосвязанные элементы воспитания ответственной личности.

Таким образом, преодоление угрозы российскому национальному менталитету, которая заключается в разрушении моральных и культурных норм, религиозных устоев, семейных ценностей и института брака, является одним из факторов обеспечения безопасности личности, общества и государства. А самым главным условием достижения успеха в этом важнейшем для национальной безопасности вопросе является налаживание конструктивного диалога между государственной властью и населением, которые должны быть восприимчивыми к современным угрозам и поиску путей их преодоления.

Список источников

1. Трофимов В. К. Менталитет нации в контексте философского дискурса // Интеллек. Инновации. Инвестиции. 2016. № 8. С. 64–66.
2. Харсеева Н. В., Копенкина Ю. В. Духовность как основа российского менталитета и образования // Aspectus. 2016. № 2. С. 78–87.
3. Исаев В. Д. Духовно-нравственная безопасность как императив образования и воспитания в наше время // Антропос: Логос и Теос. 2019. № 5. С. 11–26.
4. Сидоренко С. В. Совершенствование законодательства о культуре: духовно-нравственные ценности и модель культуры умеренного консерватизма // Журнал института наследия. 2021. № 4 (27). С. 1–7.
5. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. М.: Просвещение, 2009. 29 с.
6. Павловская О. А. Специфика морального фактора в обеспечении национальной безопасности Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 1. С. 51–63.
7. Остроушко А. В., Букалеров А. А., Букалеров С. А. Защита информационной безопасности несовершеннолетних в КНР // Legal Bulletin. 2018. Т. 3. № 1-2. С. 56–60.
8. Горян Э. В. Нормативно-правовая основа обеспечения национальной безопасности в киберпространстве: опыт Китайской Народной Республики // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13. № 1. С. 115–124.
9. Лапунова Ю. А. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации и ее значение для организационного обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым на религиозной почве // Труды академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 132–138.
10. Мещерякова А. Ф. Правовые аспекты обеспечения свободы личности в сфере религии // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 13. С. 46–58.
11. Слобожникова В. С. Общественно-политические ориентиры религиозного сообщества современной России в контексте обеспечения национальной безопасности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 29–40.

12. Морозов В. В. Православная культура как фактор социальной безопасности России // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2019. № 2 (13). С. 69–73.
13. Гатиятуллин И. Ф., Биктагирова А. Р. Роль семейных ценностей в обеспечении духовно-нравственной безопасности // Образование и духовная безопасность. 2017. № 2 (2). С. 62–64.
14. Науменко Н. М., Шаврыгина О. С. Педагогические ориентиры воспитания духовно-нравственных качеств обучающихся в семье и школе // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-4. С. 191–194.
15. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц.; Кучково поле, 2003. 464 с.

References

1. Trofimov, V. K. (2016). The mentality of the nation in the context of philosophical discourse. *Intellect. Innovations. Investments*, 8, 64–66. (In Russian).
2. Kharseeva, N. V., & Kopenkina, Yu. V. (2016). Spirituality as the basis of Russian mentality and education. *Aspectus*, 2, 78–87. (In Russian).
3. Isaev, V. D. (2019). Spiritual and moral security as an imperative of education and upbringing in our time. *Anthropos: Logos and Theos*, 5, 11–26. (In Russian).
4. Sidorenko, S. V. (2021). Improving legislation on culture: spiritual and moral values and a model of moderate conservatism. *Journal of the Heritage Institute*, 4 (27), 1–7. (In Russian).
5. Danilyuk, A. Ya., Kondakov, A. M., & Tishkov, V. A. (2009). *The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia in the field of general education*: project. Russian Academy of Education. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
6. Pavlovskaya, O. A. (2022). The specificity of the moral factor in ensuring national security of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 1, 51–63. (In Russian).
7. Ostroushko, A. V., Bukalero, A. A., & Bukalero, S. A. (2018). Protection of information security of minors in China. *Legal Bulletin*, 3 (1–2), 56–60. (In Russian).
8. Goryan, E. V. (2021). Regulatory and legal framework for ensuring national security in cyberspace: the experience of the People’s Republic of China. Territory of New Opportunities. *Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, 13 (1), 115–124. (In Russian).
9. Lapunova, Yu. A. (2021). The new national security strategy of the Russian Federation and its significance for the organizational support of combating crimes committed on religious grounds. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (59), 132–138. (In Russian).
10. Meshcheryakova, A. F. (2020). Legal aspects of ensuring personal freedom in the field of religion. *Current Problems of State and Law*, 4 (13), 46–58. (In Russian).
11. Slobozhnikova, V. S. (2022). Socio-political orientations of the religious community of modern Russia in the context of ensuring national security. *Izvestia of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*, 40, 29–40. (In Russian).
12. Morozov, V. V. (2019). Orthodox culture as a factor of social security in Russia. *Siberian Fire-Rescue Bulletin*, 2 (13), 69–73. (In Russian).

13. Gatiyatullin, I. F., & Biktagirova, A. R. (2017). The role of family values in ensuring spiritual and moral security. *Education and Spiritual Security*, 2 (2), 62–64. (In Russian).
14. Naumenko, N. M., & Shavrygina, O. S. (2019). Pedagogical guidelines for the upbringing of spiritual and moral qualities of students in the family and school. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 63 (4), 191–194. (In Russian).
15. McLuhan, M. (2003). *Understanding Media: The Extensions of Man* (V. Nikolaeva, Trans.). Moscow; Zhukovsky: CANON-press-C.; Kuchkovo field. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.

Andrey A. Kovalev — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Вклад автора: автор сделал эквивалентный вклад в подготовку публикации. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the author: the author contributed equally to this article. The author declare no conflicts of interests.

Аналитическая статья

УДК 308

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-31-42

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (АСТРАХАНСКАЯ ШКОЛА ИССЛЕДОВАНИЯ)

Рекешева Ф. М.

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева,

Астрахань, Россия,

rekeshева@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9923-6584>

Аннотация. Современная российская элитологическая наука берет начало своего развития с конца 1980-х годов, когда впервые в научной литературе появился сам этот термин и было дано первое теоретическое обоснование комплексного подхода к изучению феномена элиты (Г. К. Ашин). С того времени отечественная элитология проделала огромный путь в своем наукостроительстве. Возникли целые научные школы, появились теоретические направления, сформировались конкретные подходы в исследовании природы элиты. В настоящей статье мы коснемся только одной такой научной элитологической школы, которая сформировалась на базе астраханских отделений философского (РФО) и политологических (РАПН и РОП) обществ.

К сожалению, для многих научных школ характерна их весьма слабая социализация и включенность в систему социально-политических отношений с местными властями. Школы развиваются порой изолированно друг от друга и напоминают собой отдельные острова элитологической мысли, между которыми отсутствуют какие-либо контакты. В научном пространстве подчас просто не хватает информации об их деятельности. Поэтому настоящая работа призвана отчасти восполнить этот информационный вакуум и внести свой историографический вклад в общую картину развития отечественной элитологии.

Ключевые слова: элита, элитология, научная школа, традиции, научные сообщества, историография, научная специализация

Для цитирования: Рекешева Ф. М. Особенности развития современной российской элитологической науки (астраханская школа исследования) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 31–42. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-31-42

Analytical article

UDC 308

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-31-42

**FEATURES OF THE DEVELOPMENT
OF MODERN RUSSIAN ELITIST SCIENCE
(ASTRAKHAN SCHOOL OF RESEARCH)****Rekesheva F. M.**

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev,
Astrakhan, Russia,
rekesheva@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9923-6584>

Abstract. Modern Russian elitological science has been developing since the late 1980s, when the term itself appeared in the scientific literature for the first time and the first theoretical justification of the comprehensive approach to the study of the elites' phenomenon was given (G. K. Ashin). Since that time, Russian elitology has put a lot of effort in its science-building. Entire scientific schools have emerged, theoretical orientations have appeared, specific approaches to the study of the nature of the elite have been formed. In the present article, we will touch upon only one scientific elitological school, which was formed on the basis of the astrakhan branches of philosophical (RPS) and political science (RUPSA and RSPS) societies.

Unfortunately, many scientific schools are characterized by the lack of socialization and inclusion in the system of socio-political relations with local authorities. The schools develop often in isolation from each other and resemble separate islands of elitological thought with no contacts with each other. The academic space sometimes simply lacks information about their activities. Therefore, this paper is intended to partially fill this information vacuum and make a historiographical contribution to the overall picture of the development of Russian elitology.

Keywords: elite; elitology, scientific school, traditions, academic communities, historiography, scientific specialization

For citation: Rekesheva, F. M. (2024). Features of the development of modern russian elitist science (astrakhan school of research). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (52), 31–42. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2024-452-31-42>

Введение

Особенности любой научной школы видны на примере ее научной деятельности. Поэтому основным принципом описания выбранной нами темы будет историографический анализ. Попутно отметим, что в настоящее время сам термин «научная школа» используется не всегда корректно, чаще всего имея условное применение и расширительное толкование.

В наукометрии сложилось традиционное понимание научной школы, которое состоит из ряда обязательных критериев (признаков). К ним относятся:

наличие научного лидера (руководителя), который предлагает и продвигает научную тему исследования; наличие трех поколений учеников (последователей), активно развивающих научную тему; наличие специализированного периодического издания (журнал, ежегодник и т. д.); издание учебной литературы (учебники); признание научной академической общественностью достижений (награды, звания, премии, членство в престижных научных организациях и т. д.); участие в крупных научных проектах (например, создание энциклопедий и т. д.).

Постановка проблемы

Как правило, научная школа развивается и формируется тремя-четырьмя поколениями ученых, после чего постепенно трансформируется в историю конкретной науки — появляются новые научные лидеры и новые научные направления. По этим формальным признакам в элитологии как междисциплинарной науке проходит целый ряд научно-исследовательских центров, в том числе и астраханская школа.

Результаты исследования

Астраханская элитологическая школа

Астраханская элитологическая школа (АЭШ) группируется вокруг редакции научного журнала «Вопросы элитологии» (www.elitology-journal.com ISSN: 2712-8415). Она представляет собой свободную ассоциацию исследователей гуманитарного направления, объединенных общностью научных интересов. Складываться она начала еще в конце 1990-х годов, когда образовались первые творческие группы, занимавшиеся темой исследования феномена элиты (П. Л. Карабущенко, Р. Г. Резаков, Л. Я. Подвойский).

Ее научный интерес не замыкается на теме политической элитологии, а носит междисциплинарный характер. Значительное внимание уделяется вопросам антропологической элитологии (в частности, элитологии культуры), что обусловлено научным интересом самого руководителя этой школы профессора П. Л. Карабущенко (с 2023 года действительный член Академии военных наук)¹.

Элитологическая направленность школы видна по тематике ее научных публикаций. Это широкий охват элитологической проблематики — от истории

¹ Постановлением ученого совета Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева от 27 мая 2024 года на основании рекомендации Научно-технического совета университета утверждена научная школа под названием «Элитология: история, теория, современность» (научный руководитель — П. Л. Карабущенко).

и теории политических элит до проблем элитности в сфере культуры, психологии и образования. Свидетельством тому является издаваемый этой научной школой журнал «Вопросы элитологии».

В заслугу АЭШ следует также поставить реализацию проекта, который условно можно было бы назвать как «Элитологическая энциклопедия». В период с 2013 года было создано и опубликовано несколько таких энциклопедических словарей:

- «Элитология. Энциклопедический словарь» (2013)²;
- «История отечественной элитологической мысли» (2016, 2024)³;
- «Элитология культуры: российская культурная элита XX века» (2017)⁴;
- «Иностранцы на службе у России: “элита пришельцев”» (2018, 2024)⁵.

Причем некоторые из этих энциклопедий имеют к настоящему времени уже вторые издания, что свидетельствует об их востребованности в российском научном пространстве.

«Вопросы элитологии»: вчера, сегодня, завтра...

Ныне действующий журнал «Вопросы элитологии» издается в его нынешнем формате с 2020 года. Но у этого журнала есть своя предыстория. Его предшественником является научно-теоретический журнал «Элитологические исследования» (1998–2000), ежегодный альманах «Вопросы элитологии: философия, культура, политика», который регулярно выходил с 2004 года. У истоков проекта альманаха стояли профессор П. Л. Карабущенко и доцент Л. Я. Подвойский. Он возник как продолжение ранее созданного ими неформального платоноведческого общества («Астраханская платоновская академия»), которое существовало на базе Астраханского отделения РФО. И альманах «Вопросы элитологии», и «Платоновская академия» носили формат свободных ассоциаций, т. е., по существу, были гражданской инициативой.

Редакция журнала предоставляет свою площадку для научных дискуссий. Ею было подготовлено несколько тематических номеров, посвященных проблемам Российской империи (Т. 2. № 3. 2021), карнавальной политической культуры (Т. 3. № 4, 2022; Т. 4. № 4, 2023) и военной элиты (Т. 5. № 1, 2024). В 2024 году журнал вошел в список ВАК по политическим и философским наукам.

² Элитология: Энциклопедический словарь. / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: Эконинформ, 2013. 618 с.

³ История отечественной элитологической мысли. Энциклопедический словарь. / под ред. проф. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделкова. Ростов-н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.

⁴ Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский университет, 2017. 412 с.

⁵ Иностранцы на службе у России: «элита пришельцев»: энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко, А. А. Вартумяна, Т. А. Шебзуховой. Пятигорск: РИА-КМВ, 2018. 688 с. ISBN 978-5-89314-888-6

Научные направления в АЭШ

Научные публикации астраханской элитологической школы (АЭШ) свидетельствуют о некоей ее аномалии — традиционно более развитая в отечественной элитологии политическая ее часть здесь не является доминирующей; напротив, она уступает место антропологической элитологии, в частности элитологии культуры и истории.

Судя по научным публикациям, политической тематикой занимаются такие авторы, как В. Г. Головин, О. И. Оськина, Е. В. Кудряшова, А. А. Ильин, Л. Я. Подвойский, П. Л. Карабущенко. Но вопросы, которые затрагиваются в их работах, в основном касаются политической культуры элит. Эмпирических исследований, связанных с социологическими замерами элит, нет. Зато имеются аналитические исследования по истории и теории политики и политических учений.

Более широко представлена тематика элитологии культуры. Здесь мы встречаем гораздо большее разнообразие как самих авторов, так и рассматриваемых ими тем: Е. В. Хлыщева, А. П. Глазков, Е. Е. Завьялова, Е. В. Гайнутдинова, Р. Г. Резаков, Л. Я. Подвойский, П. Л. Карабущенко.

Специально отметим, что многие из вышеназванных авторов формально относятся к самой школе, но принимают активное участие в работе журнала «Вопросы элитологии», регулярно публикуя нем результаты своих элитологических исследований. В силу академической мобильности некоторые авторы начинали свои элитологические исследования в Астрахани, а продолжили их в других городах (Р. Г. Резаков — в Москве, Н. В. Гришин — в Санкт-Петербурге). Но они не утратили своих научных связей с АЭШ и продолжают с ней сотрудничество.

Политическая элитология

Клуб политических элитологов формально объединяет журнал «Вопросы элитологии», на страницах которого регулярно публикуют свои работы как уже состоявшиеся ученые (О. И. Оськина, Е. В. Кудряшова, Н. В. Гришин, А. А. Ильин, В. Г. Головин, Л. Я. Подвойский, П. Л. Карабущенко), так и начинающие исследователи (студенты, магистранты, аспиранты).

Ряд опубликованных в журнале материалов касались проблем формирования политических элит посредством выборов [Гришин, 2020, с. 130–146; 2020, с. 66–81; 2021, с. 63–81]. Важность такой процедуры возрастает по мере усиления демократических политических институтов власти и развития гражданского общества. Несколько статей было посвящено проблемам современных транснациональных элит [Головин, Головина, 2021, с. 156–189; 2020, с. 3–87].

На стыке политической и культурной элитологии оказалась тема политической культуры. Сама тема политической культуры преподносится и рассматривается именно с элитологической точки зрения, что придает ей особое звучание [Оськина, 2020, с. 52–73]. Весьма оригинальной темой стала рассматриваемая

на страницах «Вопросов элитологии» тема карнавальной политической культуры. Впервые она прозвучала в 2020 году в публикациях [Карабущенко, 2021, с. 36–62; 2020, с. 138–164]⁶.

В дальнейшем редакцией журнала «Вопросы элитологии» было выпущено два специализированных номера, посвященных теме карнавальной политической культуры. В них политический карнавал оценивался как маркер девиантной политической культуры [Оськина, 2022, с. 114–128], как особенность современного состояния некоторых (прежде всего западных) политических элит [Лисянский, с. 52–64], как традиции политической национальной культуры [Лебедева, 2021, с. 85–97]. Карнавальная политическая культура оказывается следствием возникающих в политическом пространстве среди политического класса откровенных политических химер [Карабущенко, 2022, с. 80–94].

Элитология культуры

Тема элитологии культуры является главным направлением АЭШ. В рамках этого проекта работают такие авторы, как Е. В. Хлыщева, А. П. Глазков, Е. Е. Завьялова, Е. В. Гайнутдинова, Л. Я. Подвойский, П. Л. Карабущенко. Понимаемые ими темы касаются проблем творчества выдающихся деятелей культуры (писателей, ученых, деятелей искусства) и их влияния на процесс формирования национальной культуры.

Элитология культуры является достаточно новым направлением в этой дисциплине, поэтому любая работа здесь является событием. В работах профессора Е. В. Хлыщевой поднимаются вопросы и формулируются подходы в их решениях непосредственно самого феномена элитарной культуры [Хлыщева, 2020, с. 78–92]. На примерах античной культуры рассматриваются цивилизационные коды аристократии духа, ее влияние на исторические процессы [Хлыщева, 2021, с. 10–20]. Особое внимание уделяется вопросам соотношения ценностей массовой и элитарной культур и тому, как они влияют на формирование современных мировоззренческих структур [Хлыщева, 2021, с. 10–21].

Несколько работ было посвящено проблеме аксиологии элит. В частности, рассматривались ценностные аспекты мотивации поведения элитных сообществ [Гайнутдинова, 2020, с. 12–25]. При этом особое внимание уделяется вопросам своеобразной профессиональной экологии как некой основы формирования дизайна современной элиты [Гайнутдинова, 2021, с. 22–35].

В рамках элитологии культуры особой темой является религиозная сторона деятельности элит. В рамках этого направления рассматриваются как общие вопросы теологичности элитности [Глазков, 2020, с. 65–74], так и частные

⁶ Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: пикник на обочине античной истории // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 1. С. 21–48. URL: <https://elitology-journal.com/index.php/ioe/i32021>

случаи проявления этой духовной элитности в форме христианской святости [Завьялова, 2020, с. 75–98].

Элитология образования

Тема элитологии образования самым тесным образом связана с проблемой селекции элит. Было замечено, что для решения конкретных проблем элитологии внутри АЭШ создаются творческие коллективы (группы) авторов, которые и выполняют конкретные исследования. Так, для решения проблемы элитологии образования в рамках настоящей школы создавалось несколько таких творческих коллективов. Самым первым в 1997–1998 годах была группа под руководством профессора Г. К. Ашина, в которую входили П. Л. Карабущенко, Р. Г. Резаков и Л. Н. Бережнова. Их коллективная монография «Теоретические основы элитологии образования» стала первым в России комплексным исследованием данного вопроса [Ашин, Карабущенко, Бережнова, Резаков, 1998].

Как уже было отмечено выше, тема элитологии образования напрямую касается вопросов селекции элит. В 2017 году при активном участии представителей АЭШ в Астраханском государственном университете был проведен первый в мире конгресс «Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете», на котором, в частности, рассматривались проблемы соотношения меритократического и олигархического принципов формирования элит [Карабущенко, 2017, с. 9–12]. Целью конгресса являлось обсуждение актуальных вопросов, связанных с понятиями элит и лидерства, их роли в обществе знания, требованиям, предъявляемым к ним в современном мире, а также проблемам, связанным с элитным образованием в информационном обществе.

К открытию конгресса был подготовлен и издан энциклопедический словарь «Элитология культуры: российская культурная элита XX века»⁷.

В дальнейшем эта тема была продолжена другим авторским коллективом (П. Л. Карабущенко, Р. Г. Резаков и Л. Я. Подвойский), которым был подготовлен и издан трехтомник «Элитология образования», где затрагивались вопросы не просто генезиса элит, но и выявлялась роль университетов и научной общественности в этом историко-культурном процессе [Карабущенко, Резаков, Подвойский, 2020].

При этом следует отметить, что в рамках учебного процесса в учебные программы АГУ были введены и в настоящее время читаются такие курсы, как «Элитология», «Геополитика», «Политическая элитология», «Теории политического лидерства», «Лидерство в системе международных отношений». В рамках элитологической науки были также написаны и изданы учебники:

⁷ Элитология культуры: российская культурная элита XX века: энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский университет, 2017. 412 с.

«Новейшая политическая история» (2020)⁸, «История политических учений» (2022)⁹, «Новейшая политическая история: «Восточнославянский треугольник»» (2023)¹⁰ и «Политическая культура» (2024)¹¹.

Из приведенного материала видно, что представители АЭШ ведут весьма активную и успешную научную и просветительскую работу. Встает резонно вопрос: насколько востребована подобная издательская активность? Во многом ответ на этот вопрос упирается в проблему развитости непосредственно самого элитологического сообщества России, насколько прочны его внутренние научные связи. Журнал «Вопросы элитологии» как раз и позволяет раздвинуть эти границы и наладить контакт со всеми заинтересованными в научном общении центрами и отдельно взятыми исследователями.

Заключение

В настоящем исследовании нами была проанализирована деятельность всего лишь одной российской элитологической школы. Разумеется, у нее есть как свои достоинства, так и свои недостатки; есть свои достижения и неудачи. Подобного рода наблюдения позволяют выявить общий ход развития российской элитологической мысли. Одним из основных недостатков таких школ является то, что им не удается наладить постоянный конструктивный диалог с местными органами власти, что затрудняет их научную социализацию. Контакты эти носят спорадический характер. Вызывает также сожаление отсутствие научных связей между самими научными элитологическими школами. О деятельности других они чаще всего узнают из их собственных публикаций. И здесь в качестве примера может быть названа ростовская школа элитологии (А. В. Понеделков, А. М. Старостин, С. А. Кислицын). Но это уже, как говорится, другая история.

Список источников

1. Гришин Н. В. Участие граждан в управлении выборами: процесс делимитации избирательных округов // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 4. С. 66–81.
2. Гришин Н. В. Деятельность международных организаций по подготовке и обучению электоральных экспертов // Вопросы элитологии. Т. 2. № 2. 2021. С. 63–81.

⁸ Новейшая политическая история: Великая азиатская «дуга напряженности» (1991–2011 годы) учеб. пособие / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: ИНФРА-М., 2020. 543 с.

⁹ История политических учений: учебник / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: ИНФРА-М, 2022. 725 с. (Высшее образование: бакалавриат). DOI: 10.12737/1242224. ISBN 978-5-16-016821-0 (print) ISBN 978-5-16-109388-7 (online)

¹⁰ Новейшая политическая история: «Восточнославянский треугольник» (1991–2011 годы): учеб. пособие / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: ИНФРА-М, 2023. 481 с. (Высшее образование: бакалавриат). DOI: 10.12737/996018

¹¹ Политическая культура: учебник для вузов / П. Л. Карабущенко [и др.]; под ред. П. Л. Карабущенко. СПб.: Лань, 2024. 388 с.: ил. ISBN 978-5-507-49173-5

3. Головин В. Г., Головина Е. Е. Имперские амбиции современных транснациональных корпораций // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 3. С. 156–189.
4. Головин В. Г., Головина Е. Е. Транснациональные элиты в системе геополитических координат // Вопросы элитологии. 2020. Т. 2. № 1. С. 63–87. DOI: 10.465139/elit.v2i1.52
5. Оськина О. И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 3. С. 52–73. DOI: 10.46539/elit.v1i3.26
6. Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: пикник на обочине средневековой истории // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 2. С. 36–62. DOI: 10.46539/elit.v2i2.62
7. Оськина О. И. Карнавальность как маркер современной девиантной политической культуры // Вопросы элитологии. 2022. Т. 3. № 2. С. 114–128.
8. Лисянский И. Н. Карнавальная политическая культура США: элиты и лидеры в гротескном свете общественной критики // Вопросы элитологии. 2022. Т. 3. № 4. С. 52–64. DOI: 10.46539/elit.v3i4
9. Лебедева И. В. Немецкий карнавал — политическая элита без цензуры // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 4. С. 85–97.
10. Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: политические элиты в поисках утраченной идентичности // Вопросы элитологии. 2021. Т. 1. № 4. С. 138–164. DOI: 10.46539/elit.v1i4.41
11. Хлыщева Е. В. Феномен элитарной культуры: проблема концептуализации // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 1. С. 78–92.
12. Хлыщева Е. В. Античная цивилизация: аристократия духа vs военно-политический нобилитет // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 1. С. 10–20.
13. Хлыщева Е. В. Метамодерн как новое мировидение: синтез массового и элитарного // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 2. С. 10–21.
14. Гайнутдинова Е. В. Ценностно-целевой аспект мотивации в процессе развития «Softskills» как стратегия формирования экологии элит // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 3. С. 12–25.
15. Гайнутдинова Е. В. «Экология» как основа формирования дизайна современной элиты // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 2. С. 22–35.
16. Глазков А. П. Духовное развитие и теологичность элитарности // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 2. С. 65–74.
17. Завьялова Е. Е. Образ Николая Угодника в контексте феномена элитарности: агиографический и фольклорный дискурсы // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 2. С. 75–98.
18. Ашин Г. К., Карабущенко П. Л., Бережнова Л. Н., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования (монография). М.: МОСУ; МГИМО (У) МИД РФ, 1998. 431 с.
19. Карабущенко П. Л. Элитология образования и личность: от олигархической элитарности к меритократической элитности // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете: материалы Международного конгресса. 19–22 апреля 2017 года / под ред. проф. А. П. Лунева и проф. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский университет, 2017. 364 с. С. 9–12.
20. Карабущенко П. Л., Подвойский Л. Я., Резаков Р. Г. Элитология образования: Элита и Университет: монография. М.: Экон-Информ, 2019. 285 с. ISBN 978-5-950538-97-0

21. Элитология: энциклопедический словарь. / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
22. История отечественной элитологической мысли: энциклопедический словарь / под ред. проф. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделкова. Ростов-н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 576 с.
23. Элитология культуры: российская культурная элита XX века: энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский университет, 2017. 412 с.
24. Иностранцы на службе у России: «элита пришельцев»: энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко, А. А. Вартумяна, Т. А. Шебзуховой. Пятигорск: РИА-КМВ, 2018. 688 с. ISBN 978-5-89314-888-6
25. Гришин Н. В. Общественное участие в процессе делимитации избирательных округов // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 1. С. 130–146.
26. Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: миры кривляющихся химер // Вопросы элитологии. 2022. Т. 3. № 4. С. 80–94. DOI: 10.46539/elit.v3i4.131
27. Элитология культуры: российская культурная элита XX века: энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский университет, 2017. 412 с.
28. Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г., Подвойский Л. Я. Элитология образования: генезис научной элиты: монография. М.: Экон-Информ, 2020. 358 с.
29. Новейшая политическая история: Великая азиатская «дуга напряженности» (1991–2011 годы) учеб. пособие / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: ИНФРА-М., 2020. 543 с.
30. История политических учений: учебник / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: ИНФРА-М, 2022. 725 с. (Высшее образование: бакалавриат). DOI: 10.12737/1242224; ISBN 978-5-16-016821-0 (print); ISBN 978-5-16-109388-7 (online).
31. Новейшая политическая история: «Восточнославянский треугольник» (1991–2011 годы): учеб. пособие / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. М.: ИНФРА-М, 2023. 481 с. (Высшее образование: бакалавриат). DOI: 10.12737/996018
32. Политическая культура: учеб. для вузов / П. Л. Карабущенко [и др.]; под ред. П. Л. Карабущенко. СПб.: Лань, 2024. 388 с.: ил. ISBN 978-5-507-49173-5

References

1. Grishin, N. V. (2020). Citizen participation in election management: the process of delimitation of electoral districts. *Issues of elitology*, 1, 4, 66–81. (In Russian).
2. Grishin, N. V. (2021). Activities of international organizations for the training and education of electoral experts. *Issues of elitology*, 2, 2, 63–81. (In Russian).
3. Golovin, V. G., & Golovina, E. E. (2021). Imperial ambitions of modern transnational corporations. *Questions of elitology*, 2, 3, 156–189. (In Russian).
4. Golovin, V. G., & Golovina, E. E. (2020). Transnational elites in the system of geopolitical coordinates. *Questions of elitism*, 2, 1, 63–87. (In Russian). <https://doi.org/10.465139/elit.v2i1.52>
5. Oskina, O. I. (2020). Transformational variables of the political culture of the modern political elite. *Questions of elitology*, 1, 3, 52–73. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/elit.v1i3.26>
6. (2017). *Elitology of culture: the Russian cultural elite of the twentieth century. The Encyclopedic Dictionary*. Edited by Prof. P. L. Karabushchenko. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. (In Russian).

7. (2018). *Foreigners in the service of Russia: the "alien elite". The Encyclopedic Dictionary*. Edited by P. L. Karabushchenko, A. A. Vartumyan, T. A. Shebzukhova. Pyatigorsk: RIA-KMV Publishing House. (In Russian). ISBN: 978-5-89314-888-6
8. Karabushchenko, P. L. (2021). Carnival political culture: a picnic on the sidelines of medieval history. *Questions of elitology*, 2, 2, 36–62. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/elit.v2i2.62>
9. Oskina, O. I. (2022). Carnivality as a marker of modern deviant political culture. *Issues of elitology*, 3, 2, 114–128. (In Russian).
10. Lisyansky, I. N. (2022). Carnival political culture USA: Elites and Leaders in the grotesque light of public criticism. *Questions of elitology*, 3, 4, 52–64. (In Russian). DOI: 10.46539/elit.v3i4
11. Lebedeva, I. V. (2021). German carnival — the political elite without censorship. *Questions of elitology*, 2, 4, 85–97. (In Russian).
12. Karabushchenko, P. L. (2022). Carnival political culture: worlds of wriggling chimeras. *Questions of elitology*, 3, 4, 80–94. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/elit.v3i4.131>
13. Khlyshcheva, E. V. (2020). The phenomenon of elite culture: the problem of conceptualization. *Questions of elitism*, 1, 1, 78–92. (In Russian).
14. Khlyshcheva, E. V. (2021). Ancient civilization: aristocracy of the spirit vs military-political nobility. *Questions of elitism*. 2, 1, 10–20. (In Russian).
15. Khlyshcheva, E. V. (2021). Metamodern as a new worldview: synthesis of mass and elite. *Questions of elitology*, 2, 2, 10–21. (In Russian).
16. Gainutdinova, E. V. (2020). Value-target aspect of motivation in the development of “Softskills” as a strategy for the formation of the ecology of elites. *Questions of elitism*, 1, 3, 12–25. (In Russian).
17. Gainutdinova, E. V. (2021). “Ecology” as the basis for the formation of the design of the modern elite. *Questions of elitology*, 2, 2, 22–35. (In Russian).
18. Glazkov, A. P. (2020). Spiritual development and theologicity of elitism. *Questions of elitology*, 1, 2, 65–74. (In Russian).
19. Zavyalova, E. E. (2020). The image of Nicholas the Saint in the context of the phenomenon of elitism: hagiographic and folklore discourses. *Questions of elitism*, 1, 2, 75–98. (In Russian).
20. Karabushchenko, P. L. (2020). Carnival political culture: political elites in search of a lost identity. *Questions of elitology*, 1, 4, 138–164. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/elit.v1i4.41>
21. Ashin, G. K., Karabushchenko, P. L., Berezhnova, L. N., & Rezakov, R. G. *Theoretical foundations of the elitology of education* (monograph). Moscow: Moscow State University and MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 1998. (In Russian).
22. (2013). *Elitology: An encyclopedic dictionary*. Edited by prof. P. L. Karabushchenko. Moscow: Ekon-inform, 618 p. (In Russian).
23. Grishin, N. V. (2020). Public participation in the process of delimitation of electoral districts. *Questions of elitology*, 1, 1, 130–146. (In Russian).
24. Karabushchenko, P. L. (2017). *The elitism of education and personality: from oligarchic elitism to meritocratic elitism. Elites and leaders: formation strategies in a modern university*. Materials of the International Congress. April 19–22. Edited by Professors A. P. Lunev, P. L. Karabushchenko. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. (In Russian).

25. Karabushchenko, P. L., Rezakov, R. G., & Podvoisky, L. Ya. (2020). *The elitism of education: the genesis of the scientific elite*. Monograph. Moscow: Econ-Inform. (In Russian).
26. (2016). *The history of Russian elitist thought. An encyclopedic dictionary*. Edited by Professors A. Y. Shutov, P. L. Karabushchenko, A. V. Ponedelkov. Rostov-on-Don: Publishing House of YURIU RANHiGS. (In Russian).
27. (2017). *Elitology of culture: the Russian cultural elite of the twentieth century. The Encyclopedic Dictionary*. Edited by Professor P. L. Karabushchenko. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. (In Russian).
28. Karabushchenko, P. L., Podvoisky, L. Ya., & Rezakov, R. G. (2019). *Elitology of education: Elite and University*. Monograph. Moscow: Ekon-Inform. (In Russian). ISBN 978-5-950538-97-0
29. (2020). *The latest political history: The Great Asian “arc of tension” (1991–2011)*. Textbook. Edited by Professor P. L. Karabushchenko. Moscow: INFRA-M., 543 s. (In Russian).
30. (2022). *The history of political teachings: textbook*. Edited by Professor P. L. Karabushchenko. Moscow: INFRA-M. (In Russian). (Higher education: Bachelor’s degree). <https://doi.org/10.12737/1242224>; ISBN 978-5-16-016821-0 (print); ISBN 978-5-16-109388-7 (online).
31. (2023). *Recent political history: “The East Slavic Triangle” (1991–2011): a textbook* / Edited by Professor P. L. Karabushchenko. Moscow: INFRA-M. (In Russian). (Higher education: Bachelor’s degree). <https://doi.org/10.12737/996018>
32. (2024). *Political culture: textbook for universities*. P. L. Karabushchenko [et al.]; edited by P. L. Karabushchenko St. Petersburg: Lan. (In Russian). ISBN: 978-5-507-49173-5

Информация об авторе / Information about the author:

Рекешева Фариди Марсильевна — кандидат психологических наук, доцент, проректор Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия.

Farida M. Rekesheva — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Vice-rector of Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia. rekesheva@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9923-6584>

Научно-теоретическая статья

УДК 13

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-43-52

РАЗВИТИЕ НАРОДНОЙ ФИЛОСОФИИ В РУССКОМ УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Бессонов Б. Н.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия

bessonovbn@mgpu.ru

Бирич И. А.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

birichi@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3081-3198>

Аннотация. В статье прослеживается концепция древности славяно-русского языка и его письменности, восходящая ко времени образования ранних цивилизаций в Европе и Малой Азии. Многие надписи на древних памятниках материальной культуры были расшифрованы в конце XX века с помощью праславянской слоговой письменности, озвученной на современном русском языке, в частности крито-микенской и этрусской эпохи. В статье объясняется, почему развитие славянского языка в VII веке н. э. пошло по двум путям: в алфавитной, книжной форме, став атрибутом восточно-христианской культуры, и одновременно сохранялось в первоизданном виде в устной речи народа, в устном народном творчестве. Их встреча на русской почве произошла в XIX веке, когда устное народное творчество было записано и издано в печати. Рассказывается, как изменялось его восприятие в культурной среде России XIX–XX веков — писательской, научной, философской, педагогической, образованной части населения: от удивления до восхищения. Самобытное народное сознание, воспроизведенное в фольклоре, говорило о чуткости народа к духовным проблемам, к проблемам нравственности и верности национальному долгу.

Ключевые слова: часть магистрального мифа, героизация прошлого, феномен двоеверия, народная философия, школа нравственности

© Бессонов Б. Н., Бирич И. А., 2024

Для цитирования: Бессонов Б. Н., Бирич И. А. Развитие народной философии в русском устном народном творчестве // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 43–52. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-43-52

Scientific and theoretical article

UDC 13

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-43-52

**THE DEVELOPMENT OF FOLK PHILOSOPHY
IN RUSSIAN ORAL FOLK ART**

Boris N. Bessonov

Moscow City University,
Moscow, Russia

Inna A. Birich

Moscow City University,
Moscow, Russia,
birichi@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3081-3198>

Abstract. The article traces the concept of antiquity of the Slavic-Russian language and its writing, dating back to the time of the formation of early civilizations in Europe and Asia Minor. Many inscriptions on ancient monuments of material culture were deciphered at the end of the twentieth century with the help of Proto-Slavic syllabic writing, voiced in modern Russian, in particular of the Cretan-Mycenaean and Etruscan eras. The article explains why the development of the Slavic language in the VII century AD went along two paths — in alphabetic, book form, becoming an attribute of Eastern Christian culture, and at the same time was preserved in its original form in the oral speech of the people, in oral folk art. Their meeting on Russian soil took place in the 19th century, when oral folk art was recorded and published in print. It is told how his perception changed in the cultural environment of Russia in the 19th – 20th centuries — the writer's, scientific, philosophical, pedagogical, educated part of the population: from surprise to admiration. The original national consciousness, reproduced in folklore, spoke of the people's sensitivity to spiritual problems, to the problems of morality and loyalty to national duty.

Keywords: part of the main myth, glorification of the past, the phenomenon of dual faith, folk philosophy, school of morality

For citation: Bessonov, B. N., & Birich, I. A. (2024). The development of folk philosophy in russian oral folk art. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (52), 43–52. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2024-452-43-52>

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!

Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

И. С. Тургенев

Введение

Многие крупные народы в древности имели в форме устного народного творчества эпос — эпические сказания о сотворении мира, данного этноса, законах его социального проживания и даже правилах этикета. Передаваясь из поколения в поколение в устной традиции, эпос был записан, как только у этноса появилась письменность. Поэтому мы сегодня знаем о мифах разных народов, уходящих в глубокую древность. У древних славян, конечно, был свой эпос (не мог не быть!), но время его записи уходит в седую древность [Большаков, 2024].

Чем ближе к осевому времени (VI–V века до н. э. — [Ясперс, 1994]), тем больше расходились сюжеты магистрального мифа, тем больше отличались языки древних народов друг от друга, но общая картина мира сохранялась. Новый этап в развитии сознания уже непосредственно восточных славян связан был с распространением на данной территории письменных источников восточного христианства на греческом языке. Неожиданным образом разрешили эту дилемму словенские учителя Кирилл и Мефодий, когда, изучив «русские черты и резы», защитили в Риме в VII веке значение славянского, или древнерусского, языка как священного и право перевода Библии на этот язык. Так, славянская письменность (сначала как глаголица, а потом кириллица) в Моравии, Болгарии, а потом в Киевской Руси стала проводником христианской книжной (церковно-славянской) культуры, а славянский эпос остался в традиции устного народного творчества. Он потерял свою целостность, рассеялся по разным славянским регионам и рассыпался на отдельные разножанровые сказания. Однако каждое из них черпает свой смысл из первоначала. Посмотрим, как это работает.

Методологические основания

Передаваясь из поколения в поколение, русские сказки, былины, легенды дожили в крестьянской среде до XIX века, неизвестные образованной русской публике. Все началось с публикаций сказок А. С. Пушкина, поэтически обработавшего сказания крестьянки Арины Родионовны, и сборника российских народных песен (духовных) Петра Киреевского, изданных Обществом люби-

телей русской словесности [Киреевский, 1847]. Собирать их в центральных губерниях России помогали многие друзья, включая Пушкина. И что получилось? Восточнославянский эпос наших предков русичей за тысячелетие приобрел форму письменной речи на том русском языке, который только формировался гением А. С. Пушкина и всей плеядой наших славных поэтов.

Наверное, этим можно объяснить тот культурный шок и бум, который испытала наша интеллигенция на всем протяжении XIX века, когда стали выходить один за другим сборники народных песен, сказок и былин, собранные в результате научных экспедиций в глубинку [Афанасьев, 1855/1863; Даль, 1863]. Духовный эффект разговора неграмотного народа с образованным читателем на равных изумлял. Так, в формуле графа Уварова о русской национальной идее кроме Самодержавия и Православия появился, после записки Пушкина Николаю I в 1826 году о народном воспитании [Пушкин, 1978, т. 7], третий член — Народность.

Создаются литературные сказки, поэмы, стилизованные под былинный песенный размер, в салонах становятся модными русские народные песни, изучается особый народный мелос, композиторы сочиняют оперы на сказочный или былинный сюжеты, художники пишут большие полотна на тему Древней Руси в ее сказочном образе. Философ А. М. Ремизов даже свою жизнь описал как сказочный сюжет: «Природа моего существа купальская: огонь и кровь. От чистоты огня веселость духа. Веселость духа — мои крылья, а кровь — виноватость. В Купальскую ночь цветок папоротника, горя нестерпимым огнем, ожег мои глаза. В пламени цветка папоротника передо мной открылся клад... — русский фольклор, сказки, сказания, легенды, летописи» [Ремизов, 1993, т. 2, с. 48]. Интерес к народной самобытности был проявлен во всей русской культуре, и в золотой, и в серебряный ее век, особенно в среде славянофилов и философов русского зарубежья [Бессонов, 2014].

Все это сопровождается научным изучением мифопоэтического народного мышления. В 1861 году были изданы два тома сочинения Ф. И. Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», в которых автор рассматривал фольклорный материал в качестве остатков древних мифов. По мнению исследователя, эпос сначала был мифологическим, и его героями были языческие боги, затем он становился более историческим, и повествование шло о деяниях людей [Буслаев, 1861]. В 1863 году наконец выходит четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, который тот готовил более 40 лет. На этот труд его напутствовал еще А. С. Пушкин. Словарь включал в себя 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц и поговорок [Даль, 1863]. После его выхода И. С. Тургенев с восторгом написал свой белый стих о «великом и могучем русском языке».

В их поддержку в эти же годы выступил литературовед А. А. Потебня, посвятив свое исследование поэтике русского языка и русского мифа [Потебня, 1989]. Здесь же надо вспомнить первый этимологический словарь русского языка А. Преображенского, вышедший в начале XX века. Согласно ему 40 про-

центов русских корней имеют санскритское происхождение [Преображенский, 1910–1918]. Философски осмыслил духовное содержание устного народного творчества Е. Н. Трубецкой [Трубецкой, 1922].

Отечественный ученый, культуролог и переводчик с русского языка на хинди Н. Р. Гусева, проникнув в суть связей индоевропейских языков между собой, писала: «Язык сохраняет в себе слова, языковые и новые формы, зарождавшиеся на заре человеческой речи, и несет их сквозь века, накапливая свой золотой фонд для всех грядущих поколений» [Гусева, 2002, с. 174]. Чем древнее этнос, тем богаче и сильнее язык [Бирич, 2018].

Отечественная народная культура раскрывается как эмоционально-духовный опыт общения человека с миром, как один из способов мышления, познания действительности и творческой деятельности. С нашей точки зрения, в ней запечатлена народная философия в прямом значении этого ученого слова. В ней есть и онтология (дана картина мира), и гносеология (защита здравого смысла), и социальная антропология (точное раскрытие различных человеческих типов), и эстетика (культ красоты), и аксиология (пристрастное отношение к этике поступка), и даже философия религии.

Результаты исследования

Русский эпос — памятник героического прошлого. В устном народном творчестве оказалась законсервированная память народа о разных исторических этапах Руси: и мифологический период (несколько тысяч лет), и принятие христианства земледельческим народом (примерно X–XII века), когда с нашествием кочевых племен причерноморских степей боролись уже православные воины; торговый быт Великого Новгорода (XIII век); Куликовская битва против полчищ татаро-монгол-мусульман с участием святых воинов-героев (XIV век); церковный раскол, породивший легенды о Земле обетованной (XVII–XVIII века). Это вехи не столько истории Руси, сколько вехи развития русского самосознания — народа от земли и одновременно от неба — недаром русичи называли себя Дажьбожьими внуками, внуками солнечного бога [Слово о полку Игореве, 1985, с. 63].

Данный дуализм мышления в этнографии был научно, но поверхностно назван двоеверием, как будто наши предки были наполовину язычниками (сохраняли культ земли) и наполовину христианами, соблюдая внешнюю обрядовость, но не вникая в ее смысл [Рыбаков, 1987]. На самом деле феномен двоеверия в русской культуре представляет собой особый синтез сознания наших предков-христиан, оставшихся верными своей любви к природе, ее ритмам, чуткости к земле, ее лесам, рекам — ко всему тому, что кормило этнос [Гусева, 2002, с. 175–181]. Они сумели развить свой певучий язык до такой степени, что могли разговаривать со всем окружающим миром. От христианства наши предки взяли чуткость к внутреннему миру человека, его глубинам и высотам,

требование к нравственному образу жизни, который понимался как критерий здравого, то есть благого смысла, по заповедям.

Двоеверие сопровождало русский быт вплоть до XX века, но особенно сильно оно оказалось запечатлено в устном народном творчестве. Так, религиозный реформатор князь Владимир остался в памяти народной как Красно Солнышко; новгородский купец Садко-Баян — культурный герой; богатыри русских былин — от Святогора до князя Игора — охраняют и бьются за Святую Русь; мечта о земле обетованной, земном рае порождает в народе сказания о граде Китеже и Беловодье.

Особое место здесь занимают русские волшебные сказки. По внешнему антуражу они напоминают мифы разных народов, но по сюжетике — это всегда путешествие героев по закоулкам души и высотам духа. Почти всегда герой отправляется в путь, совершив ошибку из-за нетерпения сердца или козней злых существ. Потеря объекта любви не приводит в отчаяние, а придает решимость и мужество найти пропажу. Начав с границы жизни и смерти (встреча с Бабой Ягой), герой отправляется в путь, получая в руки нить судьбы, заранее приняв все ее повороты и изгибы, лишь бы она привела к цели. И время здесь не главное условие! Главное — выбор дороги на перепутье. Чем труднее дорога, тем больше подвигов совершает герой, тем больше мы узнаем о его благих качествах, особенно о его готовности к милосердию и самопожертвованию. Награда его велика!

Но и наша награда тоже. Спустившись в подземное царство Кащея Бессмертного, держа его смерть в руках, герой возвращает к жизни не только свою суженную, но и всех замученных там людей, и самого Кащея тоже. Силой любви происходит преображение темного царства, его просветление, и всех-всех — в финале ждет брачный пир как награда за подвиг любви! Вот что значит по-русски победа над злом. И без христианских заповедей здесь не обойтись. Не это ли есть реализация евангельской притчи о «званных и призванных на пир»?

Народная этика ведет героев русских сказок и их слушателей по жизни. В сказках она патриархальная, мужская, спокойная, пронизана уважением к семье, родителям, их достоинству. А вот женские героини особенные, несущие сердечную тайну: или заколдованные, или красавицы ненаглядные, дочери нежные, добрые, жены верные. Ради них на край света пойдешь [Гринблат, 2023]. Да и героиня наша оказывается внутри сильная и бесстрашная.

Параллельно народным сказаниям возникает легенда о житии муромского князя Петра и его жены Февронии. На это обратил внимание А. М. Ремизов. Петр и Феврония управляли Муромом нераздельно. Время их княжества накануне нашествия Батые было счастливым. И после смерти они пожелали лежать в могиле вместе, но их завет не выполнили и положили врозь. И вот здесь сказалась духовная сила любящей жены. Феврония разбила крышку своего гроба и прилетела в собор, где лежал ее муж. Наутро в соборе гроб Петра нашли с развороченной крышкой. Супруги лежали в саркофаге рядом, без перегородки

[Ремизов, 1993, т. 2, с. 319]. Какой красивый рассказ о неразлучимой любви, под стать народному сказу!

Преодоление страхов подсознания и привыкание к неизвестности как норме пути к заветной цели характерны для наших легенд и сказок: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Да надо ли идти? Надо — слово дал (а), обещал (а), так умри, но сделай! Так мы вместе с героями сказок устремлены в будущее. Цель ясна, путь неизвестен, и на этом пути героям приходится творить просто чудеса! Не в этом ли непреходящая тайна сказок и наш интерес к ним, сколько бы раз мы их ни читали? [Философия и литература, 2009].

В сказках рассказывается также и о том, каким народ представлял себе будущее, о чем мечтал. Например, наливное яблочко и серебряное блюдечко: покатай яблочко и увидишь на блюдечке, как поживает твой батюшка вдали от дома. Источник с мертвой и живой водой залечивает раны и оживляет мертвых. Молодильные яблоки возвращают молодость. Кони по воздуху преодолевают пространства, а ковер-самолет вообще поднимается к небесам. И что любопытно? Все это вещи бытовые, знакомые — никакой искусственности, механистичности. А что это за остров Буян, где растет Аленький цветочек? На нем мысли и пожелания тут же исполняются! И брачный пир на весь мир, происходящий на этом острове, явно рисует нам образ чаемого народом Царствия Небесного. Так в русских сказках просвечивает вечность.

Между прочим, именно так видели будущие преобразования человека и земли философы русского космизма. В. С. Соловьев в своих трактатах и стихах показал нам лик Софии — Премудрости Божией, вечной женственности, творящей мир. Н. Федоров писал о том, что преображенный человек должен будет научиться развивать свои органы так, чтобы уметь мгновенно перемещаться в пространстве без использования механизмов, а К. Э. Циолковский, хоть и придумал ракетный двигатель, но, заглядывая в далекое будущее Земли в своей космической философии, видел человека сгустком энергии, творящим добро в просторах Вселенной [Циолковский, 1986, с. 375–378]. В. И. Вернадский верил в то, что человечество силой своей научной мысли преобразит биосферу планеты.

Заключение

Итак, мы видим, что русская народная культура наполнена метафизикой, которая позволила ей сохранить духовную связь народа с родиной, ее просторами, необходимостью ее защищать и с планетарным мироощущением: от магистрального мифа до философии русского космизма.

Список источников

1. Большаков В. И. «Вначале было слово» // Большаков В. И. Русской цивилизации 4000 лет. М.: Терция, 2024. 248 с. С. 8–28.

2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с. (Мыслители XX в.).
3. Киреевский П. Русские народные стихи, собранные Петром Киреевским // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1847. Кн. 9. М.: Университетская типография. 770 с.
4. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Вып. 1–8. М.: Издание Козьмы Солдатенкова, 1855–1863.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1–4. М.: в типографии А. Семена, 1863.
6. Пушкин А. С. О народном воспитании // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. VII. Критика и публицистика. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. 544 с. С. 30–35.
7. Ремизов А. М. Сочинения: в 2 кн. Кн. 2. Круг счастья. М.: Терра, 1993. 383 с.
8. Бессонов Б. Н. Русские мыслители о характере русского народа // Самопознание русского народа: сб. науч. ст. / ред. кол.: Б. Н. Бессонов, Ю. А. Огородников. М.: МГПУ, 2014. 160 с. С. 6–58.
9. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1–2 / Соч. Ф. Буслаева. Русская народная поэзия. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчиков, 1861.
10. Потенбня А. А. Отношение язычества к христианству, веры к знанию // Потенбня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 275–282. (Приложение к журналу «Вопросы философии»).
11. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1–14. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1918.
12. Трубецкой Е. Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1922. 49 с.
13. Гусева Н. Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. М.: Фаир-пресс, 2002. 336 с.
14. Бирич И. А. Взаимодействие антропогенеза и филогенеза в истории культуры // Культурно-цивилизационная тайна образования. Философский проект. М.: Академический Проект, 2018. 276 с. С. 55–96.
15. Слово о полку Игореве / Вступит. Статья и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1985. 222 с. (Классики и современники. Поэтич. б-ка).
16. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 664 с.
17. Гринблат В. О. Волшебство русского кокошника. М.: Русская философия, 2023. 176 с.
18. Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе: Научно-фантастические произведения / предисл. В. И. Севастьянова. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. 448 с. (Отчий край).
19. Философия и литература: линии взаимодействия: сб. науч. ст. / ред. кол.: Б. Н. Бессонов, И. А. Бирич. Вып. 1. М.: МГПУ, 2009. 231 с. (Философия: люди и идеи).
20. Ремизов А. М. Взвихренная Русь. М.: Захаров, 2002. 492 с.

References

1. Bolshakov, V. I. (2024). *“In the Beginning There Was a Word”*. *Russian Civilization 4000 Years*. Moscow: Tertsiya. (In Russian).
2. Jaspers, K. (1994). *The Meaning and Purpose of History*. Moscow: Respublika. (Thinkers of the twentieth century). (In Russian).

3. Kireevskii, P. (1847). *Russian folk poems collected by Pyotr Kireevsky*. Book. 9. (In Russian).
4. Afanasyev, A. N. (1855–1863). *Folk Russian Fairy Tales*. Vol. 1–8. Moscow: Izdanie Kozma Soldatenkova. (In Russian).
5. Dal, V. I. (1863). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Vol. 1–4. Moscow: in the printing house of A. Semen. (In Russian).
6. Pushkin, A. S. (1978). *On people's education*. The complete works in 10 vols. Vol. VII. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch Publ. (In Russian).
7. Remizov, A. M. (1993). Soch. In 2 books. Book 2. *The Circle of Happiness*. Moscow: Terra. (In Russian).
8. Bessonov, B. N. (2014). *Russian Thinkers on the Character of the Russian People. Self-Knowledge of the Russian People: Collection of Scientific Articles*. Editors kollegue: B. N. Bessonov, Yu. A. Ogorodnikov. Moscow: MCU. (In Russian).
9. Buslaev, F. I. (1861). *Historical Essays on Russian Folk Literature and Art*. Vol. 1–2. Soch. F. Buslaeva. *Russian folk poetry*. St. Petersburg: Izd. D. E. Kozhanchikov. (In Russian).
10. Potebnya, A. A. (1989). *Attitude of paganism to Christianity, faith to knowledge. Potebnya A. A. Slovo i myth*. Moscow: Pravda. (Supplement to the journal “Problems of Philosophy”). (In Russian).
11. Preobrazhenskii, A. (1910–1918). *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 1–14. Moscow: Tip. G. Lissner and D. Sobko. (In Russian).
12. Trubetskoy, E. N. (1922). *The Other Kingdom and Its Seekers in the Russian Folk Tale*. Moscow: Izd. G. A. Lemana. (In Russian).
13. Guseva, N. R. (2002). *Slavs and arians. The path of gods and words*. Moscow: Fair-press. (In Russian).
14. Birich, I. A. (2018). *Interaction of anthropogenesis and phylogeny in the history of culture. Philosophical project*. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russian).
15. (1985). *The Word of Igor's Campaign. Will Enter*. Article and preparation of Old Russian. text by D. Likhachev. Moscow: Khudozh. literature. (Classics and Contemporaries). (In Russian).
16. Rybakov, B. A. (1987). *Paganism of Ancient Russia*. Moscow: Nauka. (In Russian).
17. Grinblat, V. O. (2023). *Magic of the Russian kokoshnika*. Moscow: Russian Philosophy Publishing House. (In Russian).
18. Tsiolkovsky, K. E. (1986). *Dreams about the Earth and the Sky: Science Fiction Works*. V. I. Sevastyanova. Tula: Priok. Kn. Publ. (Fatherland). (In Russian).
19. (2009). *Philosophy and Literature: Lines of Interaction: Collection of Scientific Articles*. Ed. col.: B. N. Bessonov, I. A. Birich. Issue 1. Moscow: MCU. (Philosophy: People and Ideas). (In Russian).
20. Remizov, A. M. (2002). *Whirling Rus'*. Moscow: Zakharov. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Бессонов Борис Николаевич — доктор философских наук, профессор департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ, Москва, Россия.

Boris N. Bessonov — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Pedagogical Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

bessonovbn@mgpu.ru

Бирич Инна Алексеевна — доктор философских наук, доцент, профессор департамента философии и социальных наук ИГН МГПУ, Москва, Россия.

Inna A. Birich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

birichi@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3081-3198>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of authors: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare no conflict of interest.

Научно-теоретическая статья

УДК 101; 530.1

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-53-71

ШАГИ ЗА ГОРИЗОНТ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ К ПРОПАСТИ?

Корчажкина О. М.

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»

Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН),

Москва, Россия,

olgakomax@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0020-4914>

Аннотация. На примере анализа фундаментальных исследований физика-теоретика и философа науки Вернера Гейзенберга «Шаги за горизонт» (1977) и Эдгара Морена, философа и социолога, «К пропасти? Наше начало впереди нас» (2007) рассматривается влияние актуальных тенденций развития науки и ускорения научно-технологического прогресса на будущее человечества, обсуждаются пути преодоления кризиса в понимании глобального мироустройства.

Хотя оптимизм Гейзенберга контрастирует с тревожностью Морена, объектом этих эмоций является общее мнение ученых относительно важности, которую имеет граница понимания человеком окружающей действительности. Человек должен остановить гонку к прогрессу перед этой границей и задуматься о своем будущем. У Гейзенберга эта граница именуется горизонтом, за которым человеку предстоит преодолеть деформацию мышления и тем самым обрести новые возможности познания. А у Морена эта граница — пропасть, на краю которой нужно задержаться и осознать неизбежность катастрофы, получив тем самым шанс на спасение: обрести новое рождение из Хаоса, грозящего человеку уничтожением.

Представленные в статье материалы позволяют не только проследить параллели философской мысли двух столпов мировой науки, но и ощутить их связь с оценкой научных достижений XX и XXI веков в работах современных российских и зарубежных ученых.

Ключевые слова: В. Гейзенберг, Э. Морен, научно-технологический прогресс, глобальное мироустройство, научное мышление, кризис, Человек и Природа

Для цитирования: Корчажкина О. М. Шаги за горизонт или движение к пропасти? // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 53–71. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-53-71

Scientific and theoretical article

UDC 101; 530.1

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-53-71

STEPS OVER THE HORIZON OR MOVING TOWARDS THE ABYSS?

Olga M. Korchazhkina

Federal Research Centre “Computer Science and Control”
of the Russian Academy of Sciences (FRCCSC RAS), Moscow, Russia,
olgakomax@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0020-4914>

Abstract. The article examines the impact of current trends in the development of science and the acceleration of scientific and technological progress on the future of mankind, plus discusses some ways to overcome the crisis in understanding the global world order. The research is based on the analysis of the two fundamental works made by European scholars of the XX–XXI centuries — Werner Heisenberg’s “Steps beyond the Horizon” (1977) and Edgar Morin’s “To the Abyss? Our origin is ahead of us” (2007).

Although Heisenberg’s optimism contrasts to Morin’s anxiety, the object of these emotions is their shared opinion regarding the importance of the way of how the man understands the boundary of the surrounding reality. One must stop the race to progress before this boundary and think about one’s future. Heisenberg calls this boundary the horizon, beyond which the man must overcome the deformation of mindset and thereby gain new opportunities for cognition. As for Morin, this border is presented in the image of the abyss, on the edge of which one needs to linger and realize the inevitability of the catastrophe, thus receiving a chance for salvation that means to find a new birth from the Chaos, which threatens the man with destruction.

The materials presented in the article allow not only to trace the parallels in the philosophical ideas of the two pillars of world science, but also to feel their connection with the assessment of scientific achievements of the XXth and XXIst centuries in the works of modern Russian and foreign scholars.

Keywords: W. Heisenberg, E. Morin, scientific and technological progress, global world order, scientific mindset, crisis, the Man and Nature

For citation: Korchazhkina, O. M. (2024). Steps over the horizon or moving towards the abyss? *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (52), 53–71. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2024-452-53-71>

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

*

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обретать и ведать мог.

А. С. Пушкин. «Пир во время чумы»

Введение: современные угрозы и риски человеческой цивилизации

Безудержное стремление человечества к прогрессу, особенно возросшее с наступлением информационной эпохи, служит печальной иллюстрацией закона диалектики о переходе количества в качество. Неоспоримые признаки грядущей катастрофы наметились в середине прошлого века с появлением и первым опытом бесчеловечной «апробации» ядерного оружия — бомбежками ВВС США в августе 1945 года мирных японских городов Хиросимы и Нагасаки, с началом разработок других видов оружия массового уничтожения и планом их комплексного применения в рамках операции «Немыслимое», разработанного весной 1945 года по личному заданию премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Согласно плану этой «экстренной операции», которая должна была начаться 1 июля 1945 года, предполагалось внезапное нападение англо-американских войск на позиции Красной армии в Центральной и Северо-Восточной Европе с дальнейшим продвижением вглубь территории СССР вплоть до линии Архангельск – Астрахань, а крупнейшие города европейской части нашей страны, включая Москву, Ленинград, Сталинград, города Сибири и Дальнего Востока, должны были подвергнуться жестоким бомбардировкам [Самохин, 2014].

Ожидаемый Западом успех этого варварского плана свидетельствовал бы не о его победе, а о конце истории. Что остановило тогда наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, а на самом деле закадычных врагов на все времена? Видимо, возобладал разум и осознание угрозы оказаться (как в русской и английской пословицах) «на суку, который сами рубят» или «в стеклянном доме, из которого сами кидаются камнями».

К счастью, конец истории не случился ни в 1945-м, ни в 1946 году после знаменитой Фултонской речи все того же Черчилля, ни в 1992-м — с публика-

цией нашумевшей книги Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» [Фукуяма, 2007], которую на Западе принято считать пророческой. Даже в настоящее сложное и опасное время мы не наблюдаем тенденцию приближения истории к своему завершению, обозначенную Фукуямой временем распада Советского Союза, закрепившим победу либеральной идеологии как единственно жизнеспособной духовной основы мирового сообщества, рыночной экономики, политической демократии и покорного вращения мира вокруг единственного полюса, расположенного в граде на холме и помеченного покосившейся вывеской Washington, DC.

Не случайно в исследовании депутата Государственной думы РФ А. К. Исаева, посвященном актуальным вопросам современности, одна из глав названа «История не хочет кончаться» [Исаев, 2024, с. 4–8], в которой автор, предвзято рассматривая множество локальных и более крупных современных конфликтов, в частности глобальное противостояние России коллективному Западу, делает вывод о том, что мировая политическая история не может закончиться по взмаху волшебной палочки США, присвоивших себе единоличное право распоряжаться судьбами народов мира.

Тем не менее постоянные риски, которым подвергается человечество в последнее время, связаны не только с расширением военных действий или угрозой применения ядерного, биологического, химического или новейших видов космического оружия, возникновением одних или исчезновением других государств. Мир сталкивается с природными катаклизмами, изменениями климата, неуправляемыми техногенными авариями и катастрофами, последствиями технологических рисков, связанных с принципиально новыми открытиями и физическими экспериментами. Например, на Большом адронном коллайдере проводятся или планируются эксперименты с элементарными частицами, прототипами черных дыр, искусственными объектами, выращенными из гипотетической кварковой материи, магнитными монополями, и даже стремлением инициировать новый Большой взрыв и измерить плотность темной энергии — экспериментов, последствия которых непредсказуемы, что, однако, не останавливает ученых-физиков, а лишь придает их деятельности дополнительный ореол загадочности и сакральности.

Осмыслению и анализу глобальных рисков и угроз посвящено исследование эксперта Российского трансгуманистического движения по глобальным рискам А. В. Турчина [Турчин, 2011]. В предисловии к книге, названном «Размышления о немислимом», один из ведущих российских специалистов в области синергетики и математического моделирования нелинейных процессов Г. Г. Малинецкий называет наше время переломным периодом, временем выбора и неуверенности в будущем: «Проект “Модерн”, связанный с надеждами на технический прогресс, способный качественно улучшить жизнь людей, на более эффективное, разумное и справедливое жизнеустройство, на культурное развитие, на становление научного мировоззрения испытывает глубокий кризис. Ему противостоит “Постмодерн”, постулирующий множественность

смыслов, ценностей, познавательных практик, типов общества и отрицающий элемент объективности, необходимый для сравнения, а также саму возможность диалога культур, цивилизаций, школ» [Малинецкий, 2011, с. 9].

Эти и подобные риски и угрозы XXI века, нашедшие свое отражение в исследованиях современных ученых, были ожидаемы еще в прошлом веке, на что обращали внимание в своих прогнозах советские и зарубежные эксперты с середины 1960-х годов. Например, авторы проекта о глобальных проблемах и будущем человечества «Стратегия выживания», представленного в 1974 году как доклад Римскому клубу, американский математик сербского происхождения Михайло Месарович и немецкий промышленный дизайнер и экономист Эдуард Курт Пестель предложили новый математический подход к общей теории систем. Во введении к своему докладу ученые написали: «В свете некоторых исследований последних лет будущее, перед которым стоит человечество, представляется достаточно мрачным. И хотя результаты этих исследований иронически называют “пророчеством о конце света”, быстро следующие друг за другом кризисы, которые сейчас охватывают весь мир, ярко свидетельствуют о том, что человечество находится в поворотном пункте своего развития. В такой ситуации надежды на “благие намерения” и игнорирование опасностей, уже дающих о себе знать, могут только способствовать торжеству самых мрачных предсказаний. Наш анализ долговременных перспектив развития мира, проведенный научным методом и использующий все доступные данные, вполне отчетливо свидетельствует о том, что пассивность ведет к гибели. Своевременный поворот на новые пути развития может предохранить человечество от тяжелых испытаний, а возможно и катастрофы» [Месарович, Пестель, 1974, с. 1].

Новая информационная эпоха XXI века — эпоха постмодерна — наряду с множеством бесспорно позитивных тенденций, внесла дополнительные риски в повседневную жизнь и профессиональную деятельность человека, став плацдармом для культурных конфликтов, нивелирования ценности научно-теоретического знания, заменив его на поверхностное восприятие информационных потоков, формирующее клиповое мышление. Тотальная цифровизация общественной жизни привела к повсеместной утрате большинством членов общества интереса к интеллектуальному развитию через ценностные основания социального и индивидуального бытия, необходимого для понимания особенностей мировосприятия и поведения [Информационная эпоха, 2010, с. 9, 12].

Наиболее уродливые формы подобных деструктивных процессов воплотились в явлении, получившем название техношовинизм и означающем слепую веру во всевластие технологий, необоснованный оптимизм и недостаток осторожности относительно применения новых технологий [Бруссард, 2020, с. 17, 74, 112]. Основываясь на безоговорочном принятии правильности, честности и превосходства выбора, сделанного компьютером, над решениями человека и человеческими отношениями, сторонники техношовинизма не приемлют альтернативных мнений, подвергающих сомнению целесообразность тотальной

цифровизации общества, а в любом человеко-машинном взаимодействии оставляют первенство за машиной, доводя это преклонение до уровня «технологического бессознательного» [Дэвис, 2008]. Особенно агрессивно техновинизм утверждает незыблемость своих позиций в области сильного искусственного интеллекта (ИИ) — голливудского образа ИИ, связанного с роботами, способными на чувства, с сознанием внутри компьютеров, вечной жизнью и машинами, которые думают подобно людям (чего стоит только ChatGPT!) [Бруссард, 2020, с. 55].

Технологические пути выхода из глобального кризиса

Возвращаясь к докладу М. Месаровича и Э. Пестеля Римскому клубу, сделанному ровно полвека назад, необходимо сказать, что ими была предложена революционная по тем временам концепция органического роста, которая предлагала «целостный всемирный подход к задаче по выводу человечества из его критического положения». Эта концепция базируется на положении мира не как единого целого, а исходит из его региональной дифференциации, составляющей основу кибернетической модели. Принципы построения этой модели формулируются тремя тезисами: 1) модель представлена как многоуровневая иерархическая система; 2) модель является управляемой и работает в режиме диалога между исследователем модели и ЭВМ; 3) модель рассматривается как система взаимодействующих регионов, обладающих уникальной социально-экономической структурой и различающихся уровнем развития, социальной ответственностью, экологической безопасностью и рядом других показателей, обеспечивающих устойчивое развитие региона. Подобный подход может считаться одним из первых, заложивших как кибернетическое, так и синергетическое направление исследования сложных нелинейных иерархических систем, получивших широкое развитие уже в наши дни (см., например, [Капра, Луизи, 2020, с. 73–131]).

Интересно отметить, что почти сразу же концепция органического роста была подвергнута критике со стороны советских ученых. Например, В. В. Загладин и И. Т. Фролов в своей статье для международного ежегодника «Будущее науки» за 1980 год, признавая в ней «немало позитивных сторон», тем не менее, назвали ее «очередной утопией»: «Однако неклассовый подход к исследуемым проблемам, абстрактный глобализм, сознательное абстрагирование от конкретных социально-экономических, политических, и идеологических факторов, составляющих существенное условие подлинно научного решения этих проблем, делают предлагаемую авторами стратегию по меньшей мере нереальной, далекой от тех действительных путей, на которых можно, наконец, достичь желаемой для человечества цели. В итоге тот оптимизм, который была призвана вселить в человечество концепция М. Месаровича и Э. Пестеля, оборачивается все тем же пессимизмом, против которого она первоначально направлялась» [Загладин, Фролов, 1980, с. 10].

В противовес мнению своих советских коллег, высказанному полвека назад, современные российские ученые, принимая во внимание концепцию органического роста и используя математическое моделирование при исследовании социальных систем, рассматривают четыре возможных сценария развития глобальных событий в мире, способных преодолеть, или, напротив, усугубить основные типы угроз (техногенные, военные, экологические, когнитивные, информационные и пр.) следующими способами: 1) эволюционными, мирными средствами — путем реализации долгосрочных программ международного сотрудничества и договоренности между странами; 2) революционными средствами — путем технологического рывка по актуальным направлениям науки и техники в наиболее развитых странах мира и распространения их позитивного опыта на менее развитые страны; 3) средствами доминирования — путем технологического рывка отдельных стран за счет других, менее развитых стран; 4) средствами эскалации конфликтов, ведущих к глобальной катастрофе — путем многочисленных ошибок или заведомо необдуманных или преступных действий мировых элит.

Очевидно, что эволюционные и революционные способы преодоления вызовов в разной степени, но каким-то образом нивелируют социальное неравенство между странами и способствуют всеобщему развитию, а применение способов доминирования как основных приводит к увеличению социального неравенства и росту напряженности между странами. При катастрофическом сценарии развития событий человечество обречено на самоуничтожение или долговременную деградацию по всем направлениям, причем спастись не удастся ни странам второго эшелона, ни так называемому золотому миллиарду.

Философское наследие Вернера Гейзенберга и Эдгара Морена

«Немыслимым» была названа англо-американская операция против СССР в 1945 году, и неммыслимым назвал Г. Г. Малинецкий наше время, в котором, по словам французского писателя Робера Мерля, «прошлое стало прошлым вдвойне, время вдвойне утрачено, потому что вместе со временем мы утратили и самый мир, в котором текло это время. Произошел обрыв. Поступательное движение веков прервалось. И нам уже неизвестно, когда, в каком веке мы живем и будет ли у нас хоть какое-то будущее» [Мерль, 2011, с. 8].

Ответ на вопрос Р. Мерля о том, будет ли у человечества, стоящего на краю обрыва (или на одном конце оборванной стрелы времени?), хоть какое-то будущее, попробуем найти в двух фундаментальных исследованиях: «Шаги за горизонт» (1977) [Гейзенберг, 1987], автором которого является немецкий физик-теоретик и философ науки Вернер Гейзенберг, и «К пропасти? Наше начало впереди нас» (2007) [Морен, 2020] — одной из знаковых работ Эдгара Морена, ныне здравствующего французского философа, социолога и культуролога.

Оба автора с разных профессиональных позиций (ученого-физика и ученого-социолога) рассматривают одно из направлений движения человека в неизвестность, связанное с научно-техническими достижениями и познавательными возможностями человека. Их рассуждения и глубокий анализ проблемы дают ответ на вопрос, как влияют актуальные тенденции развития науки и ускорение научно-технологического прогресса на будущее человечества, в чем причина кризиса как в общественном развитии, так и в умах наиболее активных и думающих членов мирового сообщества, находящегося на распутье. Авторы доносят до читателя способы преодоления этих кризисов с позиции собственного понимания и трактовки нового содержания глобального мироустройства. Действительно ли человечество стоит перед угрозой исчезновения и в какой мере соотносится горизонт Гейзенберга с пропастью Морена?

* * *

Основная идея книги Э. Морена — донести до человеческой цивилизации, вступившей в период кризиса, необходимость осознания накрывающей мир катастрофы, предостеречь человека от дальнейших необдуманных шагов, вынудить его остановиться перед пропастью, которая теперь по-настоящему может означать конец истории, не дать совершить роковой прыжок, поставить перед ним вопросы о выживании: «Этот обостряющийся и разрастающийся кризис, ведет ли нас к катастрофе или к выходу из положения? Может быть мы шагаем навстречу катастрофе, которая уничтожит даже следы жизни, как до момента рождения мира? Удастся ли человечеству избежать этой катастрофы или ему придется начинать все сначала? Когда-то мы уже начинали с хаоса. Хаос может быть разрушением, но он может означать и возрождение. И это, может быть, последний шанс глобального риска» [Морен, 2020, с. 117].

Этот кризис, считает ученый, развивается по нескольким направлениям: цивилизационному (глобализация, рождение планетарного общества); социокультурному («общество мира против общества террора»); технократическому (конфликт между природой, человеком и техникой); в направлении «существенного знания». Причем два последних направления тесно переплетаются, зависят и определяют друг друга.

Морен считает, что причиной конфликта между природой и человеком как создателем техногенной среды, то есть причиной противостояния между естественной и технической, а сейчас в большей степени информационной, средой обитания человека, часто проявляющей агрессию по отношению к своему создателю, состоит в неумении человека замкнуть круг «человек – техника – природа». Во-первых, человеку бывает сложно самому адаптироваться к этой искусственной среде — миру современной техники — в силу стремительного развития новых технологий; во-вторых, человек не умеет, а иногда не желает учитывать потребности природы, не видит ни возможности, ни смысла подстраивать технику под природу, то есть адаптировать искусственный ареал к естественному; в-третьих, человек сам все дальше уходит от природы, занимая сторону

техники и считая, что только техника обеспечит ему будущее процветание. Однако, порывая связь с природой, человек не находит примирения с техникой и пребывает в постоянном конфликте как с природой, так и с техникой.

Важнейшим и самым первым этапом в предотвращении грядущей катастрофы является, по мнению Морена, достижение понимания о неотвратимости катастрофы через существенное знание, которое Морен назвал вызовом глобализации [Морен, 2020, с. 31–41]. Отрадно, пишет Морен, что человек наконец-то стал сомневаться в прогрессе, и эта «проблема стала экстремально актуальна в нашем нынешнем кризисе цивилизации», а «прогресс осуществляется через развитие разума, науки, образования» [Морен, 2020, с. 24–25].

Можно считать, что край пропасти — это метафора той границы осознания своего положения в мире и будущего этого мира, на которой рождается понимание человеком окружающей действительности, дающее шанс на спасение. Таким образом, начало понимания неотвратимости катастрофы и необходимости ее преодоления зарождается в наших головах, а для достижения этого понимания требуется перестройка мышления. Одним из четырех путей изменения «реальности, представляющей собой смешение постоянно меняющегося порядка, беспорядка и организации» [Морен, 2020, с. 28], наряду с социальной реформой организации общества, реформой жизни в целом и реформой этики, Морен называет «путь реформ воспитания и образования, который должен идти вглубь, поскольку развитие образования поможет осуществить эволюцию мышления», а «содержанием этой реформы является развитие контекстуализации знания» [Морен, 2020, с. 30, 33].

Эволюцию мышления, или развитие контекстуализации знания, Морен предлагает осуществлять в соответствии с новыми тенденциями, означающими желание и способность человека охватить мир в его целостности, без дробления на отдельные фрагменты, превращающего «многогранное в одномерное»: «Реформа мышления совершенно необходима, нам необходима такая реформа, которая будет способствовать созданию контекстуального и комплексного мышления» [Морен, 2020, с. 35, 38]. И далее: «Реформа мышления представляет собой ключевую антропологическую и историческую проблему. Никогда в истории человечества ответственность за мышление и за культуру не имела такого решающего значения, как сегодня» [Морен, 2020, с. 41].

Разъяснению содержания контекстуального и комплексного мышления, объединенных общим термином «планетарное мышление», Морен посвящает всего несколько страниц [Морен, 2020, с. 37–41, 92–94]. Однако эти рассуждения имеют принципиально важное значение для всего хода исследования, поскольку в них содержится не только характеристика нового типа мышления, но и его отличие от редуктивного (аналитического) мышления, обоснование слабости последнего и необходимости замены на планетарное мышление: «Нам нужно попытаться отвергнуть слепую рассудочность, которая стремится только к разделению и фрагментации. Она не способна объединить части в одно целое, соединить деталь с ее контекстом, она не в состоянии объять

проблематику планетарной эры и постичь глубину экологической проблемы» [Морен, 2020, с. 28].

Дает ли Морен ответ на основной вопрос: «Этот обостряющийся и разрастающийся кризис, ведет ли нас к катастрофе или к выходу из положения?». Да, причем единственной фразой немецкого философа Мартина Хайдеггера: «Наше рождение не позади, оно впереди нас!», которую Морен вынес в название своего труда, слегка изменив его: «К пропасти? Наше начало впереди нас». Парадокс фразы Хайдеггера Морен разрешает «планетарной мыслью»: «мы, вероятно, приближаемся к новому началу» [Морен, 2020, с. 99], началу нового мышления и новых отношений, к осознанию которых безрассудное человечество может подвести только балансирование на краю пропасти.

Вернер Гейзенберг в своей работе «Шаги за горизонт» [Гейзенберг, 1987] не предрекает, подобно Морену, коллапс истории человечества: его занимают проблемы, связанные с природой науки, смыслом и целями научной деятельности, вопросы создания единой науки, общей терминологии и построение единой картины мира. Он рассматривает науку как средство единения человека с природой и окружающим миром. Тем не менее читатель не может не заметить волнующие автора рассуждения о «кризисах, которые потрясают наш мир», обусловленных скоростью и интенсивностью распространения технических достижений [Гейзенберг, 1987, с. 298–299], а также «тревожные мысли о судьбах человечества и поисках нового мышления, которое способно примирить человека с природой» [Гейзенберг, 1987, с. 22]. Эти рассуждения сближают позицию Гейзенберга со взглядами Морена, а метафоры горизонта у одного и пропасти у другого дают читателю дополнительную пищу для размышления. Что же подразумевает каждый из ученых, вынося эти понятия в название своих работ?

Пропасть у Морена — это образ катастрофы, а что имеет в виду Гейзенберг под горизонтом? Об этом — все содержание его книги, а основные поднимаемые в ней проблемы призваны ответить на вопросы: что такое новое мышление и станет ли конец всем фундаментальным исследованиям физических процессов?

Работа Гейзенберга прекрасно структурирована. Она состоит из 27 статей (разделов) под отдельными заголовками, в каждой из которых рассматривается роль науки и естественно-научного знания в отношении различных аспектов бытия.

В разделе под названием «Изменение структуры мышления в развитии науки» [Гейзенберг, 1987, с. 190–200] автор анализирует радикальные, даже революционные, изменения в структуре мышления, произошедшие за последние 100 лет благодаря развитию физики. Эти изменения внешне проявляются, прежде всего, в научной терминологии, когда старые имена приобретают новые смыслы и порождают новые вопросы. Для понимания значения новых открытий в науке человек «должен изменить структуру своего мышления, должен научиться ставить другие вопросы и использовать иные, чем прежде, наглядные образы». Перестройка мышления начинается с частной проблемы, не находящейся

решения в традиционных рамках, и за счет этого новое мышление оказывается более плодотворным, чем старое: «Революцию делают ученые, которые пытаются действительно решить эту специальную проблему, но при этом еще и стремятся вносить как можно меньше изменений в прежнюю науку». Таким образом, изменение структуры мышления приводит к фундаментальным сдвигам в научном понимании окружающего мира.

Основу раздела «Конец физики?» [Гейзенберг, 1987, с. 201–207] составляют размышления автора о том, заканчивается ли физика на теме элементарных частиц, когда вывод мировой формулы, описывающей все известные и пока неизвестные законы природы, положит конец фундаментальным исследованиям физических процессов. А любой конец — это и есть пропасть, и наоборот.

Законы природы, признает автор, — это идеализация действительности, а не сама действительность, поэтому шаги научной идеализации могут быть сколь угодно многочисленными, глубокими и вечно значимыми. Для более глубокой идеализации, наблюдаемой, например, при уменьшении масштабов расстояния между элементарными частицами (см. ниже о теории струн) преодолевается граница между рациональными и иррациональными физическими явлениями, когда для их описания требуется не только новая система мышления, но и новый математический аппарат, адекватно представляющий новые понятийные категории будущих, а пока гипотетических, физических процессов. Поскольку возможности идеализации безграничны, а сила математических инструментов неисчерпаема, физика, как и любая наука, не может закончиться, делает вывод ученый.

Еще одной причиной живучести физики Гейзенберг считает ее тесное взаимодействие с другими науками: «именно вследствие неопределенного характера границ, отделяющих физику от смежных дисциплин, говорить о ее конце не следует», «ибо ближайшее развитие будет характеризоваться именно объединением науки, преодолением исторически сложившихся границ между отдельными дисциплинами».

Еще одна тематика, связанная с традицией в науке (см.: раздел «Традиция в науке» [Гейзенберг, 1987, с. 226–240]), обусловлена необходимостью рассмотреть влияние многовековых научных традиций на свободу выбора ученым той или иной проблемы для исследования, методологии и научного метода, основополагающих научных принципов, системы понятийных категорий, математического аппарата как рабочего инструмента и практического применения научных результатов. С одной стороны, «научная традиция, то есть исторический процесс, предлагает нам поистине множество проблем и побуждает нас к новым усилиям. А это — признак очень здорового положения в науке». С другой стороны, не следует замыкаться в жестких рамках традиционных представлений, поскольку слепое следование догме может завести исследователя в тупик, когда при работе над новыми проблемами бывает недостаточно традиционных, устоявшихся, сотни раз проверенных и подтвержденных практикой представлений.

В разделе «Картина природы в современной физике» [Гейзенберг, 1987, с. 290–305] автор описывает кризисное состояние нашей цивилизации и пытается найти его коренную причину на фоне картины природы, складывающейся в точных науках. Поэтому мы, отмечает он, должны говорить не о картине природы, а о картине наших отношений к природе.

На эти отношения влияет, прежде всего, скорость, с которой происходят технические изменения и которые не дают возможности людям приспособиться к новым условиям. Если раньше, когда человек использовал технические достижения в борьбе не с себе подобными, а с внешними опасностями в виде природных катаклизмов, диких животных, болезней или голода, то всякое расширение техники использовалось во благо и действительно являло собой прогрессивные тенденции. Сейчас, когда человек порой ожесточенно борется с себе подобными, любое техническое достижение не может в морально-этическом плане однозначно трактоваться как шаг на пути к прогрессу.

Ученый пишет, что «изменения, глубоко затронувшие в техническую эпоху окружающий мир и образ нашей жизни, угрожающе деформировали также и наше мышление и что здесь следует искать коренную причину кризисов, которые потрясают наш мир». Именно в этом разделе возникает образ границы, «на которую наталкивается вера в прогресс»: «По мере того как мы уясняем характер этой границы, она сама оказывается той первой опорой, с помощью которой мы можем найти новую ориентацию».

И, наконец, очень кратко о содержании раздела «Естествознание и техника в политических событиях нашего времени» [Гейзенберг, 1987, с. 324–327]. Особый интерес представляет трактовка Гейзенбергом понятия целесообразности человеческой деятельности. Фраза «целесообразность есть смерть человечности» напоминает о том, что всякая обособившаяся цель, возведенная в ранг самоцели, начинает служить материальным интересам человека, забывающего о ценностях гуманитарных. Поэтому целесообразность может приводить к хаотизации всего мироустройства, общественной жизни, научного знания и даже сознания человека, забывшего о границах дозволенного.

Итак, горизонт Гейзенберга — это метафора границы, которая послужит человеку опорой и за которой он достигнет понимания своего предназначения в ходе развития науки — понимания, до конца недостижимого, и развития, бесспорно нескончаемого. На краю пропасти человечество может удержаться только благодаря осознанию новых ориентаций и направлений развития, что может быть достигнуто с помощью нового мышления, управляющего традициями — не отбрасывающего их полностью, но и не замыкающегося в их оковах.

Что же такое оковы традиций, и приведет ли освобождение от них к «замирению» человека и природы? Несут ли традиции некую идеологию? Означает ли избавление от окоов традиций одновременное избавление от идеологии? Вот ряд новых вопросов, ответить на которые Гейзенберг не успел и на которые предстоит ответить современным ученым.

Что там — за горизонтом: пропасть или широкий простор?

С социологической точки зрения вопросы, поднимаемые в исследованиях Э. Морена и В. Гейзенберга, напрямую связаны с современными процессами интеллектуализации личности, являющейся фактором информационно-психологической безопасности, которая «предполагает способность противостоять порождаемым современной информационной средой угрозам сознанию человека, его психическому и нравственному здоровью». Российские эксперты признают, что способы определения подобных угроз и разработка методов и средств защиты от них «выглядят весьма скромно на фоне того, что сделано и делается в сфере информационно-технической безопасности, в создании средств и методов защиты информации» [Информационная эпоха, 2010, с. 20–21]. Поэтому так важно для человечества преодолеть пропасть между старыми и новыми способами мышления, выйти за пределы традиционного мышления и открыть тем самым новые горизонты познания за счет изменения в структуре научного мышления.

Новый способ мышления рассматривается современными учеными в терминах связности, отношений и контекста, что предполагает считать существенными те свойства объектов живой или неживой (искусственной) системы, которые присущи ей как единому целому и которыми не обладает ни одна из его частей [Капра, Луизи, 2020, с. 77]. Это свойство нелинейных иерархических систем, называемое эмерджентностью, невозможно постичь, используя только методы редукционного (аналитического) мышления, когда целое познается через анализ его отдельных частей. Напротив, контекстное (или контекстуальное, по Морену) мышление позволяет изучать и понимать работу сложных систем только через «включение всего объекта в состав некоторой большей целостной системы объектов».

Вопросы взаимоотношения теоретических и научно-технических знаний поднимают все тот же вопрос, на который искал ответ физик Гейзенберг: конец истории не наступил, а возможен ли конец науки? Новейшие научные исследования и эксперименты дают возможность с определенностью утверждать, что даже неподтвержденные гипотетические теории представляют собой не пропасть, а шаг к новым горизонтам развития науки. О нескончаемости науки можно судить по огромному числу нерешенных проблем, находящихся только в начальной стадии — стадии формулировки проблемы и выдвижения гипотезы (см., например, [Уиггинс, Уинн, 2005]).

В своих работах В. Гейзенберг поднимает еще одну группу «чисто физических» вопросов, которые приводят к философскому пониманию процессов, связанных с нескончаемостью науки: нужно ли делить частицы до бесконечности? Где следует остановиться? Будет ли эта остановка означать остановку у края пропасти? Или это демонстрирует переход научного знания из мира рационального в мир иррационального? Этот мир иррационального предполагает работу не с наблюдаемым, а с предполагаемым, не с измеряемым,

а с вычисляемым, то есть требует все более глубокой идеализации. Поскольку идеализация — это бесконечное углубление в мельчайшие нюансы природных явлений с невозможностью охватить каждый из них, то, шагая по этому пути, наука не может закончиться. А принятие подобной идеализации действительности, позволяющей сформулировать законы природы с помощью понятий, расчетов, предположений, гипотез и прогнозов, умноженных на интуицию ученого, положило начало новейшим гипотезам, исследованиям и научным открытиям XXI века.

Например, теория струн, пока не нашедшая своего экспериментального подтверждения, благодаря применению развитого математического аппарата является в настоящее время наиболее вероятной математической моделью, которая может устанавливать и фиксировать взаимодействия, возникающие в результате колебаний ультрамикроскопических квантовых струн на масштабах порядка планковской длины, составляющей $1,616 \cdot 10^{-35} \text{ м} = 1,616 \cdot 10^{-26} \text{ нм} = 1,616 \cdot 10^{-25} \text{ \AA}$.

Именно теория струн позволяет дать ответ, как может быть построена «правильная теория природы на наименьших возможных масштабах состояний» [Конлон, 2023, с. 24] и отсюда выведена «мировая формула» всех физических процессов. Действительно, квантовое описание гравитационного взаимодействия ультрамикроскопических квантовых струн позволило бы объединить гравитацию с остальными тремя фундаментальными взаимодействиями в рамках Стандартной модели, учитывающей связи между четырьмя главными силами Вселенной — гравитационной, электромагнитной, сильными и слабыми ядерными взаимодействиями. На базе теории струн и подобных ей теорий, которые могут и будут возникать в будущем, возможно построение так называемой теории всего — философской концепции, описывающей природу как целостное образование за счет существования всеобщего механизма, обеспечивающего массой все элементарные частицы, и являющейся пределом мечтаний ученых — от древнегреческих мудрецов до современных деятелей науки.

Глубокая идеализация повышает объяснительный потенциал науки, стремящейся истолковать, к примеру, строение Вселенной на основе симметричной или суперсимметричной теории. Настоящим научным прорывом послужило открытие в 2012 году на Большом адронном коллайдере бозона Хиггса — частицы с инертной массой, которая создает в пространстве поле Хиггса (киселеобразную субстанцию), пронизывающее всю Вселенную и придающее массу всем элементарным частицам при взаимодействии с ним, что доказывает существование фундаментального гравитационного взаимодействия между элементарными частицами и объясняет наличие у них массы. Открытие бозона Хиггса, как рассчитывают ученые, станет еще одним шагом к разработке вожделенной теории всего.

Для более глубокой идеализации, сопровождающей движение науки, нужны новые понятийные категории и новое математическое представление как старых,

так и новых законов природы. Тот факт, что проникновение в существенно новую область физических явлений требует кардинальной смены понятий и представлений, наглядно демонстрирует научное наследие советского конструктора авиационной техники и незаслуженно забытого ученого-физика Роберто Бартини [Мир Бартини, 2020]. Рассматривая наше пространство как квантованное пространство-время не четырех, а шести измерений, Бартини предложил уникальную кинематическую систему единиц, в которой все физические величины выражаются через длину и длительность (пространственно-временные величины). Кроме того, он явился автором новой модели элементарной частицы (элементарного заряда) в виде осциллятора, попеременно являющегося то стоком, то источником энергии, занимался теорией пятимерной оптики, связывая ее законы с пространством, имеющим большее, чем традиционное, число измерений [Мир Бартини, 2020, с. 17–33].

Интересен взгляд Бартини на специальную теорию относительности (СТО), объединяющую электромагнитные явления с явлениями, обусловленными движением тел в пространстве. Во-первых, ученый объяснял непонимание основных положений СТО, казавшихся парадоксальными и противоречащими обыденным представлениям, по причине ее привязки к четырехмерному (3+1) пространству-времени, тогда как введенное им шестимерное (3+3) пространство-время во многом объясняло выводы СТО и приводило человека к новому пониманию законов новой теории. Во-вторых, подобная привязка позволила ученым согласовывать наблюдаемые и предсказываемые СТО эффекты, а не заниматься фальсификацией экспериментальных фактов в угоду теории.

Ученые справедливо отмечают, что ранее универсальные теории становятся теориями с ограниченной областью применения, являя собой частные случаи новых, более общих теорий [Тамм, 1966, с. 8]. Примером необходимости возникновения более общих теорий может служить еще одно высказывание Бартини о решении основного вопроса философии — соотношении сознания и бытия: «Решение проблем гносеологии и онтологии может быть достигнуто только если к двум замкам тайн Природы ключ будет найден один общий. Но для этого необходимо, чтобы были преодолены очевидность примитивных представлений и примитивность представлений очевидности» [Мир Бартини, 2020, с. 116].

Заключение

Произведения В. Гейзенберга и Э. Морена разнесены по времени на 30 лет, однако оба автора сходятся во мнении, что в настоящий исторический период развития цивилизации конфликт между природной и научно-технической средой деятельности человека не только не сглаживается, а неуклонно возрастает. Это приводит к кризисной ситуации, порожденной самим человеком, который в постоянной тяге к нескончаемому прогрессу стремится полностью подчинить

природу своим растущим утилитарным потребностям. С точки зрения Гейзенберга, основная опасность для человека кроется в доведенной до абсурда целесообразности его деятельности, а по Морену она заключается в слепом следовании утопическим традициям прошлого, часть из которых, конечно же, следует оставить как полезный опыт, а от каких-то необходимо отказаться, чтобы не подступить к краю пропасти с риском падения в бездну. Причем и излишняя целесообразность, и пути прошлого имеют сходные источники и приводят к равноценным (вернее, равноразрушительным) результатам.

Следует подчеркнуть разное отношение ученых к традиционному мышлению. Социолог Морен призывает отказаться от аналитического мышления в сторону планетарного, тогда как физик Гейзенберг, также находясь в поисках нового мышления, не готов на столь радикальные изменения в системе мышления, отмечая, что революционные научные открытия случаются там, где наиболее полно сохраняется интеллектуальное наследие прошлого и сложившаяся система знаний. Очевидно, оба подхода имеют право на существование, поскольку могут применяться к изучению разных процессов и действовать в разных условиях, подтверждение чему мы находим в новейших научных достижениях.

Ученые не только анализируют причины проблем, с которыми сталкивается человечество в условиях интенсификации технологического развития, но и дают рекомендации по адаптации человека к миру современных технологий. Выходом из тотального кризиса они считают осознание человеком, стоящим на краю пропасти, границы своей безрассудной деятельности как начальной точки опоры, с помощью которой он может шагнуть за горизонт — за горизонт своих страхов, привычек и заблуждений, за горизонт новых научных достижений.

Нам, гражданам современного общества, необходимо продолжать работу по коренной перестройке мышления с тем, чтобы вдохнуть в мировосприятие, искаженное необоснованной цифровизацией и искалеченное техношovinизмом, новую систему ценностей, ориентированную на пересмотр своего отношения к природе, продолжить уход от «редукционизма и фрагментарности реальной действительности, навязывающей нам обособленные друг от друга дисциплины», распрощаться с примитивными представлениями и начать движение к новой логике, новому сознанию, новому пониманию процессов, происходящих в научном мире и в окружающем нас мире в целом.

Список источников

1. Самохин А. В. Операция «Немыслимое» или почему не был реализован план войны против СССР в 1945 году // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 42. Февраль 2014 года. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operatsiya-nemyslimoe-ili-pochemu-ne-byl-realizovan-plan-voyny-protiv-sssr-v-1945-godu/viewer> (дата обращения: 26.09.2024).

2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с. URL: <https://geopolitikym.org/wp-content/uploads/2020/04/konec-istorii-i-posledniy-chelovek-fukuuyama.pdf> (дата обращения: 26.09.2024).

3. Исаев А. К. Бесконечность истории и конец классических идеологий, или почему Запад проиграл России. СПб.: СПбГУП, 2024. 87 с.
4. Турчин А. В. Структура глобальной катастрофы: Риски вымирания человечества в XXI веке / отв. ред. И. В. Следзевский, В. Прайд; предисл. Г. Г. Малинецкого, Н. Бострома. М.: ЛКИ, 2011. 432 с. (Будущая Россия; Диалоги о будущем).
5. Малинецкий Г. Г. Размышления о немыслимом // Структура глобальной катастрофы: Риски вымирания человечества в XXI веке / предисл. А. В. Турчин. М.: ЛКИ, 2011. 432 с. С. 5–21.
6. Месарович М., Пестель Э. «Стратегия выживания» из «Докладов Римскому клубу». Перевод с польского с участием А. И. Фета. Машинопись, 1974. 192 с. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=F6_5437 (дата обращения: 26.09.2024).
7. Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И. Ю. Алексеевой, А. Ю. Сидорова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 335 с.
8. Бруссард М. Искусственный интеллект: пределы возможного / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 362 с.
9. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М.: Ультра; Культура, 2008. 480 с. URL: https://royallib.com/read/devis_erik/tehnognozis_mif_magiya_i_mistitsizm_v_informatsionnuyu_epohu.html#0 (дата обращения: 26.09.2024).
10. Капра Ф., Луизи П. Л. Системный взгляд на жизнь: целостное представление / пер. с англ. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2020. 512 с. (Синергетика: от прошлого к будущему. № 96).
11. Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы и будущее человечества // Будущее науки. Международный ежегодник. Вып. 13. М.: Знание, 1980. 288 с. С. 5–24.
12. Мерль Р. Мальвиль. М.: Neoclassic АСТ; Астрель, 2011. 606 с.
13. Гейзенберг В. Шаги за горизонт: пер. с нем. / сост. А. В. Ахутин; общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
14. Морен Э. К пропасти? Наше начало впереди нас / пер. с фр. Г. Наумовой. СПб.: Алетейя, 2020. 136 с. (Galicinium).
15. Конлон Дж. Теория струн: так почему же именно теория струн?! Пер. с англ. / пер. и предисл. В. В. Свиридова. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2023. 304 с.
16. Мир Бартини: Роберт Орос ди Бартини — советский авиаконструктор, физик-теоретик, философ. Статьи по физике и философии / сост. А. Н. Маслов. М.: Луч, 2020. 224 с.
17. Тамм И. Е. На пороге новой теории // Будущее науки. Международный ежегодник. Вып. 1. М.: Знание, 1966. 288 с. С. 7–28.
18. Уиггинс А., Уинн Ч. Пять нерешенных проблем науки / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: Фаир-пресс, 2005. 304 с.
19. Пуанкаре А. О науке: пер. с фр. / под ред. Л. С. Понтрягина. 2-е изд. стер. М.: Наука, 1990. 736 с.
20. Тяпкин А. А., Шибанов А. С. Пуанкаре. М.: Молодая гвардия, 1979. 415 с. (Жизнь замечат. людей. Серия биограф. Вып. 12 (598)).
21. Жизнь науки. Антология вступлений к классике естествознания / сост. и автор биографических очерков С. П. Капица. М.: Наука, 1973. 510 с.

References

1. Samokhin, A. V. (2014). Operation Unthinkable or why the war plan against the USSR was not implemented in 1945. *Gosudarstvennoe Upravlenie. Elektronny Vestnik. Issue 42. February 2014*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/operatsiya-nemyslimoe-ili-pochemu-ne-byl-realizovan-plan-voyny-protiv-sssr-v-1945-godu/viewer> (In Russian).
2. Fukuyama, F. (2007). *The end of history and the last man*. Moscow: AST. Retrieved from <https://geopolitikym.org/wp-content/uploads/2020/04/konec-istorii-i-posledniy-che-lovek-fykyuama.pdf> (In Russian).
3. Isaev, A. K. (2024). *The infinity of history and the end of classical ideologies, or Why the West will lose to Russia*. St. Petersburg: SPbGUP. (In Russian).
4. Turchin, A. V. (2011). *The structure of a global catastrophe: The risks of extinction of mankind in the XXI century*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russian).
5. Malinetsky, G. G. (2011). *Reflections on the unthinkable. Preface to A. V. Turchin. The structure of a global catastrophe: The risks of extinction of mankind in the XXI century*. Moscow: LKI. (In Russian).
6. Mesarovich, M., & Pestel, E. (1974). "Survival strategy" from the Reports to the Club of Rome. *Typescript, 1974*. Retrieved from http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=F6_5437 (In Russian).
7. *The Information age: challenges to the man*. (2010). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian).
8. Broussard, M. (2020). *Artificial Unintelligence. How computers misunderstand the world*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russian).
9. Davis, E. (2008). *Technognosis: myth, magic and mysticism in the Information Age*. Moscow: Ultra. Kul'tura. Retrieved from https://royallib.com/read/devis_erik/tehnognozis_mif_magiya_i_mistitsizm_v_informatsionnyu_epohu.html#0 (In Russian).
10. Capra, F., & Luisi, P. L. (2020). *The systems view of life: A unifying vision*. Moscow: URSS; LENAND. (In Russian).
11. Zagladin, V. V., & Frolov, I. T. (1980). Global problems and the future of mankind. *The future of science. The International Yearbook. Issue 13*. Moscow: Znanie. (In Russian).
12. Merle, R. (2011). *Malville*. Moscow: Neoclassic AST; Astrel. (In Russian).
13. Heisenberg, W. (1987). *Steps over the horizon*. Moscow: Progress. (In Russian).
14. Morin, E. (2020). *To the abyss? Our beginning is ahead of us*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
15. Conlon, J. (2023). *Why string theory?* Moscow: URSS; LENAND. (In Russian).
16. *Bartini's World: Robert Oros di Bartini, a Soviet aircraft designer, theoretical physicist, and philosopher. Articles on physics and philosophy*. (2020). Compiled by A. N. Maslov. Moscow: Luch. (In Russian).
17. Tamm, I. E. (1966). On the threshold of a new theory. *The future of science. The International Yearbook. Issue 1*. Moscow: Znanie. (In Russian).
18. Wiggins, A.W., Wynn, Ch. M. (2005). *The five biggest unsolved problems in science*. Moscow: Fair-press. (In Russian).
19. Poincarè, A. (1990). *On Science*. Moscow: Nauka. (In Russian).
20. Tyapkin, A. A., & Shibanov, A. S. (1979). *Poincarè*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
21. *The life of science. An anthology of introductions to classics in science*. (1978). Arranged and commented by professor S. P. Kapitza. Moscow: Nauka. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Корчажкина Ольга Максимовна — кандидат технических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, Россия.

Olga M. Korchazhkina — Candidate of Technical Sciences, senior researcher Federal Research Centre “Computer Science and Control” of The Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

olgakomax@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0020-4914>

Вклад автора: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the author: the author declares no conflicts of interests.

Научно-теоретическая статья

УДК 1(091)

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-72-80

НАУКА И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИИ

Черненькая С. В.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

chernenkayasv@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Аннотация. Автор статьи выделяет изменение отношения «наука – общество», вызванное проникновением медиа в сферу научной деятельности. Обращается внимание на то, что медиа и научное сообщество по-разному представляют массовой аудитории научную информацию. Если ученые, научные журналисты ставят цель — просветить, заинтересовать, увлечь наукой широкую аудиторию, то научная популяризация в современных медиа, отчужденная от научного сообщества, прежде всего ее развлекает.

В статье рассмотрены механизмы по неверному отражению в медиа научной информации, представленной не научным сообществом, а людьми, не имеющими отношения к науке. Отмечается, что современное научное сообщество оказалось перед дилеммой: либо стать объектом манипуляций медиа, либо самим становиться самостоятельным субъектом распространения научного знания в медиaprостранстве, повышая доверие к науке и привлекательность ее образа в обществе.

Ключевые слова: медиатизация, коммуникация, научное познание, популяризация науки

Для цитирования: Черненькая С. В. Наука и общество в условиях медиатизации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 72–80. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-72-80

Scientific and theoretical article

UDC 1(091)

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-72-80

SCIENCE AND SOCIETY IN THE CONTEXT
OF MEDIATIZATION

Svetlana V. Chernenkaya

Moscow City University,

Moscow, Russia,

chernenkayasv@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Abstract. The author of the article highlights the change in the relationship “science – society” caused by the penetration of media into the field of scientific activity. Attention is drawn to the fact that the media and the scientific community present scientific information to the mass audience in different ways. If scientists and scientific journalists set a goal to enlighten, interest, and captivate a wide audience with science, then scientific popularization in modern media, alienated from the scientific community, primarily entertains it.

The article examines the mechanisms for incorrect reflection in the media of scientific information presented not by the scientific community, but by people who are not related to science. It is noted that the modern scientific community is faced with a dilemma: either to become an object of media manipulation, or to become an independent subject of the dissemination of scientific knowledge in the media space, increasing confidence in science and the attractiveness of its image in society.

Keywords: mediatization, communication, scientific cognition, popularization of science

For citation: Chernenkaya, S. V. (2024). Science and society in the context of mediatization. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (52), 72–80. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2024-452-72-80>

Введение

Под медиатизацией культуры понимают усиленное влияние медиа на все ее сферы, в том числе и науку. Массмедиа позволяют научному сообществу расширить пространство взаимодействия, коммуникации друг с другом и обществом в целом. Но современные медиа не только оптимизируют, но и проблематизируют отношение «наука – общество» [Викулова, 2023, Володарская, 2010, Черненькая, 2015]. Относительная автономия научного сообщества начинает подчиняться императивам медиасреды. Для ученых деятельность в области медиакommunikаций становится одной из приоритетных, и они вынуждены позиционировать себя относительно транслируемых массмедиа характеристик [Емельянова, Омелаенко, 2015]. Алгоритмы медиа автоматизируют процессы, прежде имевшие качественный характер.

Постановка проблемы

Проникновение медиа в сферу научной деятельности существенно трансформирует отношения и взаимодействия между наукой и обществом. Как писал Ж. Лиотар, с возрастанием роли научного знания в информационном обществе его статус стремительно снижается [Лиотар, 1998]. Как показывают исследования, именно медиаканалы становятся основным источником научной информации, соответственно, научное сообщество сталкивается с новыми задачами трансляции научного знания. Пришло время, когда научное знание создается не только научным сообществом, но и производится посредством различных медиаплатформ. Согласно данным ВЦИОМ за 2023 год, 80 % респондентов смотрят или читают материалы о науке. При этом основными источниками информации о науке являются интернет-сайты (62 %), ТВ (51 %) и разговоры с друзьями, близкими (34 %) [ВЦИОМ, 2023].

Проблема исследования — выявить, как в условиях отчуждения научной информации от научного сообщества трансформируется коммуникация ученых с обществом, как медиатизация культуры влияет на популяризацию научного знания в обществе.

Результаты исследования

Взаимодействие науки и общества в XX веке претерпело ряд изменений. Начиная с Нового времени выделяют несколько этапов в процессе популяризации науки:

1. «Народная наука»: XVII – нач. XVIII века. Основными функциями являлись просвещение и развлечение публики.
2. «Промышленное просвещение»: сер. XVIII – сер. XIX века. Основной функцией являлась учебно-прикладная деятельность.
3. «Занимательная наука»: сер. XIX – сер. XX века. Определяющие функции — пропаганда научно-технических знаний, просвещение, учебно-прикладная.
4. «Научпоп»: сер. XX – нач. XXI века. Основные функции — развлекательная, имиджевая [Ваганов, 2016].

В целом для XX века характерен подъем образовательного уровня населения и рост потребности в научном знании. Но уже к концу XX века в России и ряде других стран на фоне распространения массовой культуры отмечается общее падение интереса к науке. Медиатизация культуры усилила данный процесс. Развитие технологий открыло доступ к колоссальным объемам информационных ресурсов. Но широкий доступ в сетях к научной информации, сложной для понимания без специальных навыков, размещение не всегда качественного научного контента субъектами, не связанными напрямую с научной сферой, приводит к профанации научного знания и, как следствие, обесце-

ниванию научного труда в общественном сознании [Черненко, 2021]. Если до сер. XX века объяснением содержания научных концепций для широкого круга неподготовленных членов общества занимались в основном ученые, научные журналисты, ставя цель просветить, заинтересовать, увлечь наукой, то научная популяризация в современных медиа, отчужденная от научного сообщества, прежде всего развлекает аудиторию.

В современной медиатизированной культуре выделяют три основных вектора развития научных коммуникаций: коммерциализацию науки, инфраструктурную трансформацию медийной среды, изменение целеполагания современных научных коммуникаций [Змазнева, 2023]. Связь науки с бизнесом вызвала переориентацию науки на прикладные исследования, размывание внутринаучной коммуникации. Еще один вектор развития современных научных коммуникаций связан с инфраструктурной трансформацией медиасреды. Увеличение коммуникационных каналов, новые формы представления научной информации (лекция-спектакль, science slam и др.) не ведут напрямую к улучшению общей научной информированности аудитории [Сухенко, 2016]. В пространстве избыточной информации среднестатистический человек стремится к упрощенному формату получения информации, что часто используют современные медиа, акцентируя внимание не на содержательной (смысловой) части сообщения, а на визуальной и эмоциональной составляющих сообщения. Как отмечает А. Г. Ваганов, если после Второй мировой войны основная цель популяризации науки состояла в информировании общества, то сегодня основная цель — заставить коммуницировать [Ваганов, 2016].

Медийная среда может стать пространством искажения научной информации, если она представлена не научным сообществом, а людьми, не имеющими отношения к науке. Выделяют следующие приемы неверного отражения научной информации в медиа:

- манипуляция с фактами (подмена факта интерпретацией, произвольное соединение фактов, тенденциозный подбор фактов и т. д.);
- упрощение научной проблемы и способов ее решения;
- расплывчатая формулировка тезиса (тезис формулируется неопределенно, что позволяет интерпретировать его произвольно);
- неправомерные аналогии;
- обращение к авторитету неизвестных экспертов;
- использование тактики информационного доминирования, когда стороне, подвергаемой критике, не предоставляется шанс выразить свое мнение;
- имитация научности рассуждений с использованием большого количества узкоспециализированных терминов и т. д.;
- некорректное выведение будущего из настоящего;
- смешение гипотетической и теоретической аргументации;
- максимальная апелляция к эмоциям и др.

Медиа не являются нейтральными посредниками в актах коммуникации, которую они определенным образом моделируют. По этой причине научная

информация, представляемая медиа, меняется. Если рациональное обоснование выступает универсальным принципом научного исследования на всех его этапах, начиная с постановки проблемы, выбора методологии и т. д., то масс-медиа генерируют и подают информацию, исходя прежде всего из коммерческой целесообразности. То, что медиа представляют научным, может не иметь ничего общего с реальной наукой и даже носить антинаучный или псевдонаучный характер. Как пример можно привести научно-популярный фильм «Великая тайна воды» (Россия, 2006 г., реж. А. Попова), получивший ряд наград в номинации «Научно-популярное кино» и признанный научным сообществом псевдонаучным. Фильм рассказывает о необычных свойствах воды: вода имеет память — она запоминает хорошие и плохие слова (как скажет один из экспертов, представленных в фильме, «вода как на магнитофонную ленту записывает все, что видит, слышит, ощущает»), ее структура важнее, чем химический состав и т. д. В качестве экспертов задействованы российские и зарубежные ученые (в фильме представлена своеобразная нарезка кадров, в которых ученые двумя-тремя фразами говорят о свойствах воды, в том числе и о ее необычных свойствах), религиозные деятели, подтверждающие уникальные свойства воды ссылками на религиозные тексты, приверженцы альтернативной медицины. В кадре четыре раза появится и нобелевский лауреат по химии К. Вютрих, который произнесет несколько коротких фраз о воде. Согласно концепции авторов фильма, если заморозить воду, то образовавшиеся кристаллы будут иметь форму в зависимости от того, какими словами она была обработана: ругательства производят кристаллы неправильной формы, а добрые слова («спасибо», «извини» и т. д.) — кристаллы красивой симметричной формы. Если в начале фильма говорится о гипотезе, то к концу фильма она будет представлена как подтвержденное знание. Соответственно, зрителям продемонстрируют результаты «научного эксперимента» — различные кристаллы, и сообщат слова, которые вызвали ту или иную их форму.

Проблема не в том, что аудитория современных медиа имеет пробелы в образовании, а в том, что сама логика развития современной медийной среды ориентирована на формирование у среднестатистического потребителя информации фрагментарного сознания. Практически любой профессионально сделанный сайт онлайн-медиа построен по принципу рассеивания внимания: всплывающие окна, необычные фото, перекрестные ссылки в тексте и т. д., медиаформат налагает временные и другие ограничения на демонстрацию, представление информации.

В мировом общественном мнении российская наука стабильно имеет хорошую репутацию. Согласно рейтингу С. Анхольта, Россия регулярно демонстрирует высокие результаты по категориям «Инновации в науке и технологии», «Культурное наследие», «Спорт»¹. Однако в российских медиа существует

¹ Рейтинги национальных брендов Саймона Анхольта. URL: <http://www.simonan-holt.com/Research/research-introduction.aspx> (дата обращения: 13.06.2024).

разделение категорий «Ученые» и «Креативный класс», тогда как во всем мире ученых как творчески одаренных и нестандартно мыслящих личностей в первую очередь относят к креативному классу. Показательны в этом отношении социологические опросы. Согласно опросу ФОМ², на открытый вопрос «Кого из российских деятелей науки, культуры и искусства Вы назвали бы человеком года?» были даны следующие ответы: Н. Михалков — 4 %, В. Гергиев — 2 %, В. Машков — 2 %, певцы, композиторы, музыканты — 4 %, режиссеры, актеры — 3 %, ученые и медики — 1 %, другие — 2 %, нет таких — 13 %, затрудняюсь ответить, нет ответа — 69 %³. Как человек года не был назван ни один российский ученый, и только 1 % респондентов отметили, что можно человеком года назвать ученых и медиков.

В опросе ВЦИОМ «Образ ученого и инженера: мониторинг» приняли участие 1600 россиян в возрасте 18–55 лет (3–4 июня 2023 года)⁴. На вопрос: «Знаете ли Вы, слышали о каких-либо современных российских ученых/инженерах или нет? Если да, то назовите их, пожалуйста» 67 % респондентов ответили, что не знают или не могут никого вспомнить, 25 % опрошенных затруднились ответить, назвали имена — 8 %. Ответы, набравшие 1 % — Г. Перельман, Ж. Алферов, 0,5 % — С. Дробышевский, 0,3 % — М. Ковальчук, Т. Черниговская, С. Королев, Д. Менделеев. Часть респондентов вспомнили не современников, а людей прошлых эпох (К. Циолковского, П. Капицу и др.).

Третий фактор трансформации отношения «наука – общество» связан с изменением целеполагания современных научных коммуникаций [Константинова, 2009; Юревич, Цапенко, 2010]. Научное сообщество не может игнорировать такие факторы, как возрастающее в медиапространстве количество научных спекуляций, в целом падение в обществе культуры мышления, рационального рассуждения. Следовательно, наука в современном обществе оказывается перед дилеммой: либо стать объектом манипуляций медийной среды, либо самим становиться самостоятельным субъектом медиа.

Широкая аудитория предъявляет собственные запросы к получению информации: зрелищность, эмоциональность, интерактивность и др., игнорирование которых существенным образом снижает эффективность научных коммуникаций с обществом. Баланс между силой доказательства и убеждения, на наш взгляд, позволит научному сообществу остаться субъектом распространения научного знания в медийной среде современного общества.

² 1–3 декабря 2023 года, 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Стаппогрешность не превышает 3,6 %.

³ ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14961.aspx> (дата обращения: 13.06.2024).

⁴ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-inzhenera-monitoring> (дата обращения: 13.06.2024).

Заключение

Медиатизация науки трансформирует взаимодействие между наукой и обществом. Во-первых, медиатизация способствует отчуждению научной информации от научного сообщества, что приводит к ее искажению, вульгаризации. Истолкование научных фактов в медиaprостранстве требует от экспертов профессиональной квалификации, помимо трансляции информации, необходима ее интерпретация, подтверждение достоверности и т. д. Во-вторых, медиатизация вызывает изменения в целеполагании научных коммуникаций с обществом: ученый, рассказывая о научных открытиях, достижениях, не может игнорировать требования современной медиааудитории: зрелищность, интерактивность и т. д. Адаптация научного контента к интересам широкой общественности предполагает применение разных форм и методов, использование приемов аргументации, действенных как в аспекте доказательности, так и в аспекте убедительности.

Поиск эффективных способов объяснения всегда сопровождал развитие научного знания. Научное сообщество в медиaprостранстве оказалось перед дилеммой: либо стать объектом манипуляций медийной среды, либо самим становиться самостоятельным субъектом распространения научного знания, методологии, практик в современном медиатизированном обществе, повышая привлекательность образа науки в обществе и доверие к науке широкого круга общественности.

Список источников

1. Язык, культура, социум: *essentia et existentia*: монография / Л. Г. Викулова [и др.]. М.: МГПУ; Книгодел, 2023. 152 с.
2. Володарская Е. А. Динамика имиджа науки в обществе (середина 20 в. – начало 21 в.) // Рос. науч. журн. 2010. № 15. С. 69–78.
3. Черненькая С. В. Некоторые вопросы преподавания курса по философии науки в вузе // III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии. Тезисы докладов. М.: Инженер, 2015. С. 48–51.
4. Емельянова Н. Н., Омелаенко В. В. Российская наука в медийном контексте // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 142–163.
5. Лиотар Ж. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Ваганов А. Г. Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI веков // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 3 (21). С. 64–77.
7. Черненькая С. В. Теория медиатизации в контексте междисциплинарных исследований // Вестник МГПУ. Серия: «Философские науки». 2021. № 1 (37). С. 24–31.
8. Социология медиакommunikаций: теория и практика / Змазнева О. А. [и др.]. М.: МГПУ, 2023. 156 с.

9. Сухенко В. Специфика популяризации науки в России // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 4. С. 18–22.

10. Константинова Е. Г. Популяризация науки на современном российском экране: кризис направления и пути преодоления // Научные исследования. 2009. Вып. 1. URL: <http://mecliascope.ru/node/290> (дата обращения: 15.07.2024).

11. Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 334 с.

References

1. Vikulova, L. G., Ermolenko, G. A., Zhukotskaya, A. V., Zmazneva, O. A., Kozhevnikov, S. B., Mikhailova, S. V., Ryanskaya, E. M., Tareva, E. G., Troinikova, E. V., Smirnova, A. I., & Chernenkaya, S. V. (2023). *Language, culture, society: essentia et existentia: monograph*. Moscow: MGPU; Knigodel. (In Russian).

2. Volodarskaya, E. A. (2010). Dynamics of the image of science in society (mid-20th century – early 21st century). *Russian sciency journal*, 15. 69–78. (In Russian).

3. Chernenkaya, S. V. (2015). Some questions of teaching a course on philosophy of science at a university. Abstracts of reports. Moscow: Engineer. (In Russian).

4. Emel'yanova, N. N., & Omelaenko, V. V. (2015). Russian science in a media context. *Philosophy sciency and teckhnik*, 20, 2. 142–163. (In Russian).

5. Liotar, Zh. (1998). *The state of postmodernism*. Translate from N. A. Shmatko. St. Petersburg: Aletejya. (In Russian).

6. Vaganov, A. G. (2016). Evolution of forms of popularization of science in Russia: XVIII–XXI centuries. *Science. Innovations. Knoledge*, 3 (21). 64–77. (In Russian).

7. Chernenkaya, S. V. (2021). Theory of mediatization in the context of interdisciplinary research. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*, 1 (37). 24–31. (In Russian).

8. Zmazneva, O. A., Ananishnev, V. M., Khilkhanov, D. L., Khilkhanova, E. V., Lenkov, R. V., Tkachenko, A. V., Morozovskaya, L. L., Davydov, S. G., & Osmolovskaya, S. M. (2023). *Sociology of media communications: theory and practice*. Moscow: MGPU. (In Russian).

9. Suhenko, V. (2016). Specificity of popularization of science in Russia. *Bulletin of NSTU named after R. E. Alekseev. Series: Management in social systems. Communication technologies*, 4. 18–22. (In Russian).

10. Konstantinova, E. G. (2009). Popularization of science on the modern Russian screen: crisis directions and ways to overcome. *Scientific research 1*. Retrieved from <http://mecliascope.ru/node/290> (In Russian).

11. Yurevich, A. V., & Capenko, I. P. (2010). Science in modern Russian society. Moscow: Institute psihology RAN. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Черненко Светлана Васильевна — кандидат философских наук, профессор департамента философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия.

Svetlana V. Chernenkaya — PhD (Philosophy), Professor of the All-university Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Human Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

chernenkayasv@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Вклад автора: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the author: the author declares no conflicts of interests.

Научно-теоретическая статья

УДК 316.663.5

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-81-89

ЯЗЫК ОБМАНА: СХЕМА СЦЕНАРИЯ И ПРИЧИНЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЖЕРТВ В СИТУАЦИИ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Змазнева О. А.

Московский политехнический университет,

Москва, Россия,

ozmazneva@gmail.com

Аннотация. Современный человек большое количество времени проводит в открытом публичном медиапространстве, например в социальных сетях, где он оставляет цифровой след, не задумываясь, каким образом и кем может быть использована предоставленная им о себе информация, зачастую содержащая конфиденциальные данные. В статье рассматриваются роли участников мошеннических действий в ситуации телефонных переговоров, анализируется типовой сценарий игры «Жертва – Спасатель» и схема этапов вовлечения жертвы в диалог и склонения ее к принятию незамедлительного, выгодного для злоумышленника решения, а также описываются некоторые основные причины вовлечения потенциальных жертв в предлагаемые мошенниками игры. В исследовании автор опирается на метод транзактного (транзакционного) анализа Э. Берна, работы социолога М. Кастельса, социального психолога Р. Чалдини, исследования зарубежных ученых, а также использует статистические данные ВЦИОМ за 2021/2024 годы.

Ключевые слова: телефонные мошенники, транзактный/транзакционный анализ, спам, жертва мошеннических действий

Для цитирования: Змазнева О. А. Язык обмана: схема сценария и причины вовлечения жертв в ситуации телефонного мошенничества // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 81–89. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-81-89

Scientific and theoretical article

UDC 316.663.5

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-81-89

THE LANGUAGE OF DECEPTION: THE SCHEME OF THE SCENARIO AND THE REASONS FOR THE INVOLVEMENT OF VICTIMS IN A SITUATION OF TELEPHONE FRAUD

Olesya A. Zmazneva

Moscow Polytechnical University,
Moscow, Russia,
ozmazneva@gmail.com

Abstract. Modern people spend a lot of time in the open public media space, for example, on social networks, where they leave a digital footprint, without thinking about how and by whom the information they provide about themselves, often containing confidential data, can be used. The article examines the roles of participants in fraudulent actions in the situation of telephone conversations, analyzes the typical scenario of the game “Victim — Rescuer” and the scheme of stages of involving the victim in a dialogue and persuading her to make an immediate, beneficial decision for the attacker, and also describes some of the main reasons for involving potential victims in the games offered by scammers. In the study, the author relies on the method of transactional analysis by E. Bern, the work of sociologist M. Castells, social psychologist R. Cialdini, research by foreign scientists, and also uses statistical data from WCIOM 2021/2024.

Keywords: phone scammers, transactional analysis, spam, victim of fraud

For citation: Zmazneva, O. A. (2024). The language of deception: the scheme of the scenario and the reasons for the involvement of victims in a situation of telephone fraud. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (52), 81–89. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2024-452-81-89>

Введение

Значимые изменения в коммуникации, которые мы наблюдаем в течение нескольких десятилетий, воздействуют на все сферы человеческой жизни, на модели поведения человека в обществе и на его мышление. Новая технологическая парадигма в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) задает новые коммуникативные сценарии.

Как отмечает Мануэль Кастельс, «быстрое распространение Интернета с середины 90-х годов стало результатов сочетания трех факторов:

1. Технологическое открытие Всемирной паутины.
2. Институциональные изменения в управлении Интернетом, находящимся под общим управлением глобального интернет-сообщества, но приватизированным и разрешающим как коммерческое, так и коллективное использование.

3. Глобальные перемены в культуре и социальном поведении: индивидуализация и осетевление» [Кастельс, 2020, с. 6–17].

Одним из ключевых изменений в культуре является «сдвиг от массовой коммуникации, основанной на массмедиа, к массовой самокоммуникации, основанной на Интернете» [Кастельс, 2020, с. 17]. Действительно, современный человек проводит большое количество времени в Интернете и социальных сетях, где оставляет значительный цифровой след, в том числе и персональные данные, которые могут быть использованы и в мошеннических целях.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), число жертв телефонного мошенничества растет с каждым годом: в ходе опроса, проведенного в феврале 2024 года, «67 % россиян признались, что за последние полгода – год получали фейковые звонки, тогда как еще в 2021 года о таком опыте могли рассказать чуть больше половины наших сограждан (57 %, + 1 п.п. за три года)»¹.

Один из основных критериев выбора жертвы — это место проживания. «Наиболее подвержены телефонному мошенничеству жители обеих столиц: с ним сталкивались 85 % москвичей и петербуржцев...»². Сделаем предположение, что жители двух этих крупных городов предоставляют Сети информацию о себе в большем объеме, чем, скажем, жители сельских населенных пунктов. Заметим, что даже по предварительному просмотру и несложному анализу публикаций в социальных сетях: фотографиям, местам посещения, статусам и прочему — можно, во-первых, собрать персональную информацию о потенциальной жертве, во-вторых, получить представление о ее/его привычках и, в-третьих, сделать предварительную оценку ее/его платежеспособности.

Стандартные роли участников типовых коммуникативных актов в сценарии телефонного мошенничества можно обозначить как «Жертва» и «Помощник»/«Спасатель».

Проанализируем пример типового сценария. При анализе будем частично опираться на схему, предложенную в свое время для транзактного (транзакционного) анализа психотерапевтом Эриком Берном [Берн, 2019]. В нашем анализе используем параметры: «Тезис декларируемый», «Цели: демонстрируемая и реальная» (дифференциация целей отсутствует в схеме Берна), «Роли», «Примеры», «Этапы («Ходы» у Э. Берна)». Сценарий сопроводим рекомендациями.

Сценарий: «Звонок от представителя банка».

Тезис декларируемый: *Банк реагирует на подозрительные действия и защищает клиента.*

Цель демонстрируемая: *Защита клиента.*

Цель реальная: *Создание доверительных отношений и получение данных для вывода/перевода денег; для перевода/личной передачи денег.*

¹ Телефонное мошенничество: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 15.09.2024).

² Там же.

Роли: *«Представитель банка» — Спасатель.*

Адресант/Клиент — потенциальная Жертва.

Этапы: *Знакомство – вброс информации о потенциальной угрозе – предложение помощи / уговоры / запугивание / шантаж: «Вы переводили деньги на преступные цели».*

Пример: Во время разговора «сотрудник банка» — мошенник может сообщить, что карта адресата заблокирована или что произошла подозрительная транзакция. Он попытается получить личные данные, такие как номер карты или код безопасности.

Реакция на тезис декларируемый: *Сотрудники банка обычно не звонят клиентам. Если адресат незадолго до звонка не совершал какую-либо крупную транзакцию, которая требует подтверждения, продолжать коммуникацию нет необходимости.*

Распознавание этапов, их анализ: *какие эмоции и состояния собеседник на разных этапах диалога пытается вызвать у адресата и почему?*

Пример анализа:

Знакомство: сотрудник банка называет клиента по имени-отчеству (владеет персональной информацией, использует официальный стиль в общении, говорит уверенно, быстро и эмоционально — пытается вызвать у клиента состояние доверия и паники — Зачем? — (чтобы не было времени рассуждать логично и распознать мошенника).

Вброс информации о потенциальной угрозе — предложение помощи / уговоры / запугивание / шантаж — предложение помощи: «Вы переводили деньги на преступные цели — поэтому вы уже являетесь соучастником преступления. Мы хотим вам помочь...».

Причины вовлечения жертв в мошеннические сценарии

Случаи телефонного мошенничества становятся все более распространенным явлением, и понимание причин, по которым получатели сообщений вовлекаются в предлагаемые сценарии, имеет важное значение для разработки эффективных мер профилактики — работы с потенциальными жертвами из групп риска.

Роберт Чалдини, социальный психолог, автор ряда работ по техникам убеждения, в том числе бестселлеров «Психология влияния» и «Техники преубеждения» отмечает, что все методы и техники убеждения и преубеждения (в данном случае речь идет о подготовительной работе перед непосредственным озвучиванием просьбы/требования) в той или иной степени базируются на взаимности, благорасположении, социальном доказательстве, авторитете, дефиците и последовательности [Чалдини, 2018].

Р. Чалдини отдельно отмечает, что «особого внимания в силу его глубокого и широкого воздействия на аудиторию» имеет «авторитетный коммуникатор»:

«Когда говорит признанный эксперт по конкретной теме, люди, как правило, поддаются убеждению» [Чалдини, 2018, с. 237]. Не менее важен в контексте нашей темы и комментарий автора: «Это особенно верно, когда слушатель не знает, что ему делать» [Чалдини, 2018, с. 237].

Злоумышленники в ряде типовых сценариев используют схему с «авторитетным коммуникатором». В его роли выступает мошенник, который может представиться как «руководитель организации», где работает адресат сообщения; «сотрудник банка», в котором у жертвы открыт счет, «представитель органов власти»: сотрудник полиции, налоговой инспекции; представители сферы услуг и пр. В ряде случаев злоумышленники могут имитировать голоса близких родственников. В самом начале разговора злоумышленники создают эмоциональную (стрессовую) коммуникативную ситуацию, которая может сопровождаться истерикой и плачем («Вам звонят из больницы, где в реанимации находится ваш родственник...»), криками, использованием ненормативной лексики, различными фразами, выражающими угрозы, шантаж. Одна из задач, которая реализуется при создании такого эмоционального фона, — поставить жертву в условия немедленного принятия решения. Следовательно, создание образа авторитетного коммуникатора и условий для паники — это обязательные условия проведения телефонных переговоров в сценарии «Спасатель – Жертва».

Схема этапов типового разговора злоумышленника с потенциальной жертвой может быть представлена следующим образом:

1. Злоумышленник (Спасатель) представляется (называет фамилию, имя, отчество, место работы, должность. Может также быть названа фамилия лица, от имени которого Спасатель ведет переговоры (например, «руководитель службы безопасности» — от имени «директора компании»).

2. Сообщает некую информацию, которая призвана подтвердить наличие у злоумышленника доступа к персональным/конфиденциальным данным Жертвы (например, «сотрудник банка» говорит о том, что только что была проведена транзакция и называет сумму и данные о получателе перевода) и тем самым поместить его в ранг авторитетного источника информации и вызвать доверие у адресата.

3. Далее, в случае, если Жертва на предыдущих этапах реагирует эмоционально и включается в диалог, используются методы уговоров, запугивания, шантажа и пр. Основное требование злоумышленника, предъявляемое Жертве, — принять решение незамедлительно, чтобы Жертва не имела возможности проанализировать ситуацию и понять настоящее положение дела. Дополнительными приемами создания образа «авторитетного коммуникатора» являются уверенный голос, ссылка на знакомые Жертве имена, упоминание некоторых действий Жертвы в прошлом и пр. Использование технологий дипфейка сейчас уже выводит мошенников на более сложный для распознавания простыми методами уровень (так, известен случай, когда мошенник по просьбе реального сотрудника банка пройти идентификацию подключился со сгенерированным

нейросетями видеоизображением и смог, подтвердив таким образом личность, вывести со счетов деньги клиента, чье видеоизображение ему удалось воспроизвести с помощью цифровых технологий.

Еще один аргумент в арсенале злоумышленников — это «свидетельство силы социального доказательства». Р. Чалдини отмечает, что «люди считают приемлемым для себя верить, чувствовать или делать что-то в той мере, в какой верят, чувствуют или делают это другие люди, особенно схожие с ними» [Чалдини, 2018, с. 232]. В связи с этим злоумышленник в роли, например, «представителя службы безопасности компании», в которой работает Жертва, может упомянуть, что многие ее/его коллеги уже выполнили те действия, которые сейчас предлагается выполнить и Жертве. При этом есть необходимое условие — неразглашение только что полученной информации.

Проанализируем основные причины, по которым Жертвы вовлекаются в сценарии, предлагаемые злоумышленниками, условно ранжируя их от наименее частотных к наиболее распространенным.

1. Низкий уровень осведомленности получателей сообщений о сценариях действий мошенников.

Многие адресаты не осведомлены в достаточной степени о существовании телефонных мошенничеств и не осознают опасности, с которой могут столкнуться. Отсутствие информации приводит к тому, что жертвы не могут распознать мошеннические схемы.

2. Социальная изолированность.

Ряд исследователей наблюдает прямую корреляцию между изолированностью/асоциальностью человека и его уязвимостью перед действиями мошенников. В частности, Дж. Лим отмечает рост мошеннических действий во время пандемии — в период принудительной изоляции людей [Lim]. В условиях социальной изоляции и/или одиночества человек склонен доверять скорее, если мошеннику удастся с первых слов убедить Жертву в проявлении заботы о ней. В качестве подтверждения приведем цитату из исследования ВЦИОМ 2021 года: «Три четверти россиян (76 %) поддержали бы разговор с незнакомым человеком, вызвавшим у них симпатию, 20 % не стали бы поддерживать разговор»³.

Проблема социализированности/асоциальности представляется здесь заслуживающей более детального рассмотрения, что может стать темой для следующих исследований.

3. Эмоциональная уязвимость.

Эмоции играют ключевую роль в процессе принятия решений. Мошенники часто используют манипуляции, чтобы вызвать у адресата чувство страха или срочности для принятия быстрого решения. С другой стороны, как отмечает ряд исследователей, мошенники стремятся завоевать доверие адресата, для чего

³ Телефонное мошенничество: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения 15.09.2024).

используют обращение по имени / имени-отчеству, ссылаются на рекомендацию авторитетного для адресата человека («Ваш руководитель — Ф. И. О. — передал нашей службе безопасности ваши контакты...») [Парсонс, 2018].

4. Социальное давление.

Получатели сообщений могут вступать в диалог с мошенниками из-за давления — не только прямого, но и косвенного — со стороны окружающих. Например, если в окружении потенциальной жертвы, в частности, в комментариях к опубликованным в социальных сетях постам, кто-либо расскажет о том, как он получил выигрыш, это может подтолкнуть жертву к тому, чтобы тоже попытаться «поймать удачу». Социальное давление может существенно влиять на поведение человека, на его подверженность воздействию, в том числе и негативному, давать ему оценку, а, как мы знаем, «моральная оценка — решающий аспект действия в социальных системах» [Чалдини, 2024, с. 262].

5. Доверие к авторитетам.

Один из самых распространенных приемов мошенников — обращение по имени / имени-отчеству и самопрезентация в качестве сотрудника известных жертве компаний или государственных организаций с целью вызвать у жертвы доверие. По данным ряда исследований, люди склонны доверять звонкам от тех, кто представляется официальными лицами [Чалдини, 2024; 2024].

6. Низкий уровень финансовой грамотности.

Недостаток знаний в области финансов может привести к тому, что получатели сообщений не понимают, как работают финансовые системы, какие риски существуют, как обезопасить свои средства и пр.

7. Стереотипные представления об образе мошенника.

Многие люди имеют устаревшие представления о том, как выглядит мошенничество, что делает их более уязвимыми к современным схемам. Стереотипы о мошенниках часто не соответствуют реальности и могут привести к ошибкам в оценке ситуации.

8. Погоня за легким заработком.

Наиболее распространенной причиной подверженности мошенничеству является желание быстрого обогащения. Мошенники активно используют эту особенность человеческой психологии для вовлечения жертв в свою игру. Идея о том, что можно легко и быстро заработать деньги, всегда была привлекательной для человека, но с появлением Интернета и социальных сетей, где в том числе пропагандируются разные способы и возможности для быстрого обогащения, эта мысль приобретает новые формы.

9. Дефицит / страх потери.

«Наше нежелание лишиться чего-то ценного — ключевой фактор. В конце концов потеря — это высшая форма дефицита, делающая ценный предмет или возможность недостижимыми» [Чалдини, 2018, с. 242]. Злоумышленники в первую очередь работают с эмоциями Жертвы — поэтому стремятся создать ситуацию паники и усилить ее описаниями возможных потерь, «если не предпринять здесь и сейчас» ряд «предупреждающих мер».

Заключение

Подверженность вовлечению в диалог с телефонными мошенниками обусловлена множеством факторов, включая низкий уровень осведомленности потенциальной жертвы о сценариях, которые используют злоумышленники, эмоциональную уязвимость, желание быстрого обогащения и страх потери. Понимание этих причин может помочь в разработке более эффективных стратегий профилактики, в частности подготовки и проведения образовательных программ среди наиболее уязвимых групп потенциальных жертв мошеннических действий.

Список источников

1. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2020. 591 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Бомбора, 2019. 560 с.
3. Чалдини Р. Психология влияния. М.: Эксмо, 2018. 416 с.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2018. 435 с.
5. Чалдини Р. Техники пре-убеждения: как получить согласие оппонента еще до начала переговоров. М.: Эксмо, 2024. 400 с.
6. Lim J. Cover study: Consumers more vulnerable to scams during pandemic // The Edge Malaysia. October 7. URL: <https://www.theedgemarkets.com/article/cover-story-consumers-more-vulnerable-scams-during-pandemic>
7. Bidgoli M., Grossklags J. Hello. This ist he IRS calling: “A case study on scams, extortion, impersonation, and phone spoofing” // APWG Symposium on Electronic Crime Research (eCrime). Scottsdale, AZ, USA, 2017. P. 57–69. DOI: 10.1109/ECRIME.2017.7945055.
8. Button M. M., Nicholls C. M. N., Kerr J., Owen R. Online frauds: Learning from victims why they fall for these scams // Australian and New Zealand Journal of Criminology. 2014. Vol. 47, № 3. P. 391–408. DOI: 10.1177/000486581452122
9. Телефонное мошенничество: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 15.09.2024).
10. Одиночество и как с ним бороться. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 19.09.2024).

References

1. Kastel’s, M. (2020). *The power of communication*. Moscow, VSE. (In Russian).
2. Bern, E. (2019). *Games people play. People who play games*. Moscow, Bombora.
3. Chaldini, R. (2018). *Psychology of influence*. Moscow, Eksmo.
4. Parsons, T. (2018). *On the structure of social action*. Moscow, Academic project.
5. Chaldini, R. (2024). *Pre-persuasion techniques: how to get your opponent’s consent before negotiations even begin*. Moscow, Eksmo.
6. Lim, J. Cover study: Consumers more vulnerable to scams during pandemic. *The Edge Malaysia, October 7*. Retrieved from <https://www.theedgemarkets.com/article/cover-story-consumers-more-vulnerable-scams-during-pandemic>

7. Bidgoli, M., Grossklags, J. (2017) *Hello. This ist he IRS calling: "A case study on scams, extortion, impersonation, and phone spoofing"*. APWG Symposium on Electronic Crime Research (eCrime), Scottsdale, AZ, USA, pp. 57–69. <https://doi.org/10.1109/ECRIME.2017.7945055>

8. Button, M. M., Nicholls, C. M. N., Kerr, J., & Owen, R. (2014). Online frauds: Learning from victims why they fall for these scams. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 47, 3. 391–408, 2014. <https://doi.org/10.1177/000486581452122>

9. Telephone fraud: monitoring. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring>

10. Loneliness and how to deal with it. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja>

Информация об авторе / Information about the author:

Змазнева Олеся Анатольевна — доцент кафедры инфокогнитивных технологий Московского политехнического университета, кандидат филологических наук, доцент. Руководитель модуля SoftSkills факультета информационных технологий МПУ. Руководитель и модератор научно-популярного проекта «Наука без границ». Область научных интересов: филология, философия, семиотика, культурология, медиакоммуникация, риторика, практико-ориентированное обучение, Москва, Россия.

Olesya A. Zmazneva — Associate Professor, Ph.D. Moscow polytechnical university, IT faculty, infocognitive department. The Head of SoftSkills Module in the MPU IT Department's programs. The director and the moderator of "Science without borders" project. Research interests: philology, phylosophy, semiotics, culturology, media communication, rhetorics, competence-based education. Moscow, Russia,

ozmazneva@gmail.com

Благодарности: автор благодарит студентов факультета информационных технологий Московского политехнического университета за искреннее обсуждение интересующих их проблем — именно во время этих дискуссий и появилась идея этой статьи.

Acknowledgements: the author thank the students of the Faculty of Information Technology of Moscow Polytechnic University for discussing topical issues and related problems — it was during these discussions that the idea for this article appeared.

**РЕЦЕНЗИЯ НА:
ГАЙ СТЭНДИНГ. «ПРЕКАРИАТ: НОВЫЙ ОПАСНЫЙ КЛАСС».**
(М.: АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО
ИСКУССТВА «ГАРАЖ», 2020. 368 с.)

Бессонов Б. Н.

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
bessonovbn@mgpu.ru

Кондратьев В. М.

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
kondrut@mgpu.ru

**REVIEW OF:
GUY STANDING. PRECARIAT: THE NEW DANGEROUS CLASS.**
(MOSCOW: AD MARGINEM PRESS, MUSEUM
OF CONTEMPORARY ART «GARAGE», 2020. 368 p.)

Boris N. Bessonov

Moscow City University,
Moscow, Russia,
bessonovbn@mgpu.ru

Viktor M. Kondratyev

Moscow City University,
Moscow, Russia,
kondrut@mgpu.ru

Книга Гая Стэндинга о прекариате была издана в Англии в 2011 году и дважды в России — в 2014 и 2020 годах. Она привлекла внимание многих обществоведов, высказавших мнение о ней в своих рецензиях. Одним из существенных недостатков книги они считают неопределенность направленности угрозы, исходящей из наличия прекариата. Сам же автор говорит об опасности возникновения «политики ада», под которой можно понимать революции или гражданские войны (с. 6). И, чтобы избежать этой угрозы, необходимо, считает Г. Стэндинг, понять суть и назначение прекариата для общества. И достижение этого понимания — одна из ключевых задач современного образования. Решение ее зависит от формирования целостного взгляда на жизнь человека и общества. Философы, историки, социологи, экономисты, политологи должны ответить на вопросы: от действия каких закономерностей зависит эта жизнь? Подчиняется ли она природному закону возрастания энтропии? Стремимся ли мы к порядку из хаоса? Должны ли мы учитывать историческую тенденцию возрастания степени самостоятельности работника или трудового коллектива? Что мы понимаем под прогрессом общественного развития? И ответы на эти вопросы должны основываться на определенной методологии.

Так как большинство стран Европы последние десятилетия исповедовали политику неолиберализма, приведшую к возникновению прекариата, то следует критически относиться к теории либерализма. Провозглашение свободы индивида в качестве высшей ценности отражает лишь одну сторону жизни человека. Если исходить из природных свойств человека: зависимости, неопределенности и способности преобразовывать энергию внешнего мира в свой внутренний мир, — то становится очевидной неполнота этой теории. Свобода как результат стремления человека уменьшить степень своей зависимости от природы и общества является производным феноменом, а зависимость — первичным. И способом уменьшения зависимости является уменьшение неопределенности положения человека во внешнем мире, достигаемой в процессе его образования. Возникает вопрос об уровне образования представителей прекариата: какое значение придает ему государство и его граждане? Каков уровень их осознанной самостоятельности? Повышение уровня образования, на наш взгляд, послужит основанием уменьшения угрозы, исходящей от прекариата, о которой пишет Г. Стэндинг. Но обратимся теперь к анализу содержания самой книги Г. Стэндинга.

Автор книги — британский социолог Г. Стэндинг подчеркивает: прекариат — это новый социальный класс, появившийся на мировой арене в эпоху глобализации, насчитывающий миллионы людей, не имеющих стабильного положения, постоянной работы, досуга, ограниченный в своих социальных и политических правах.

Эти люди «и стали новым, потенциально опасным классом. Они охотно прислушиваются к самым вздорным призывам и готовы отдать свои избирательные голоса и денежки на создание и укрепление политической платформы для этих

смутьянов. Сам успех неолиберальной программы, в той или иной степени проводившейся правительствами разных стран, породил — пока еще в зачаточном виде — политическое чудовище. И нужно что-то предпринять, пока это чудовище не окрепло и не показало всю свою мощь», призывает Г. Стэндинг (с. 11).

Определяя место прекариата в социальной структуре современного общества, Г. Стэндинг считает, что в нем можно выделить семь групп. На самом верху — крошечная элита, состоящая из небольшого числа невероятно богатых граждан мира, управляющих вселенной, у них на счетах миллиарды долларов, их имена в списке Forbes, они способны повлиять на любое правительство и делать широкие филантропические жесты. За этой элитой следует салиариат (от *англ.* salary — зарплата), все еще со стабильной трудовой занятостью, кое-кто из его представителей надеется дорасти до элиты, большинство же просто наслаждается положенными им благами. Салиариат сосредоточен в крупных корпорациях, правительственных учреждениях и органах государственного управления, включая гражданскую службу.

Рядом с салиариатом находится группа *proficians* — квалифицированные кадры. Это люди, имеющие ряд навыков, которые они успешно выставляют на рынках и много зарабатывают в качестве консультантов или независимых специалистов по контракту, работая на себя. «Они живут в ожидании нового и в вечном движении, им не нужна долгосрочная, полная занятость на каком-то одном предприятии. “Стандартные трудовые отношения” не для них.

Чуть ниже “квалифицированных кадров”, с точки зрения дохода, находится все уменьшающееся ядро работников физического труда, костяк старого рабочего класса. Именно о них думали, когда строили государства с развитой социальной системой, а также систему регулирования трудовых отношений. Но батальоны промышленных рабочих, создавших рабочие движения, поредели и утратили чувство социальной солидарности.

А еще ниже этих четырех групп — растущий прекариат, рядом с которым — армия безработных и обособленная группа социально обездоленных, живущая подачками общества» (с. 24).

Понятие «прекариат» предложил Пьер Бурдьё, но его провозвестниками были также М. Фуко, Ю. Хабермас, М. Хардт и А. Негри. Понятие «прекариат» — это неологизм, образованный от двух слов: *precarious* (*англ.*) — ненадежный, нестабильный, неустойчивый и пролетариат. Прекариат — это не часть пролетариата. Пролетариат — это социальный класс, состоящий из наемных рабочих, не имеющих собственных средств материального производства, однако стабильно занятых и имеющих постоянную зарплату. Пролетарии, как правило, осознают свои интересы, создают свои партии и профсоюзы, заключают с работодателями коллективные договоры.

Прекариат не относится и к среднему классу, поскольку у людей, принадлежащих к нему, нет устойчивого положения, стабильного жалования, нет необходимых льгот и пособий, нет должного образования. Нет никаких профессиональных или других объединений. К прекариату относятся люди, пере-

бывающиеся случайными и малыми заработками. Это временные и частично занятые работники, мигранты, часть молодежи, выпускники колледжей и вузов, не чувствующие себя востребованными обществом, а также безработные. Большинство из тех, кто относится к прекариату, не имеют надежной профессии и возможности для профессионального роста. Зачастую их рабочий день не ограничен определенными часами, их побуждают работать в неурочные часы, в ночное время, лишают компенсации при несчастных случаях. У них нет гарантий от увольнения, они лишены возможности на коллективную защиту своих прав, в частности на забастовку. Прекариат не имеет и государственной поддержки, в частности гарантированных пособий от государства. Людям из прекариата недостает самоидентификации. Поступая на работу, они занимают малоперспективные должности в плане карьерного роста, не чувствуют своей причастности к трудовому сообществу, к его этическим и поведенческим нормам, не ощущают также чувства взаимной поддержки и товарищества.

Не сознавая себя частью солидаризированного трудового сообщества, они испытывают чувство глубокой неуверенности, беспокойства, отчуждения, анонимии, страха и т. п. Они не знают, как следует жить и что делать, не понимают, как скажется то, что они делают сегодня, на их долгосрочной перспективе; может быть, завтра они уже окажутся не у дел.

Понятно, что как следствие их неопределенного, неустойчивого жизненного положения в их среде возникают глубокие стрессы, являющиеся причиной многих самоубийств. И тем не менее прекариат — это новый социальный класс, который находится в процессе становления. Пока еще с точки зрения, в частности, марксизма — это класс «в себе», а не класс «для себя». «Прекариат — не класс “для себя”, отчасти потому, что он находится в состоянии войны с самим собой» [с. 56]. Но в дальнейшем нужно стать классом для других, чтобы другие признавали, уважали образ его жизни. Напомним, согласно Гегелю, человеком «в себе» является ребенок, находящийся в утробе матери, и, когда он появляется на свет, становится человеком «для себя».

Нетрудно убедить низкооплачиваемого рабочего, что его коллега с более высокой зарплатой получает слишком много, причем за его счет. А жителям городской окраины нетрудно внушить, что прибывающие мигранты перехватывают лучшие рабочие места и всегда оказываются в первых рядах за «подачками». «Противоречия внутри прекариата настраивают людей друг против друга, не давая им осознать, что сама общественная и экономическая структура является причиной их невзгод» (с. 56).

Прекариат — растущий класс. В настоящий момент во многих странах по крайней мере четверть взрослого населения можно отнести к прекариату.

В сущности, потенциально все мы, кроме политической элиты и олигархов, оказываемся в ситуации, для которой характерны неустойчивость, беспокойство и недовольство.

Прекариат потенциально опасный класс. Те, кто не видит перед собой ясной и безопасной перспективы, почувствовав страх и отчаяние, могут выме-

стить свое негодование не только на реальных, но часто и на мнимых виновниках своего несчастья, что и используют всякого рода темные силы, то есть экономически и политически правящая элита. Такое в истории было не раз, особенно в XX веке в Европе: вспомним фашизм.

Прекариат неоднороден. В его составе, подчеркнем еще раз, временные работники, мигранты, люди, живущие на пособия, стажеры, недавние выпускники вузов, работающие на мелких офисных должностях за очень малую плату, безработные, беднота, зачастую криминализованная. К нему можно отнести и людей с нетрадиционным образом жизни и поведением. И, конечно же, нельзя сравнивать подростка, занятого временной подработкой в мелких торговых предприятиях, и мигранта (часто нелегала), одинокую мать или мужчину за шестьдесят.

Но у всех у них есть нечто общее — ощущение, что их работа временная, вынужденная, ненадежная, малооплачиваемая, что их не ценят и не уважают. Временный труд — один из главных факторов прекариатизации. Временная рабочая сила обходится дешевле, ее зарплата ниже. Временных сотрудников легче поставить в положение неполной занятости, ими проще управлять, потому что они боятся. Если они не согласятся выполнять то, что от них требуется, их выставят без лишнего шума.

Причем число людей с временной привязкой к рабочему месту в эпоху глобализации резко возросло. В Японии к 2010 году более трети трудовых ресурсов находилось на временных рабочих местах, в Южной Корее их доля была еще выше — более половины всех трудящихся были заняты на временных, нерегулярных работах.

В итоге получается незащищенная рабочая жизнь для все большего количества людей, стоящих вплотную к прекариату. Каждый год примерно треть наемных работников в странах ОЭСР по той или иной причине уходит от своего работодателя. В США ежегодно 45 % трудоустроенных покидают свои рабочие места. В 1960-е годы типичный работник, выходящий на рынок труда в промышленно развитой стране, мог ожидать, что до наступления пенсионного возраста сменит четырех работодателей. «Сейчас типичный работник — вероятнее всего, женщина — может рассчитывать на то, сменит девять работодателей, прежде чем достигнет 30-летнего возраста» (с. 79). В результате доля работников, заявляющих о лояльности и доверии к своим работодателям, резко снижается. В США, в частности, доля таких работников снизилась с 95 до 39 %, а процент тех, кто выразил доверие к работодателям, упал с 79 до 22. В эпоху прекариата лояльность и доверие к работодателям становятся зыбкими и хрупкими, подчеркивает Г. Стэндинг (с. 220).

Разумеется, для кого-то временная работа может стать даже ступенькой для карьерного роста. Но для большинства это все-таки показатель уязвимости, ступенька, ведущая вниз. То, что люди, измученные безработицей, соглашались на временную работу, бесспорное свидетельство того, что они спускаются по социальной лестнице, что получать приличный доход они уже не смогут.

Неполная занятость также путь скатывания в прекариат. Многие из тех, кто вынужден работать неполный рабочий день, обнаруживают, что работать приходится больше, а заработок становится меньше. Чаще всего работать неполный день опять-таки обречены женщины.

Индустриальная эпоха и промышленный пролетариат приучили нас к мысли, что мужчина-рабочий должен получать зарплату, достаточную, чтобы поддержать семью. Сегодня же предпочтение в найме на работу отдается женщинам, которые никогда не рассчитывают, что могут получить «семейную» зарплату. Кроме того, становится все больше работы в сфере услуг, где мужская сила не требуется и длительный период обучения специальности не обязателен.

Женщины занимают непропорционально большую долю нестабильных рабочих мест, поскольку охотно соглашаются работать по краткосрочным договорам и даже вовсе без договора. Например, в Японии в 2008 году более половины женщин были заняты на нестабильных, временных работах. Среди мужчин этот показатель был менее одной пятой. В 2010 году 44 % работниц в Японии получали меньше прожиточного минимума.

В XXI веке по мере наступления глобальной феминизации все больше женщин несут тройную ношу: берут на себя долг, заботу о детях и о доме и одновременно участвуют в рынке труда, чтобы позволить себе этот «долг», а еще заботиться о престарелых родителях и других родственниках, которых становится все больше.

Женщины все чаще становятся добытчицами, кормилицами семьи. К 2009 году в США каждая пятая женщина считала себя добытчицей в семье. В 2010 году впервые в истории женщины в США занимали половину всех рабочих мест в стране. «В странах Евросоюза три четверти рабочих мест, созданных с 2000 года, также заняли женщины» [с. 130].

Однако, несмотря на возросшую вовлеченность женщин в экономику, им присуща боязнь неудач из-за нестабильностей разного рода. «Это явление получило жутковатое название “синдром побирушки” — страх оказаться на улице из-за неудач с работой» (с. 130).

Нужно учитывать, что сегодня важной областью прекариата, которая всегда была женской, являются секс-услуги. Это миллионы женщин, которые влачат типичное существование прекариата: сдают свое тело внаем без всякого контроля со своей стороны. То, что их объявляют вне закона и не признают за ними прав, только подчеркивает их несчастное положение.

Важной составной частью прекариата является молодежь. Человечество понемногу дряхлеет. Более миллиарда человек в возрасте от 15 до 25 лет — самая многочисленная возрастная группа в истории, а в развивающихся странах — это преобладающее большинство. Молодые люди, окончившие школу и колледж, как правило, годами пребывают в неопределенности. Во всяком случае, это их привычный образ жизни на длительный срок.

И этот очевидный результат политики глобализации образования, которую осуществляют современные правительства капиталистических государств.

«Неолиберальное государство, — отмечает Г. Стэндинг, — видоизменяло систему школьного образования, чтобы сделать ее закономерной частью рыночного общества, подталкивая обучение в сторону накопления “человеческого капитала” и трудовой подготовки. Это один из самых отвратительных аспектов глобализации.

На протяжении веков считалось, что образование освобождает от невежества и помогает развивать способности, заложенные от природы. Идея Просвещения состояла в том, что человек, приобретая знания, совершенствует мир и сам совершенствуется. В рыночном обществе эта задача отошла на задний план» [с. 140].

Сегодня власти представляют систему образования как индустрию, как источник выгоды. «Администраторы взяли под контроль школы и университеты, насаждая бизнес-модель, заточенную под рынок. И лидером этой глобальной “индустрии” являются США, притом, что стандарты там катастрофически упали. Идея в том, чтобы воспроизводить продукты под названием “сертификаты” и “выпускники.” «Университеты больше соревнуются между собой не по уровню обучения, а по уровню “роскоши”: где лучше общежитие, спортзалы и танцплощадки, где числится больше знаменитых ученых, сделавших имя в академической науке, не связанной с преподаванием» (с. 140–141).

«Такая товаризация и стандартизация — обесценивает образование, подрывая суть профессии и препятствуя передаче неформальных знаний. <...> Враг не у ворот — он уже вошел в них», — подчеркивает Г. Стэндинг (с. 142).

И тем не менее, мы должны сказать, что уровень образования выпускников университетов Гарварда, Оксфорда, Кембриджа является приоритетным для большинства университетов мира.

Многие из молодых людей вынуждены устраиваться на временные должности. Ловким трюком фирм является так называемое стажерство и устанавливаемый для стажеров испытательный срок, когда фирмы могут меньше платить и предоставлять меньше пособий и льгот. Молодым людям трудно перейти на долгосрочные трудовые соглашения. Во Франции, например, 25 % молодых работников устраивались на работу по временному трудовому договору и большинство так и остались временными.

Тяготы нестабильности положения молодежи до сих пор облегчала семейная поддержка. Но семейная солидарность сегодня ослабла, старшее поколение само нуждается в ответной помощи со стороны младшего поколения. Примечательно, что многие молодые люди сегодня вообще не хотят стабильной штатной работы, они не хотят тянуть лямку в конторе или на заводе, как их родители. Согласно международным опросам общественного мнения, почти две трети молодых людей предпочитают самозанятость, хотят работать на себя, а не на кого-то. В сущности, они сознательно, добровольно выбирают жизнь в духе прекариата. Движимые вольнолюбивым духом они отвергают буржуазный материализм белых воротников, диктат субординированного труда и переходят к странническому, кочевому образу жизни лиц свободных профессий. Конечно, в первую очередь это относится к молодежи, но к подобным действиям прибегают и «старики».

В то же время ясно, что именно молодежь, составляя ядро прекариата, недовольная своим настоящим положением и мечтая о достойном будущем, может повести прекариат на борьбу за это будущее. В прошлом веке, в майские дни 1968 года, молодежь уже показала себя как независимая и мощная общественная сила под лозунгом «Будьте реалистами. Требуйте невозможного», отвергнув общество «промышленного труда с его унылым лейборизмом».

Современную молодежь раздражает товаризация и стандартизация образования на всех уровнях: от школы до университета. Вместо того чтобы изучать культуру и историю, школьники и студенты должны научиться, как стать идеальными потребителями и получить рабочие места.

Пожилые люди также важнейший фактор продвижения в прекариат. Мир стареет. Во всем мире доля населения в возрасте 65 лет и старше с 2010 по 2040 год должно увеличиться вдвое, до 14 %. К 2050 году пятой части 9-миллиардного населения будет за 60, а в сегодняшних богатых странах таких окажется не менее трети. Примерно каждому десятому будет за восемьдесят. В развивающихся странах людей в возрасте старше 60 будет еще больше — почти 1500 миллионов. Ожидаемая при рождении продолжительность жизни увеличится до 76 лет, а в богатых странах — до 83 лет. При этом пожилых женщин будет больше, поскольку в среднем они живут на пять лет дольше мужчин. Ясно, что многие из пожилых людей окажутся в рядах прекариата. Они представляют собой дешевую рабочую силу, им платят мало, льгот и пособий у них почти нет, их можно без труда уволить. Но примечательно, что часть пожилых довольны прекарным существованием. Они просто часто рады, что «пригодились».

Этнические меньшинства также резервуар для прекариата. Половина всех молодых мужчин-афроамериканцев к концу 2009 года были безработными; и это без учета заключенных, в то время как чернокожих за решеткой в США почти в пять раз больше, чем белых. Тюремное прошлое, низкий уровень образования, безработица, потеря трудовых навыков, отсутствие деловых связей — все это лишает афроамериканцев, а также представителей других этнических групп позитивного настроения получить достойное образование, сделать карьеру и т. п. В результате шансов не попасть в прекариат у них нет (с. 174–175).

Прекариат растет и за счет криминализированных людей. Растет число заключенных. Тюремь стали крупным учреждением и сильным политическим инструментом. С 1970 года в Бельгии, Франции и Великобритании количество тюрем удвоилось. В Греции, Нидерландах и Испании — утроилось и в 5 раз увеличилось в США. Заключенные работают по восемь часов в смену, шесть дней в неделю, и трудно найти рабочую силу дешевле, чем в тюрьме. И, разумеется, гражданские права заключенных очень ограничены.

Значительная доля мирового прекариата — мигранты. Согласно данным международной организации миграции, в 2010 году в мире насчитывалось 214 миллионов мигрантов, они составляли 3 % мирового населения. Это без учета нелегальных мигрантов, которые в статистические сводки не попадают.

Кроме того, около 740 миллионов людей являются внутренними мигрантами. В Европе живет 12 миллионов людей, для которых европейские страны отнюдь не являются их родиной.

В первые десятилетия XXI века ежегодно в США въезжало свыше миллиона легальных и примерно полмиллиона нелегальных мигрантов. В настоящее время здесь мигрантом является каждый восьмой и примерно один из шести работников имеет иностранное происхождение. Большие потоки мигрантов принимают также и другие страны. В Германии мигрантами либо их потомками являются 16 миллионов человек при общей численности населения 82 миллиона. В Великобритании мигрантом является каждый десятый. Мигранты, в первую очередь нелегальные, ограничены в экономических, социальных и политических правах. Многие из них работают на теневую экономику. Они живут под вечной угрозой депортации и не получают пособий по безработице (с. 182–183).

Даже квалифицированным мигрантам часто закрыт путь в профессию, так как их дипломы не признаются. Им приходится браться за неквалифицированную работу, которая не соответствует ни уровню их знаний, ни предыдущему опыту.

В целом капитал приветствует миграцию, поскольку она является источником дешевой и покладистой рабочей силой. Самые яростные противники миграции — пожилое (белое) крыло рабочего класса и низы среднего класса, сами превратившиеся в прекариат. Они убеждены, что мигранты отнимают работу у местных, угрожают нашему образу жизни, они грязные, привозят с собой болезни, они опасные, из-за них растет преступность. Они виновны, против них нужно принять самые крутые меры.

Гай Стэндинг считает, что миграция — хитрая ловушка. «Число реальных рабочих мест и работ, предполагающих карьерный рост, сокращается, порождая статусную фрустрацию и недовольства. Перспективы оставшихся без работы печальны: им приходится соглашаться на меньшую зарплату или выполнять нудную техническую работу не по специальности.

Нечестно критиковать этих бедолаг лишь за то, что такое положение их возмущает... Мигранты не приезжают из тех мест, где у них были меньшие доходы и ожидания, по этой причине они готовы работать временно и с неполной загрузкой и мало держатся за профессиональные навыки. Политики разыгрывают популистскую карту — они перекаладывают всю вину на «ленивых» местных, оправдывая таким образом как ужесточение контроля за миграцией, так и урезание пособий по безработице. В итоге демонизируются две группы людей — дабы угодить среднему классу, — и нынешние прагматики выставлены приспособленцами. На самом деле виноваты в этом случае не «лень» и не мигранты, а глобализация и рынок» (с. 228, 229).

В этой связи автор книги отмечает, что у современного прекариата есть исторический предшественник в Древней Греции — банавсои, трудившиеся на общество, в отличие от рабов, которые работали на своих хозяев. Банавсои

трудились наравне с метеками, переселенцами-ремесленниками. И, точно также как и метеки, не были гражданами, не могли участвовать в жизни полиса (с. 34).

Для характеристики прекариата подходит ещё одно слово — «резидент», восходящее также к древности. Так в Риме называли иностранцев, которые имели право на проживание в стране, но гражданских прав не получали. И мигранты, и беженцы, и многие другие люди лишены сегодня таких гражданских прав, как равенство перед законом, право на пользование учреждениями культуры, социальные права, право участвовать в выборах и других сферах политической жизни общества. В этом смысле люди, принадлежащие к прекариату в современном обществе — резиденты, а не граждане.

Итак, из-за неустойчивости, необеспеченности своего положения прекариат постоянно находится в состоянии стресса, что грозит ему физическим и моральным истощением. Человек, принадлежащий к прекариату, привыкает действовать и мыслить фрагментарно. Ему трудно делать что-то творческое, требующее сосредоточенности и глубоких размышлений. Его досуг, школа, как говорили древние греки, цель которого образование и постижение культурных ценностей, вытесняется на задний план, и он находит отдых в пустых развлечениях, то есть в пассивных с точки зрения интеллекта занятиях. Все это неизбежно порождает приспособленчество и цинизм, апатию и страх. И наряду с этим «создается общество лотерейного счастья, в котором у прекариата непропорционально большая доля риска» (с. 261). Работодатели и власть хитрят, пытаются унылую ничтожную работу прекариата замаскировать громко кричащими названиями различных должностей и специальностей. Появляются начальники без подчиненных, «руководители», которым нечем руководить. Например, «координатор приемной» (технический секретарь), «служащий по распределению медийных изданий» (разносчик газет), «ответственный за сбор вторичного сырья» (выбрасывающий мусор из корзин), «консультант по санитарии» (уборщица туалетов) и др.

Современное глобализированное общество в целом все больше превращается в общество-паноптикум. Но особенно этот образ подходит для описания жизни прекариата. Эту конструкцию в свое время — в 1787 году — придумал Иеремия Бентам; он воплотил идею паноптикума в проекте идеальной тюрьмы. Находящийся в центре цилиндрического строения стражник может наблюдать за всеми заключенными, помещенными в камерах вокруг него. Стражник их видит, но сам остается невидим для них. Узники не знают, в какой точно момент за ними наблюдают, и у них создается впечатление постоянного контроля — из страха они стараются вести себя так, как если бы он их видел.

В XXI веке проект паноптикума получил широкое воплощение по всему миру в поселениях для мигрантов. Десятки, сотни тысяч людей находятся под прицелом камер видеонаблюдения, чтобы власть могла отселять неудобных, определить послушных и заставить работников мыслить и вести себя так, как это нужно работодателям и властям.

Цифровой мир, электронное окружение, обрушившееся на нас, также способствует распространению прекариатизации. Цифровой мир не признает долгих размышлений и раздумий: он дает мгновенную стимуляцию и удовлетворение, заставляя мозг уделять больше внимания краткосрочным решениям и реакциям. Это несет с собой определенные выгоды, но в жертву приносится образованность и сама идея индивидуальности. Это шаг в сторону общества, тяготеющего к коллективному, массовому одобрению, а вовсе не к оригинальности и креативности.

Все это вполне согласуется с распространением прекариатизации, подчеркивает автор. Образованный ум — признающий пользу скуки, состояние покоя и созерцания, неторопливых раздумий в вечной попытке связать прошлое, настоящее и воображаемое будущее — оказался под угрозой от постоянной бомбардировки электронно спровоцированных адреналиновых всплесков. Г. Стэндинг отмечает далее, что некоторые биологи-эволюционисты заявляют, что электронные устройства возвращают человека на примитивный уровень, он вынужден инстинктивно и быстро реагировать на сигналы опасности и информацию о новых возможностях, а научный ум в таком случае не более, чем историческая аберрация.

Электронное окружение предполагает и поощряет многозадачность — это черта третичного общества. Исследования показывают, что те, кто по привычке, склонности или необходимости активно вовлечен в многозадачную работу, распыляет силы и по каждому конкретному заданию производительность у них ниже, чем у тех, кто не разбрасывается.

«Многозадачники — непосредственные кандидаты в прекариат, поскольку им сложнее сосредоточиться и труднее отсекаать необязательную или отвлекающую информацию (Richtel, 2010)» (с. 46).

Прекариату, да и всем нам, следует быть настороже, предостерегает Г. Стэндинг. Личное все больше исчезает из нашей жизни. Мы приближаемся к социальной аномии.

Аномия, разъясняет Г. Стэндинг, опираясь на труды Эмиля Дюркгейма, — это «чувство безысходности, порождённое отчаянием. И это чувство усиливается из-за унылой, не творческой, бесперспективной работы. Аномия вызвана апатией, связанной с ощущением поражения, и это усугубляется тем, что многие политики... осуждают прекариат, упрекая его представителей в лени, клеймя их как недостойных, социально безответственных или еще того хуже» (с. 47).

Прекариат, чтобы стать классом «для себя» должен осознать свое положение, его отряды должны объединиться; он должен четко представить себе, кто его противник и, исходя из этого, разработать программу борьбы с ним. Прекариат ощущает и даже осознает несправедливость общества. Но до осознанного протеста, с вытекающими из него действиями, пока еще далеко.

На демонстрациях прекариата царит театрализованная, карнавальная атмосфера. На одном из плакатов сливается в одну четыре фигуры: дворник, сиделка, беженец или мигрант и так называемый творческий работник. На главном

плане — хозяйственная сумка как символ кочевничества людей в современном глобализированном мире. Конечно, символы важны, они формируют самосознание и основы солидарности. Но, главное необходимо четко сформулировать требования к государству и работодателям, наметить цели и определить средства борьбы. Пока же многие люди, принадлежащие к прекариату, не уверены, растеряны, «плывут по жизненному миру без руля и ветрил, но в какой-то момент могут дать волю гневу и метнуться в любую сторону — от политически крайне правых до крайне левых, поддерживая популистскую демагогию, которая играет на их страхах и фобиях (с. 16).

Конечно же, черты прекариата можно обнаружить и в современной России: временные рабочие, мигранты, беженцы, стажеры, некоторые группы работников культурно-творческой сферы. Если мы не поймем сути прекариата, то все это может привести к опасным последствиям для общества, может закончиться, как пишет Г. Стэндинг, «политикой ада».

Сегодня нужна новая политика — «политика рая». Пусть даже несколько утопичная. Г. Стэндинг считает, что момент для этого самый подходящий. Ибо в начале каждого столетия возникает новая прогрессивная концепция. В начале XIX века появились радикальные романтики, требовавшие новых свобод, начало XX века сопровождалось требованием свободы для промышленного пролетариата. Сегодня моральное банкротство неолиберальной модели глобализации дает надежду на освободительный эгалитаризм, связанный с прекариатом.

Первейшая задача «политики рая» — нужно доверять людям, надеясь, что они будут действовать в своих интересах и при этом считаться с остальными. Не следует к тем, кто принадлежит к прекариату, относиться как к лентяям, потенциальным преступникам, нарушителям закона, эгоистам по самой своей сути. Паноптикум должен быть «свернут».

Надлежащее образование и качественный досуг помогут людям принимать решения самостоятельно, отсеивая ненужную и ложную информацию. Нельзя к людям относиться как к закоренелым безработным. Люди хотят трудиться, работа им нужна. Прекариат сталкивается с систематической незащищенностью. Политика и социальные институты должны перераспределить гарантии защиты и дать возможность каждому развивать свои таланты, особенно молодежи.

Многие люди из прекариата недовольны тем, как правительство печется о банках и банкирах, раздает субсидии элите и в результате усиливает неравенство за счет того же прекариата. Это приводит их к популистскому неофашизму, клеймящему правительство и демонизирующему тех, к кому правительство благоволит. Если это будет продолжаться, общество окажется в опасности.

Прекариат — класс третичного общества, где средства производства неясны и рассеяны и часть в том или ином виде принадлежит самим работникам. В третичном обществе решающая борьба всех прогрессивных людей должна вестись за пять главных фондов: экономическую стабильность, время, качественное жизненное пространство, знания и финансы.

Прежде всего, каждому человеку, взрослым и детям, следует предоставить базовый доход, скромное денежное вспомоществование. С философской точки зрения базовый доход можно представить как социальные дивиденды, возвращение прошлых инвестиций. Базовый доход — определенная предпосылка экономической стабильности, ощущение которой нужны для того, чтобы мы могли рационально мыслить, проявлять терпимость и сострадание. Чувство экономической безопасности помогает преодолеть экзистенциальную неуверенность (когда мы беспокоимся о своих близких, о собственной безопасности и здоровье и т. п.) и неуверенность в развитии (когда мы хотим развивать свои способности и жить в более комфортных условиях, но все это связано с рисками). Базовый доход позволит людям лучше контролировать свое время, людям время нужно не только ради основной работы, но и для других форм работы, которая не является трудом. Нужно сбавить темпы.

Это важная задача осуществления «политики рая». Мнение, что все работы хороши — очень удобная позиция для тех, кто живет за счет труда других. Нет. Бессмысленному каторжному труду необходимо противопоставить полезную работу. Ко всем видам работы следует относиться с равным уважением, не думая, что человек, не имеющий должности, не работает или что кто-то сейчас без работы, закоренелый лодырь. Обществу вредит не праздность. «На самом деле бездельники вредят сами себе, растрачивая жизнь понапрасну <...> Более того, немного полениться не так уж и вредно. Почему знать, может, тот, кто сейчас якобы бездельничает, на самом деле отдыхает или собирается с мыслями? Величайшие умы человечества проводили много времени в праздности, и всякий, кто читал эссе Бертрانا Рассела “Похвала праздности”, должен устыдиться и не требовать иступлённого труда от других.

Но нужно соблюдать меру. Труд необходим и рабочие места нужны. Но не только в них смысл жизни. <...> Джон Мейнард Кейнс, величайший экономист XX столетия, предсказывал, что к настоящему времени люди в богатых обществах будут заняты на работе не более 15 часов в неделю. До него Карл Маркс писал, что, как только уровень производительности труда позволит обществу удовлетворить свои материальные нужды, мы будем проводить время, развивая наши природные способности. В конце XIX века Уильям Моррис в своей провидческой работе “Вести ниоткуда” описывал будущее, в котором люди смогут без принуждения работать в свое удовольствие, заботиться о природе и жить в достатке и в ладу со своими соседями. Никто из них не мог предугадать ненасытную жажду потребления и бесконечного экономического роста, заданную коммерциализующей рыночной системой» (с. 317).

Те, кого оттесняют в прекариат, должны также дать отпор превращению образования в товар. Надо дать прекариату возможность получать образование на долговременной основе, а не просто проходить подготовку в качестве «человеческого капитала». Образование как подготовка «человеческого капитала» отупляет. Люди отвыкают читать, все более распространённым становится синдром дефицита внимания.

«Тем, кто хочет, чтобы университеты обслуживали предпринимательство и бизнес, следует вспомнить о великих мыслителях прошлого. Как сказал философ Альфред Норт Уайтхед: “смысл университета в том, что он поддерживает связь между знанием и текущей жизнью, связывая молодое и старое поколения творческим отношением к обучению”. Ещё раньше, в 1867 году, Джон Стюарт Милль, будучи ректором университета, заявил: “Университеты не для того нужны, чтобы научать людей тому, что позволит им тем или иным образом зарабатывать на жизнь. Их задача — выпускать неумелых юристов, врачей или инженеров, но способных и культурных людей.” В связи с коммерциализацией об этом принципе забыли, но прекариат должен подумать, как его вернуть. Филистеров пора остановить» (с. 315–316).

Люди, и прекариат разумеется, должны бороться за качественное общественное пространство. Специалисты бьют тревогу из-за глобального потепления, загрязнения окружающей среды и исчезновения некоторых видов животных и растений. Элита этим не озабочена. Она укроется на уединенном острове или в горах. И только прекариат по-настоящему «зеленый» класс. Он заинтересован в более эгалитарном обществе, где предпочтение отдается совместному использованию и репродуктивной, ресурсосберегающей деятельности.

Нужно замедлить темпы не только для того, чтобы уменьшить стресс от бешеного труда и потребления, но и ради сохранения природы.

Прекариату необходимо демократическое общественное пространство. Нужна публичная сфера. Ю. Хабермас считает, что интернет порождает анархическую волну фрагментарных потоков коммуникации, но не образует публичной сферы. Нет обсуждений, совещаний, предложений. Нет полемики, без которой невозможно узнать, кто друг, кто противник. Прекариат должен знать своих подлинных друзей, а также открытых и замаскированных врагов.

Истончение демократии, товаризация политики и засилье паблик-релейшенз и денег элиты могут привести к укреплению тирании и нездоровому очернению нонконформизма. «Чтобы этого избежать, прекариату, — считает Г. Стэндинг, — нужны механизмы создания совещательной демократии. Это послужит утверждению ценностей универсализма и альтруизма, поскольку позволит людям мыслить незашоренно, “с чистого листа”, а не исходя из ответственных им мест в социальной и экономической иерархии. Однако совещательная демократия требует активного участия, которого нельзя ожидать от растерянных людей, сидящих на жесткой диете обрывочных фраз и банальностей. Она требует обсуждений, зрительного контакта, языка жестов, возможности слушать и размышлять» (с. 353–354). Помочь прекариату осознать свои интересы, сформулировать цели и задачи — долг честных, просвещенных людей.

В 30-е годы XX века пастор М. Нимёллер предостерегал относительно нацизма, набиравшего тогда силу в Германии. «Сначала нацисты пришли за коммунистами, я смолчал, потому что не был коммунистом. Потом они пришли за труд-юнионистами, я смолчал, потому что не состоял в профсоюзе. Потом

они пришли за евреями, я смолчал, потому что я не еврей. Потом пришли за мной, но некому было заступиться за меня» (с. 357).

Это предупреждение особенно важно, поскольку правые демагоги, авантюристы и неонацисты сбивают молодых и не только молодых людей на опасный путь. Но и левые теряют доверие у новых поколений.

«Прекариат — новый класс, и, пока прогрессивное человечество не предложит политику “рая”, этот класс будет слушать голоса сирен, заманивающих общество на опасные скалы» (с. 358). Честным людям надо объединяться. Другого выхода нет. «Прекариат не жертва, не злодей и не герой, это просто люди, такие же, как большинство из нас» (с. 358). Таков вывод Гая Стэндинга, с которым мы согласны. Идея объединения различных групп прекариата — основная идея книги о прекариате. Но объединение должно быть сознательным, достигаемым благодаря образованию человека. И мы благодарны Гайю Стэндингу за освещение проблем современного образования в разных странах мира, затрагивающих и проблемы российского образования.

Список источников

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2020. 368 с.

References

1. Standing, G. (2020). The Precariat: The New Dangerous Class. Moscow: Ad Marginem Press; Garage Museum of Contemporary Art.

Информация об авторах / Information about the authors:

Бессонов Борис Николаевич — доктор философских наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Boris N. Bessonov — Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia.

bessonovbn@mgpu.ru

Кондратьев Виктор Михайлович — кандидат философских наук, доцент, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Viktor M. Kondratyev — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia.

kondrut@mgpu.ru

Научно-теоретическая статья

УДК 1 (091)

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-105-117

К ВОПРОСУ О ВОЗРОЖДЕНИИ ПОЛИТИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Жулев В. В.

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия,

wladislawking@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению становления политики как науки, в XII веке. В первой части исследования рассматривается распространенная точка зрения на интеллектуальную историю политической философии Средневековья, ясно представленной Вальтером Ульманном во множестве работ, которая отводит главную роль аристотелевской «Политике». Перевод этого текста рассматривается в качестве начала концептуальной революции, ознаменовавшей возвращение политики в Европу. Во второй части рассматриваются дидактические сочинения целого ряда авторов XII века, которые ввели понятие «политика» и попытались определить сущность и место этой науки. Такие авторы, как Гуго Сен-Викторский, Гильом Коншский, Жоффруа Сен-Викторский, Доминик Гундисальво и другие представители Ренессанса XII века в своих трудах отразили постепенное возникновение целой системы знания, состоящей из множества наук, среди которых обрела свое место политика, отнесенная к практическим дисциплинам. Подчеркивается, что модель Вальтера Ульманна не выдерживает проверки и своим появлением политика обязана не переводу аристотелевской «Политики», а усилиям авторов XII века, создавших систему научного знания. Все это позволяет сделать вывод, что текст «Политики» Аристотеля стал необходим после работы, проведенной авторами XII века, которая позволила включить его в интеллектуальное пространство позднего Средневековья.

Ключевые слова: политика, Аристотель, политическая философия, система наук, классификация, Ренессанс XII века

Для цитирования: Жулев В. В. К вопросу о возрождении политики в средневековой Европе // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 105–117. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-105-117

Scientific and theoretical article

UDC 1 (091)

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-105-117

**ON THE ISSUE OF THE REVIVAL
OF POLITICS IN MEDIEVAL EUROPE**

Vladislav V. Zhulev

Russian State Humanitarian University,
Moscow, Russia,
vladislawking@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of the formation of politics as a science in the 12th century. The first part of the study examines the widespread point of view on the intellectual history of political philosophy in the Middle Ages, clearly presented by Walter Ullmann in many works, which assigns the main role to Aristotle's «Politics». The translation of this text is considered as the beginning of the conceptual revolution, which marked the return of politics to Europe. The second part examines the didactic works of a number of authors of the 12th century, who introduced the concept of «politics» and tried to define the essence and place of this science. Such authors as Hugo of Saint-Victor, William of Conches, Geoffroy of Saint-Victor, Dominicus Gundissalinus and other representatives of the Renaissance of the 12th century reflected in their works the gradual emergence of an entire system of knowledge consisting of many sciences, among which politics, attributed to practical disciplines, found its place. It is emphasized that Walter Ullmann's model does not stand up to scrutiny and that politics owes its appearance not to the translation of Aristotle's Politics, but to the efforts of the 12th-century authors who created a system of scientific knowledge. All this allows us to conclude that the text of Aristotle's Politics became necessary after the work carried out by the 12th-century authors, which allowed it to be included in the intellectual space of the late Middle Ages.

Keywords: politics, Aristotle, political philosophy, system of sciences, classification, Renaissance of the 12th century

For citation: Zhulev, V. V. (2024). On the issue of the revival of politics in medieval Europe. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (52), 105–117. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2024-452-105-117>

Введение

Беглый взгляд на интеллектуальную историю XIII века дает основания сделать вывод, будто политика как научная дисциплина своим появлением обязана исключительно переводу одноименного аристотелевского текста. Влияние «Политики» Аристотеля на политическую философию Средневековья бесспорно, и это становится особенно очевидным, когда

предметом исследования выступают политические сочинения, созданные в конце XIII и начале XIV веков. Количество комментариев, созданных в эти годы, также подтверждает, что «Политика» приобрела особое значение для средневекового интеллектуала. На этом влияние данного текста не остановилось. Как заметил Ю. Митке, старый жанр зеркал князей быстро инкорпорировал «Политику», получив новые возможности для своего развития [Miethke, 2008, p. 87; Miethke, 2000, p. 45].

Таким образом, с одной стороны, «Политика» Аристотеля не только часто комментировалась, но и цитировалась, с другой — именно после латинского перевода этого трактата Вильгельмом из Мербеке политическая мысль изменилась не только качественно, но количественно, что приводит к тезису, ясно сформулированному К. Флюэлером: аристотелевский труд не только оказал значительное влияние, но и повторное открытие политической философии Аристотеля дало решающий толчок всем последующим сочинениям этого направления [Flüeler, 2002, p. 1–2].

В. Ульманн предложил историческую модель, которая объясняла развитие политической философии с начала Средневековья до XVI века. Согласно этой модели политическую мысль можно разделить на две парадигмы: первая приписывает власть трансцендентному источнику, вторая помещает этот источник в имманентный мир. До XIII века господствовала первая парадигма, ниспровергнутая в результате концептуальной революции, начало которой положила аристотелевская «Политика» [Ullmann, 2010, p. 157]. Влияние модели Ульманна было особенно заметным в англоязычном пространстве, и именно там последующее поколение исследователей взяло на себя труд проверить это предположение [Flüeler, 2002, p. 4]. Уже в 70-е годы XX века К. Скиннер в «Истоках современной политической мысли» назвал путь, предложенный Ульманном, обманчиво простым [Скиннер, 2018, с. 93]. В свете новых исследований мы можем с уверенностью заявить, что эта модель не выдержала проверку, но, несмотря на это, подобный упрощенный взгляд на историю политической философии сохраняется до нашего времени. Если мы откроем общие работы по истории политической мысли, например первый том *History of Political Theory: An Introduction*, то обнаружим, что до Фомы Аквинского если и были политические сочинения, то главная их проблема — это разрешение спора между светской и церковной властью, а дальнейшее развитие политической теории стало возможно благодаря знакомству с политической философией Стагирита [Klosko, 2012, p. 257–270]. Исходя из этого, цель нашей работы — напротив, продемонстрировать, что политика вновь возникла в Западной Европе еще до перевода Вильгельма из Мербеке.

Итак, мы утверждаем, что повторное открытие политики как науки было связано не с переводом одноименного аристотелевского сочинения, а со систематизацией знания, которое было предпринято мыслителями XII века. Американский медиевист Ч. Хаскинс назвал временной промежуток с 1096 по 1250 год Возрождением XII века [Haskins, 1971], которое приумножило достижения двух

предыдущих — каролингского и оттоновского, и подготовило основания великих систем Альберта Великого, Фомы Аквинского, Дунса Скота, Уильяма Оккама и др. Долгий XII век отмечен не только ростом городов и торговли, о чем свидетельствует возникновение ганзейского союза или развитие итальянских коммун, но и рождением готики на севере Франции, расцветом соборных школ, а также появлением первых университетов в Болонье, Париже, Салерно и Оксфорде. Однако для нашего исследования главное заключается в возрождении интереса к науке, который привел к разворачиванию широкой переводческой деятельности в Испании и Сицилии — территории, где христианская цивилизация средневековой Европы вступила не только в противостояние с арабским миром, но и в культурный обмен с ним. В результате этой деятельности европейцам стали доступны трактаты Евклида, Птолемея, Аристотеля и т. д., а также арабская комментаторская литература. Вместе с этим из забвения воскресает столь важный для политической мысли *Corpus Juris Civilis*. Таким образом, небольшой росток в виде семи свободных искусств, получив необходимый материал, превратился в крупное дерево, многочисленные ветви которого отражают появление новых научных дисциплин. Ч. Хаскинс обращает внимание на тот факт, что четверть из двухсот семнадцати томов латинской патрологии относится именно к XII веку [Haskins, 1971, p. 7].

Процесс передачи знаний начался в XI веке и представлял собой слабый ручеек, который в XII веке превратится в бурный поток. Переводы Константина Африканского, жившего в Южной Италии в XI веке, стали основанием для возникновения медицинской школы в Салерно. Англичанин Аделард Батский, путешествовавший по арабскому миру в течение семи лет, перевел «Начала» Евклида, ряд текстов Аль-Хорезми, «Введение в науку о звездах» Абу Машара и т. д. [Шмараков, 2018, с. 205–206]. Его соотечественник Даниель Морлейский также предпринял путешествие, в результате которого появился натурфилософский трактат *Liber de Naturis inferiorum et superiorum*. Генрих Аристипп, крупный ученый и политик при дворе короля Вильгельма I, создает первые латинские переводы платоновских «Федона» и «Менона». Позднее Бургундио Пизанский, Яков Венецианский и Моисей Бергамский, находясь в Константинополе, перевели разнообразные логические, натурфилософские, медицинские и богословские сочинения на латинский язык [Söder, 2008, S. 55].

Как можно заметить, европейцы XI–XII веков, создавая грандиозное здание системы научных знаний, в первую очередь ориентировались на медицину и натурфилософию, что привело к переводу Галена, Птолемея и таких арабских авторов, как Аль-Хорезми и Абу Машара. Аристотель еще не был первым среди них. Как отмечает И. Зёдер, аристотелевский корпус не играл особой роли, несмотря на тот факт, что к концу XII века большая часть аристотелевских сочинений была переведена [Söder, 2008, p. 56].

Исследование появления политики как науки в философском дискурсе Средневековья актуально, поскольку оно помогает понять истоки современной политической мысли, ее сущность и направление развития.

Методология статьи основана на анализе и интерпретации текстов представителей Ренессанса XII века, в которых представлена попытка концептуализации политики. В статье используются методология *Begriffsgeschichte*, контекстуальный подход Кембриджской школы интеллектуальной истории, а также герменевтический метод.

Цель статьи — доказать, что своим появлением политика как наука обязана не переводу аристотелевской «Политики», а усилиям авторов XII века, создавших систему научного знания.

Результаты исследования

Впервые политика как автономная дисциплина появляется в труде Гуго Сен-Викторского (1096–1141) «*Didascalicon*», созданного в конце 1120-х годов. Как отмечает Ж. Дюби, это сочинение дает не только новую систему знания, но и предлагает реформу системы обучения [Дюби, 2000, с. 219]. Название «*Didascalicon*» ясно указывает на жанр дидактической литературы, целью которой является показать, какие искусства должны быть усвоены человеком. Ко времени Гуго Сен-Викторского этот жанр имел мощную традицию, уходящую своими корнями в Античность и продолженную на христианском Западе Августином, Боэцием, Кассодором, Алкуином и др. Дж. Тейлор в своем введении к «*Didascalicon*» отмечает, что это сочинение ближе всего не к «*Etymologiae*» Исидора Севильского и «*De Institutione clericorum*» Рабана Мавра, а к «*De doctrina Christiana*» Августина [Hugo of St. Victor, 1961, p. 7].

Тематика первой книги «*Didascalicon*» подчинена проблеме начала искусств, поэтому название первой главы «*De origine artium*» можно распространить на всю книгу. Гуго Сен-Викторский начинает с утверждения: «Мудрость является первой из всего, к чему необходимо стремиться» [Гуго Сент -Викторский, 2020, с. 10]. Эта мудрость «освещает» человека, чтобы он познал самого себя. Далее Гуго, ссылаясь на «распространенное среди философов мнение» и платоновский «Тимей», утверждает, что душа состоит из всех частей природы. Раз это так, и только подобное может постигнуть подобное себе, то, следовательно, душа способна познать природу всех вещей. Однако в этом ряде суждений Гуго не следует видеть эпистемологический поворот и призыв к обращению к внешнему миру, поскольку для него целью познания является человек, в то время как внешнее зачастую отдаляет нас от этого [Hugo de Sancto Victore, 1857, p. 742].

Во второй главе Гуго соединяет тему мудрости с философией, поскольку, согласно Пифагору, *philosophia studium sapientiae est* (Философия — это изучение мудрости), и добавляет, что в этом случае идет речь о той мудрости, которая «ни в чем не нуждаясь, является живым Разумом и единственной изначальной Идеей или Образцом вещей», и «дарует всякого рода душам благо своей собственной божественности и возвращает их к надлежащей силе и чистоте их природы» [Hugo de Sancto Victore, 1857, p. 743]. Таким образом, философия,

понимаемая в античном ключе, подчинена решению христианской проблемы восстановления испорченной природы человека через познание. В третьей главе говорится, что душа имеет три вида силы: первый вид отвечает за рост, второй включает в себя первый и способен к чувственному познанию, третий состоит из первых двух, разума и наличествует только у человека.

В четвертой главе Гуго добавляет, что человек согласно своей природе стремится к мудрости, которая руководит действиями разумной души. Последнее позволяет дополнить определение философии, которое звучит так: «*Philosophia est disciplina omnium rerum humanarum atque divinarum rationes plene investigans*» (Философия — это дисциплина, которая всесторонне исследует причины всех человеческих и божественных явлений) [Hugo de Sancto Victore, 1857, p. 744]. В пятой главе Гуго продолжает тему восстановления человеческой природы. Все человеческие действия направлены либо на восстановление целостности этой природы посредством знания и добродетели, которые в итоге позволяют нам уподобиться «небесным и божественным субстанциям», либо облегчению слабости человеческого тела. Далее Гуго делит все вещи на три категории: к первой относится только Бог, ко второй принадлежит природа и к третьей — все временные вещи, порожденные природой. В оставшихся главах Гуго вводит аристотелевское разделение наук на четыре части — теоретические, практические и механические, добавляя в XI главе логику — науку, которую следует изучать в первую очередь.

Кратко резюмировать первую книгу «*Didascalicon*» можно следующим образом: уникальным стремлением к мудрости, т. е. философией обладает человек, поскольку только он наделен разумом. Сама философия охватывает все виды человеческой деятельности, два из которых направлены на восстановление человеческой природы до грехопадения (знание и добродетель) и поддержание смертного тела. Этим видам деятельности соответствуют три части философии.

Более подробно каждую из частей философии Гуго Сен-Викторский рассматривает во второй книге «*Didascalicon*». В XIX главе он подходит к практической части и говорит, что практические науки представлены тремя дисциплинами: этика, экономика и политика [Hugo de Sancto Victore, 1857, p. 759]. О предмете этих наук сказано следующее: этика устанавливает правила, ведущие к добродетели; экономика касается управления домашними делами; политика служит общему благу города [Hugo de Sancto Victore, 1857, p. 760]. Отметим, что, по всей видимости, для Гуго политика касалась только городов, а не более крупных территориальных образований, таких как средневековые королевства.

Гильом Коншский (1090/1091–1155/1170), учитель знаменитого Иоанна Солсберийского, в комментарии к платоновскому «Тимею» делит философию только на две части: практическую и теоретическую [Delhaye, 1949, p. 96]. Практическая часть состоит из трех предметов: «этика для обучения нравственности, поскольку “этика” означает то же, что и “моральный характер”; экономика для управления домом [*dispensativa*], которая учит всех, как они должны управлять своими собственными семейными делами, поскольку управитель [*echonomus*] является администратором дома; и политика для гражданских дел,

которая учит, как следует управлять республикой, поскольку город [civitas] является полисом» [Delhaye, 1949, p. 96]. Как и в случае Гуго, Гильом утверждает автономный характер всех трех практических дисциплин и намечает для каждой из них сферу применения. Он также сходится с Гуго в приравнивании полиса с civitas, что позволяет утверждать, что политика для них не выходила за пределы городских стен. В пользу этого говорит и комментарий Гильома к Боэцию, в котором он делит мудрость на теоретическую и практическую, а через несколько строк ниже воспроизводит с небольшими изменениями свое виденье практической части: «Есть три вида практики: экономическая, политическая и этическая. И именно экономика учит, как каждый должен управлять своей семьей. <...> Политика связана с управлением городом; ибо полис — это город. Но этика заключается в воспитании морали» [Guillaume de Conches, 1862, p. 73].

Следующий автор — Жоффруа Сен-Викторский (1125/1130–1195) — является автором двух крупных сочинений: «Fons philosophiae» и «Microcosmus». Последний труд принадлежит к поздним работам Жоффруа и относится к тому же жанру, что и «Didascalicon» Гуго Сен-Викторского. В «Microcosmus» Жоффруа воспроизводит аристотелевское деление философии на три раздела — теоретический, практический и механический, последние два обсуждаются в 55–58 главах. Так, аллегорически называя практические и механические искусства потоками, он пишет: «Есть три раздела второго потока, поскольку практика имеет три аспекта: этический, экономический и политический. Посредством первого каждый подготавливается к подходящему общению, похвально наставляя его во внешнем поведении. Посредством второго прекрасно организуется в глазах людей домашнее хозяйство отцов семейств. Посредством третьего подвластный народ похвально устраивается своим князем, как если бы плодоносные деревья пустили ростки на нашей земле» [Delhaye, 1949, p. 97]. И далее через несколько строк: «Несмотря на то, что плодоносные деревья исчезают вместе со своими плодами и благоуханием, однако реки, порождающие их, постоянно увеличиваются и умножаются втрое. Поскольку постоянно появляются новые книги по этике, экономике и политике и обновляются предписания частного и публичного права, а также гражданского и права народов и князей и так с каждым днем сухая земля, на которой произрастают новые плодоносные деревья, становится все более изобильной» [Delhaye, 1949, p. 97]. В словах Жоффруа мы обнаруживаем уже больше конкретики — политика как искусство касается устройства общества, которое должен осуществлять правитель, причем это возможно благодаря новым книгам и обновлению законов, которые сравниваются с деревьями, дарующими свои плоды.

Следующий автор Доминик Гундисальво трудился переводчиком при дворе архиепископа Толедо Раймонда (1125–1151). Его сочинение «De Divisione Philosophiae», созданное примерно в середине XII века (Gundissalinus 1903: 164), является компиляцией трудов большого числа авторов, как арабских (Аль-Кинди, Аль-Фараби, Авиценна и др.), так и латинских (Боэций, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный и др.). Людвиг Бауэр в своем коммен-

тарии подчеркивает, что этот текст стоит на аристотелевской почве и его следует понимать и как обзор различных наук, и как проект реформы образования [Gundissalinus, 1903, p. 164]. В двух последних аспектах «De Divisione Philosophiae» близок к «Didascalicon» Гуго Сен-Викторского.

В прологе Гундисальво, так же как и предыдущие авторы, пытается дать определение философии, которое после ряда размышлений звучит следующим образом: «Философия есть знание человеческих и божественных вещей, которое соединено с учением о хорошей жизни» [Gundissalinus, 1903, p. 7]. Через несколько строк он добавляет, что философия есть также полное знание человека о себе самом, т. е. то, что он состоит из духовной и телесной субстанции и акциденции [Gundissalinus, 1903, p. 7–8]. Далее Гундисальво добавляет: «Философское намерение [intencio philosophie] состоит в том, чтобы постичь истину всего существующего, насколько это возможно для человека» [Gundissalinus, 1903, p. 9]. Все существующее делится на два вида: первый является результатом нашей работы и воли, к чему в том числе относятся законы, войны, постановления и т. п.; второй — это все то, что создано Богом или природой [Gundissalinus, 1903, p. 10–11]. Из этого следует разделение философии на две части: первая позволяет узнать, что должно делать, и называется практической; другая, теоретическая позволяет узнать, что следует понимать [Gundissalinus, 1903, p. 11].

После предварительного обсуждения теоретической части Гундисальво переходит к практической, которую традиционно делит на три предмета: политика, экономика и этика. О первой он пишет, что «наука об устройении общения со всеми людьми, для чего необходимы грамматика, поэтика, риторика и наука о светских законах, в которых есть наука об управлении городов и наука о гражданском праве — под этим понимают политическую науку, которую Туллий называет «гражданских разумом» [Gundissalinus, 1903, p. 16]. Экономика — это наука об устройении домашнего хозяйства и семьи, а этика — наука о надлежащем поведении.

После небольшого пролога Гундисальво начинает подробный разбор теоретических наук, который составляет основную часть «De Divisione Philosophiae», оставшиеся же несколько страниц посвящены трем практическим дисциплинам. Следует отметить, что этот обзор практических наук превосходит по объему всех предыдущих авторов.

Гундисальво вновь начинает с политики, которую определяет как науку об управлении городом. Для этой цели *civilis sciencia* исследует различные виды произвольных действий, обычаи, нравы и поведение и учит, какими они должны быть. К этому Гундисальво прибавляет, что политика различает два вида действий: ведущие к подлинному счастью и те, которые только считаются таковыми. Таким образом, гражданская наука, различая истинное и мнимое счастье, показывает правителям, какие поступки должны совершаться народом. В связи с этим Гундисальво делит царствование (*regnatus*) на два вида: посредством первого управляются города и народы, устанавливаются

и сохраняются честные нравы, благодаря которым достигается счастье, второе же вводит дурные обычаи, и потому этот вид царствования называется глупым [Gundissalinus, 1903, p. 134–135]. К области политики относится также королевская добродетель, которую он делит на теоретическую часть: знание универсальных правил, и практическую, что позволяет королю упорядочивать действия подданных в зависимости от случая и времени [Gundissalinus, 1903, p. 135]. После этого Гундисальво делает вывод, что политика как наука делится на две части: одна исследует, что есть счастье, обычаи, нравы, поведение и отличает лучшее от дурного; другая часть касается действий королей, которые устанавливают надлежащее поведение [Gundissalinus, 1903, p. 135–136].

Вопрос о видах царской добродетели, которые являются предметом политики, приводит к ссылке на Аристотеля: «И действительно, эта наука содержится в книге Аристотеля, которая называется политикой, и является частью этики...» [Gundissalinus, 1903, p. 136]. Маловероятно, что Гундисальво имел возможность читать «Политику», однако следует признать, как метко это выразил К. Недерманн, что именно с Гундисальво начинает быть заметной та «подпольная традиция» аристотелевской политической науки, которая признавала свой долг перед Аристотелем [Nederman, 1991, p. 190]. Однако понимание политики Гундисальво отличается от аристотелевского. Во-первых, как мы уже видели, в «De Divisione Philosophiae» политика объявляется частью этики, что противоречит «Никомаховой этике» [Аристотель, 1983а, с. 55] и «Большой этике» [Аристотель, 1983b, с. 296]. Во-вторых, Гундисальво утверждает, что в «Политике» Аристотель исследует необходимые природные задатки сыновей королей и других, которые могут быть избраны для управления [Gundissalinus, 1903, p. 136], что еще раз подтверждает, что текст «Политики» ему не был известен, а также показывает укорененность автора в традиции зерцал князей с ее акцентом на необходимых добродетелях королей.

В политику Гундисальво также включил науку о законах, состоящую из двух частей: одна касается приговоров (*sentenciis*), другая тяжб (*actionibus*) [Gundissalinus, 1903, p. 136]. В связи с этой наукой поднимается тема установления законов, которая выводит автора к рассуждениям об устройстве города. Так, Гундисальво говорит, что в начале город (*civitas*) следует разделить на три части: распорядителей, служителей и знатоков закона, которые будут иметь над собой руководителя. И так город необходимо упорядочивать до тех пор, пока в нем не останется бесполезных и тех, кто никому не подчиняется, поскольку каждый должен способствовать *utilitas civitati*. Из последнего следует, что всякая деятельность, которая вредит городу, должна пресекаться, как, например, «блуд и содомия, которые отвлекают людей от того, что лучше в городе, а именно от брака» [Gundissalinus, 1903, p. 137]. После этих слов Гундисальво переходит к рассмотрению экономики.

Для Гундисальво, как и для его современников, политика являлась наукой, однако в своем «De Divisione Philosophiae» он подчиняет ее этике, что неслучайно. Уже рассуждения, представленные в прологе, приводят к той мысли,

что система наук имеет ценности не в себе самой, а в связи с будущей жизнью [Gundissalinus, 1903, p. 17]. К тому же на Гундисальво оказали влияние не только арабские авторы, которых он прекрасно знал благодаря своей переводческой практике, но и широко распространенные идеи «зерцал князей», группировавшиеся вокруг проблем правильных поступков и необходимых добродетелей правителей. Тем не менее рассуждения Гундисальво, выстраивающиеся вокруг политики, отличаются в известной степени новизной. Например, он имплицитно устанавливает связь между политикой и юриспруденцией, подчиняя последнюю первой, или его утверждения, связанные с необходимостью упорядочивания населения ради пользы города. Следует отметить, что тема порядка встречается в «О граде божьем». Так, в 19 книге Августина пишет: «Мир града — упорядоченное относительно управления и повиновения согласие граждан» [Августин Блаженный, 1998, с. 343]. Мир земного града есть результат согласия (*concordia*) граждан по двум ключевым для любого общества проблемам: управление и подчинение. Августин добавляет к этим словам *ordinata*, тем самым к двум ключевым понятиям, *rex* и *concordia*, добавляется *ordo* — согласие граждан утверждает не просто мир как отсутствие конфликтов, но упорядоченный, гармоничный; таким образом, сообщество получает структуру. В «*De Divisione Philosophiae*» граждане просто отсутствуют как предмет анализа, поэтому рассуждения об их роли следует назвать спекулятивными, к тому же сам Гундисальво говорит только о короле, его детях и тех, кто управляет различными частями города. В этой схеме именно королю отведена роль того, кто должен привнести порядок в город посредством законодательства. Однако Гундисальво, как и Гуго Сен-Викторский, Гильом Коншский и Жоффрау Сен-Викторский, все еще не покидает городских стен, оставляя в тени средневековое королевство. Он наделяет короля существенной властью без оглядки на реальные практики управления, которые имели место в Западной Европе XII–XIII веков.

Заключение

Мы постарались кратко рассмотреть труды ряда авторов, которые принадлежат к долговому XII веку. Сочинения, ставшие предметом нашего анализа, нельзя отнести исключительно к политической мысли, хотя с ней они связаны. Большая часть этих текстов относится к дидактической литературе, оставшаяся — это не менее распространенный жанр комментария. В исследуемых сочинениях мы не найдем отголосков великого спора между императором и папой римским, однако имеющиеся там рассуждения не менее ценны. Средневековая мысль XII века благодаря Боэцию получила представление об античной системе знания, которую постаралась воспроизвести и дополнить, что привело к бурной переводческой и литературной деятельности. Каждый рассмотренный автор делит философию либо на две, либо на три части, причем теоретические

науки всегда получают больше места. Это можно объяснить не столько их важностью, сколько той причиной, что каждая из них имеет под собой литературу, на которую ссылаются авторы. Практические дисциплины из-за отсутствия необходимых текстов получают только небольшие пояснения. Тем не менее здесь вновь на европейской почве явственно возникает политика как наука, которая, если резюмировать анализируемые выше фрагменты, сводится к тому, что она напрямую связана с управлением города, общим благом, общением, законами и декретами, человеческими действиями. Этот небольшой набор, который будет восприниматься авторами последних десятилетий XIII – первой половины XIV века как нечто само собой разумеющееся, примечателен тем, что сформирован и транслирован далее задолго до перевода аристотелевской «Политики». Текст Аристотеля стал необходим после работы, уже проведенной авторами XII века, и во многом благодаря именно им он и был быстро включен в интеллектуальное пространство позднего Средневековья.

Список источников

1. Miethke J. Spätmittelalter: Thomas von Aquin, Aegidius Romanus, Marsilius von Padua // Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 2008. P. 77–111.
2. Miethke J. De potestate papae: die päpstliche Amtskompetenz im Widerstreit der politischen Theorie von Thomas von Aquin bis Wilhelm von Ockham. Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. 346 p.
3. Flüeler C. Politischer Aristotelismus im Mittelalter Einleitung // Vivarium. 2002. Vol. 40. № 1. The Reception of Aristotle's "Politics" in the Middle Ages. Leiden, Brill. P. 1–13.
4. Ullmann W. Principles of Government and Politics in the Middle Ages. Abingdon, Oxon: Routledge, 2010. 238 p.
5. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Дело, РАНХиГС, 2018. 464 с.
6. Klosko G. History of Political Theory: An Introduction Vol. I: Ancient and Medieval. Oxford: Oxford University Press, 2012. 373 p.
7. Haskins C. H. The Renaissance of the Twelfth Century. Massachusetts: Harvard university press, 1971. 437 p.
8. Шмараков Р. Л. Аделард Батский: О тождественном и различном // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. 2. № 3. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 205–246.
9. Söder J. R. Hochmittelalter: Die Wiedergewinnung des Politischen // Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 2008. P. 53–76.
10. Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
11. Hugo of St. Victor The Didascalicon. New York: Columbia University Press, 1961. 254 p.
12. Гуго Сент-Викторский Дидаскаликон. Об искусстве обучения. СПб.: Петроглиф, 2020. 336 с.

13. Hugo de Sancto Victore Didascalicon // *Patrologiae Cursus Completus series secunda (Latina)* T. 176. Paris: J. P Migne, 1857. Coll. 739–812.
14. Delhaye P. *L'Enseignement de la Philosophie Morale au XIIe siècle // Mediaeval Studies*, 11. Fribourg: Editions Universitaires, 1949. P. 77–99.
15. Guillaume de Conches. *Des Commentaries ineditis de Guillaume de Conches et de Nicolas Triveth sur la Consolation de la Philosophie de Boece // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotheque Nationale*, vol. 20. Paris: Imprimerie Imperiale, 1862. P. 40–82.
16. Gundissalinus. *De Divisione Philosophiae // Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen. Bd. 4. Heft 2–3*. Münster: Verlag der Aschen-dorfschen Buchhandlung, 1903. P. 1–144.
17. Nederman C. J. *Aristotelianism and the Origins of "Political Science" in the Twelfth Century // Journal of the History of Ideas. Vol. 52, № 2*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. P. 179–194.
18. Аристотель. Никомахова этика // *Сочинения: в 4 т. Т. 4*. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.
19. Аристотель. Большая этика // *Сочинения: в 4 т. Т. 4*. М.: Мысль, 1983. С. 295–374.
20. Августин Блаженный. *О Граде Божиим. Книги XIV–XXII / Творения: в 4 т. Т. 4*. СПб.: Алетейя, 1998. 585 с.
21. Grabmann M. *Die logischen Schriften des Nikolaus von Paris und ih-re Srellung in den aristotelischen Bewegung des XIII. Jahrhunderts // Mittelalterliches Geistesleben. Ab-handlungen zur Geschichte der Scholastik und Mystik*. München: Hueber, 1926. P. 222–249.
22. Zambelli P. *The Speculum astronomiae and its Enigma. Astrology, Theology and Science in Albertus Magnus and his Contemporaries*. Boston: Springer, 1992. 352 p.

References

1. Miethke, J. (2008). *Spätmittelalter: Thomas von Aquin, Aegidius Romanus, Marsilius von Padua*. Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19 Jahrhundert. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler.
2. Miethke, J. (2000). *De potestate papae: die päpstliche Amtskompetenz im Widerstreit der politischen Theorie von Thomas von Aquin bis Wilhelm von Ockham*. Tübingen: Mohr Siebeck.
3. Flüeler, C. (2002). Politischer Aristotelismus im Mittelalter Einleitung. *Vivarium*, 40, 1, *The Reception of Aristotle's "Politics" in the Middle Ages*. Leiden: Brill. S. 1–13.
4. Ullmann, W. (2010). *Principles of Government and Politics in the Middle Ages*. Abingdon, Oxon: Routledge.
5. Skinner, K. (2018). *The origins of modern political thought: in 2 volumes. Vol. 1: The Age of the Renaissance*. Moscow: Delo, RANXiGS. (In Russian).
6. Klosko, G. (2012). *History of Political Theory: An Introduction Vol. I: Ancient and Medieval*. Oxford: Oxford University Press.
7. Haskins, C. H. (1971). *The Renaissance of the Twelfth Century*. Massachusetts: Harvard university press.
8. Shmarakov, R. L. (2018). Adelard of Bath: On the Same and the Different. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 2 (3). Moscow: Publishing house Vysheyshkoly ekonomiki. 205–246. (In Russian).
9. Söder, J. R. (2008). *Hochmittelalter: Die Wiedergewinnung des Politischen. Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19 Jahrhundert*. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler.

10. Duby, J. (2000). *The three-part model, or the ideas of medieval society about itself*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russian).
11. Hugo, of St. Victor (1961). *The Didascalicon*. New York: Columbia University Press.
12. Hugh, of Saint Victor (2020). *The Didascalicon. About the art of learning*. Saint Petersburg: Petroglif. (In Russian).
13. Hugo, de Sancto Victore (1857). *Didascalicon. Patrologiae Cursus Completus series secunda (Latina)*, 176. Paris: J. P Migne.
14. Delhaye, P. (1949). *L'Enseignement de la Philosophie Morale au XIIIe siècle. Mediaeval Studies*, 11. Fribourg: Editions Universitaires.
15. Guillaume de Conches (1862). Des Commentaries ineditis de Guillaume de Conches et de Nicolas Triveth sur la Consolation de la Philosophie de Boece. *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotheque Nationale*, 20. Paris: Imprimerie Imperiale. 40–82.
16. Gundissalinus (1903). *De Divisione Philosophiae. Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen*. Bd. 4. Heft 2–3. Münster: Verlag der Aschendorfschen Buchhandlung.
17. Nederman, C. J. (1991). Aristotelianism and the Origins of “Political Science” in the Twelfth Century. *Journal of the History of Ideas*, 52, 2. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 179–194.
18. Aristotle (1983). *Nicomachean Ethics. Works: In 4 volumes. Vol. 4*. Moscow: Mysl. (In Russian).
19. Aristotle (1983). *Great Ethics. Works: 4, 4*. Moscow: Mysl. (In Russian).
20. Saint Augustine (1998). *The City of God Books XIV–XXII. Creations: 4, 4*: Saint Petersburg: Aletejya.
21. Grabmann, M. (1926). *Die logischen Schriften des Nikolaus von Paris und ihre Stellung in den aristotelischen Bewegung des XIII Jahrhunderts. Mittelalterliches Geistesleben. Abhandlungen zur Geschichte der Scholastik und Mystik*. München: Hueber.
22. Zambelli, P. (1992). *The Speculum astronomiae and its Enigma. Astrology, Theology and Science in Albertus Magnus and his Contemporaries*. Boston: Springer.

Информация об авторе / Information about the author:

Жулев Владислав Викторович — аспирант кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Vladislav V. Zhulev — Postgraduate Student of the Department of History of Foreign Philosophy of the Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia.

wladislawking@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени — всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

- объем статьи — от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, с учетом списка литературы (*не менее 20 000 и не более 40 000*);

- поля — по 2,5 справа, слева, сверху, снизу;

- шрифт — 14, Times New Roman;

- интервал — полуторный;

- красные строки — 1,25 (выставляются автоматически);

- для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом документа используются отсылки, которые приводятся в тексте документа в квадратных скобках с указанием идентифицирующих сведений, например: [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17]; [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17–25] (обратите внимание, что указывается только ФАМИЛИЯ автора (авторов), без инициалов);

- в верхнем левом углу указывается тип статьи (обзорная; научно-теоретическая; научно-практическая; аналитическая; научно-публицистическая; научно-исследовательская);

- далее указывается классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК — <https://teacode.com/online/udc/>);

- далее — заглавие статьи на русском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта — 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом). В конце заглавия статьи точка не ставится;

- имя, отчество и фамилия (полностью) авторов (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- информация о месте работы (учебы) автора(ов), электронные адреса, ORCID (Open Researcher and ContributorID — <https://orcid.org>) авторов указывается после имен авторов на разных строках и связывается с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений — 1 (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- перечень затекстовых библиографических ссылок, озаглавленный *Список источников* (кегель шрифта — 14, выравнивание по ширине страницы). Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» и строится в порядке цитирования источников в тексте статьи;

- список источников на английском языке, озаглавленный *References*, — в соответствии со стилем APA (7th edition) (<https://apastyle.apa.org>). В *References* необходимо полностью повторить список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеется или нет в нем иностранная литература. Последовательность авторов в *References* должна полностью совпадать с русскоязычным списком источников;

- в список источников включаются только **научно-исследовательские работы (научные статьи, монографии, книги)**, в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников. Ссылки на **другие виды источников** (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций и др.) оформляются внутри текста статьи **подстрочными ссылками** (в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка»);

- материал статьи должен отвечать требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % для эмпирических.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте: <https://philosophy.mgpu.ru/instrukciya-dlya-avtorov/>

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Светлане Васильевне Черненко* (ChernenkayaSV@mgpu.ru).

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal
Вестник МГПУ.
Серия «Философские науки».

MCU Journal
of Philosophical Sciences

2024, № 4 (52)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82101 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:
А. В. Лященко

Корректор:
К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:
А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36

Подписано в печать: 00.00.2023 г.
Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.
Объем: 7,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.